

«ТЕБЕ, ГОСПОДИ, ПОСВЯТИЛА МЕНЯ МАТЕРЬ МОЯ»

Ты, Господи, защита моя, проводи меня невредимым, ибо Твой я служитель, Твое я dospояние, Ты для меня от начала единый Бог. Тебе посвятила меня мать моя, нося меня еще в утробе своей. Мать моя в руки мои вложила божественные книги и, обнимая меня, сказала мне такое слово: «Приводил уже некогда к алтарю возлюбленного богодарованного сына, годового спавь священной жертвою... А я, как обещала, приношу Богу тебя – дар живой: исполни же матернее желание. Ты рожден по молитвам моим; о том теперь молюсь, чтоб ты был совершен. – Это доброе богатство даю тебе, сын мой, для сей и для будущей жизни». Таково желание матери, и я покорялся ее желаниям, будучи еще отроком; юная душа моя принимала в себя образ благочестия.

Мать моя, наследовав от отцев богоугодную веру, и на детей своих наложила эту золотую цепь. Она знала одну красоту – красоту душевную. Она знала истинное благородство – иждивать свое имущество для Бога и нищих, особенно же для обедневших родственников.

Укрылось ли от нее какое время и место молитвы? Кто благоговейнее ее споял во время всенощных и дневных песнопений? Кто был лучшею заступницей вдов и сирот? Кто в такой мере облегчал бедственное состояние плачущих? Если бы позволили ей черпать из Атлантического или другого обширного моря, и того бы ей не доспало: так велико и непомерно было в ней желание подавать милоспину! Умолчу о делах еще более сокровенных, которыми свидетель один Бог.

Из творений свт. Григория Богослова

Духовный Собеседник

2020 №2(106)

Председатель
редакционного совета
Высокопреосвященнейший Сергей,
митрополит Самарский и Новокуйбышевский

Редакционный совет:
Епископ Никифор (Хотеев)
Епископ Софроний (Баландин)
Епископ Нестор (Люберанский)
Епископ Леонтий (Козлов)
Архимандрит Георгий (Шестун) – гл. редактор
Протоиерей Николай Манихин
Архимандрит Вениамин (Лабутин)
Протоиерей Олег Агапов
Протоиерей Евгений Зеленцов
Протоиерей Игорь Макаров
Протоиерей Дмитрий Лескин
Протоиерей Александр Урывский
Протоиерей Рустик Гузь – секретарь ред. совета
Протоиерей Алексей Подмарицын
Д. В. Сивиркин
Монахиня София (Бельчикова)
Ю. В. Изъятский

Над номером работали:
Монахиня Феофания (Купер) – ответственный секретарь
Мария Винникова – зам. гл. редактора
Анна Коваленко – редактор
Анастасия Лукьянцева – набор
Александр Филимонов – верстка

Адрес редакции: Россия, 443110, г. Самара, ул. Радонежская, 2.
Почтовый адрес: 443110, г. Самара, ул. Радонежская, 2.
Тел.: (846) 334-12-72, 336-84-41. Факс: (846) 336-18-99.
Эл. почта: redaktor@духовныйсобеседник.рф
Электронная версия «ДС» в Интернете: духовныйсобеседник.рф
Одобрено Синодальным информационным отделом Русской Православной Церкви

СОДЕРЖАНИЕ

«ТЕБЕ, ГОСПОДИ, ПОСВЯТИЛА МЕНЯ МАТЕРЬ МОЯ» 1

СВЯТИТЕЛЬСКОЕ СЛОВО

Митрополит Иоанн (Снычев)

«Не стыдился грешить – не стыдись и каяться» 4

СЛОВО ПАТРИАРХА

Патриарх Московский и вся Русь Кирилл

Семья как колыбель жизни 6

ЖИЗНЬ МИТРОПОЛИИ

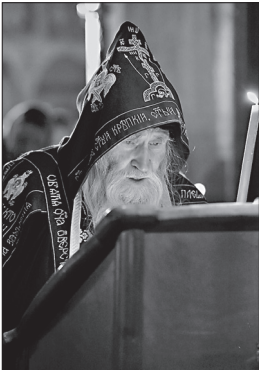
Схиархимандрит Илий (Ноздрин)

«Мы в России – мы в любви Бога» 12

ЖИЗНЬ ВО ХРИСТЕ

Митрополит Мануил (Лемешевский)

«Поминайте наставников ваших» 34

РУССКИЙ ВОПРОС

Патриарх Московский и вся Русь Кирилл

«Большинство российских граждан верят в Бога» ... 46

Алексей Величко

«Светская Конституция» и «симфония властей» 47

Константин Запулин

Пустите русских в конституцию 57

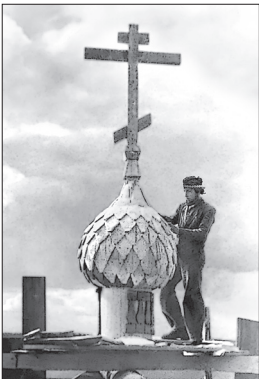
Юрий Баранчик

«Россия является мононациональным государством» 61

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

Сергей Смирнов

«Исторической преемницей падшей Византии является Москва – третий Рим» 64

ВОЗВРАЩЕНИЕ ОБРАЗА

Елена Морозова

Семья в современном мире и православная традиция 78

Трибуна русской мысли

Александр Панарин

От вселенского одиночества – к вселенской миссии 92

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТРАНИЦЫ

Виктор Николаев

Подарок от епископа 136

Случай в Хотьково 139

«НЕ СТЫДИЛСЯ ГРЕШИТЬ –
НЕ СТЫДИСЬ И КАЯТЬСЯ»

Мы, возлюбленные братья и сестры, стыдимся исповедовать свои грехи не только пред людьми, но и пред духовником. Это ложный стыд. Мы не хотим, чтобы о нас знали плохое, стараемся, чтобы о нас думали только хорошо, стараемся показать добродетели, которых у нас нет. А древние христиане исповедовали свои грехи пред людьми и сочувствовали друг другу. Они были более культурными и образованными в духовном смысле людьми, чем мы. Тогда существовала публичная исповедь. Христиане не осуждали брата, впавшего во грех, а молились за него.

Я приведу вам такой пример. Один епископ достойно управлял своей паствой, но случилось так, что он впал в смертный грех. Этот грех его мучил, и епископ почувствовал, что больше не может управлять своей паствой. В один праздничный день, в храме, во всем архиерейском облачении он признался народу в совершенном грехе. Паства стала со слезами умолять его не покидать верующих, но епископ был непреклонен. Он снял с себя омофор и положил его на престол.

Тогда в храме поднялся плач и верующие сказали, что на себя возьмут его грех, но епископ ответил, что этого делать нельзя. Затем он повелел закрыть двери храма со словами: «Если кто не выполнит того, что я скажу, будет лишен принятия Святых Тайн Христовых. Да пройдет каждый чрез тело мое». Он лег на пол и каждый прошел чрез тело его. Когда проходил последний, то из Алтаря послышался голос: «Чрез твое смирение прощен тебе грех».

Вот как, возлюбленные братья и сестры, каялись в древние времена и епископы, и простые христиане. И вы кайтесь и не скрывайте ничего: грех ли детства, юности или старшего возраста, грехи ежедневные. Пока еще есть, где каяться, кайтесь. Не носите вы эту заразу в себе! А вы скрываете свои грехи. Не стыдился грешить – не стыдись и каяться. Пред святым Евангелием невидимо стоит Сам Христос. Исповедуй Ему грехи, припади к стопам Его, скажи: «Господи, я принес Тебе раны свои. Наложь пластырь, исцели, очисти!» И если так покаешься, то какой бы ни был грех, – он будет прощен.

И тогда мы сподобимся вечной славы со всеми святыми и будем славить великое имя Святой Троицы, Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь

14 октября 1969 года, вторник, вечер

СЕМЬЯ КАК КОЛЫБЕЛЬ ЖИЗНИ

ДОКЛАД СВЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА КИРИЛЛА НА VIII РОЖДЕСТВЕНСКИХ ПАРЛАМЕНТСКИХ ВСТРЕЧАХ В СОВЕТЕ ФЕДЕРАЦИИ

Никакой народ не может иметь будущего, если не станет бережно хранить в своем сердце память о прошлом, о подвигах и делах своих предков. Казалось бы, очевидная мысль, но об этом не лишне сказать сегодня, принимая во внимание тот факт, что некоторые ставят данный тезис под сомнение. В этом году мы отмечаем 75-летний юбилей Победы в Великой Отечественной войне – Победы, которая была достигнута ценой невероятных жертв, героических усилий и огромных трудов предыдущих поколений. Не наш народ начал эту войну. Вспоминая события того времени, мы призваны помнить о том, что одержали победу не над людьми, не над какой-то определенной страной или народом, а над человеконенавистническим мировоззрением, над машиной нравственного беззакония, которая работала на уничтожение самого представления о ценности человеческой личности.

Война изменила наше общество, в том числе изменила отношение к вере. В окопах, как мне приходилось слышать от участников Великой Отечественной войны, нет атеистов. Я специально задавал этот вопрос. Ответ был такой: в окопах атеистов не было. Победа укрепила узы дружбы между народами, которые плечом к плечу боролись с нацизмом, защищали свою жизнь и свободу. И сегодня нам необходимо объединить свои усилия для того, чтобы сохранить великое наследие победителей и передать его подрастающему поколению. Знание правдивой истории Великой Отечественной войны, уважение к народному подвигу – это значимая часть нашей национальной идентичности.

Нынешние Международные Рождественские чтения нацелены на то, чтобы актуализировать наследие Великой Победы, внести свой вклад в сохранение памяти о событиях тех лет, воспитать у молодых соотечественников чувство причастности к истории Родины и уважения к героизму, самоотверженности отцов и дедов, отстаивших свободу и независимость.

Хотел бы сказать несколько слов о том, что мне кажется сейчас важным для решения одной из самых существенных проблем, которые перед нами стоят. Это проблема сбережения нашего народа, проблема, связанная с многодетностью, проблема, от которой реально зависит

наше будущее. Можно развивать технологии, можно совершать все то, что предлагается сегодня логикой цивилизационного развития, но если нас будет мало, если мы будем физически и духовно слабыми, то нам не справиться с задачами, которые стоят на повестке дня, особенно с учетом огромной территории и большого количества культур и этносов, живущих на нашей родной земле.

Позвольте мне сформулировать несколько конкретных предложений, и в первую очередь сказать о традиционных семейных ценностях и о биоэтике. Отрадно, что в Государственную Думу вносятся законопроекты, предусматривающие расширение возможностей использования материнского капитала. Это направление представляется очень важным в существующих экономических условиях, когда рождение одного ребенка, тем более второго и последующих детей оказывает существенное влияние на семейный бюджет. В этом случае гарантии со стороны государства будут повышать уверенность молодых семей в том, что они смогут достойно вырастить и воспитать своих детей.

С большой тревогой мы наблюдаем усиление давления на традиционный институт семьи в России. Сама идея семейной жизни нередко дискредитируется в публичном пространстве, на страницах глянцевого издания, в социальных сетях, которые акцентируют внимание на том,

что семейная жизнь якобы уменьшает уровень комфорта и потребления. На смену семье как колыбели жизни предлагается поставить новые репродуктивные технологии. Убежден, что пришло время отреагировать на этот вызов. Семья требует комплексной защиты, в том числе в публичном пространстве.

Мне кажется, здесь очень важна роль культуры, кинематографа, театра. Каждый из нас знает, что тема любви по-разному представляется сегодня в современном искусстве; нередко произведения искусства никак не способствуют формированию семейных ценностей. Проповедь нравственности, проповедь целомудрия и семейных ценностей сталкивается с агрессивным стремлением удовлетворять человеческие инстинкты. Что нам предлагается в качестве идеала? В первую очередь богатство, материальное благополучие, расширение возможностей потреблять все больше и больше товаров и услуг. Некоторые говорят, что без этого экономика не будет развиваться, а я задаю себе вопрос: что же это за экономика, которая не может развиваться без удовлетворения человеческих инстинктов? Может быть, кроме такого рода стимулов нам нужны еще и другие, в том числе мировоззренческие, духовные, культурные, которые помогали бы людям понять, что не хлебом единым жив человек, что человеческая жизнь может называться Жизнью с большой буквы только тогда, когда кроме горизонтального измерения, направленного на удовлетворение материальных потребностей, есть мощное вертикальное измерение, которое наполняется идеями, возвышенными чувствами и формирует самое прекрасное, на что способен человек.

Мы говорили сейчас, как говорим постоянно в этом юбилейном году, о подвигах наших героев во время Великой Отечественной войны. Как-то я задал вопрос фронтовику: «А что вы думали, когда поднимались в атаку? Ведь выйти из окопа, пойти навстречу врагу, который тебя встречает морем огня, – это ясно сознавать, что ты можешь пробежать десять-пятнадцать метров, и тебя не станет». И мой собеседник сказал: «Мы об этом не думали. Мы не думали о спасении собственной жизни. Мы шли вперед, движимые внутренней силой, убеждением, что иначе поступить невозможно». Вот это и есть проявление подлинного героизма, когда человек идет против голоса природы, когда он идет против своих, казалось бы, самых важных целей и ценностей, когда он готов пожертвовать самой жизнью.

Подвиг нашего народа в Великой Отечественной войне открыл невероятную духовную силу нашего народа. Потому что, еще раз хочу сказать, никакой рациональностью нельзя заставить человека идти навстречу смерти. Подвиг есть духовное понятие, и вот почему не было

в окопах атеистов. Поколение ветеранов, которое, к сожалению, уходит из нашей жизни, – это поколение очень сильных людей, которые не раз уверились в своих идеалах, в чьих сердцах не ослабла любовь к Родине даже тогда, когда было много оснований упрекнуть власть за недостаточное внимание к ветеранам, за недостаточную заботу.

С большой тревогой мы наблюдаем, как усиливается давление на традиционные институты семьи, как мало внимания уделяется этой теме в нашей современной культуре. Нужны хорошие литературные произведения, телевизионные передачи, которые еще и еще раз подчеркивали бы важность семьи и семейных ценностей. Особенно большой акцент, как мне кажется, нужно делать сегодня на теме многодетности. У нас три ребенка в семье воспринимаются как нечто особенное, а ведь на самом деле это лишь минимальное воспроизводство населения. Думаю, следует громко говорить о том, что семьи должны становиться многодетными. И не просто говорить, но, как я уже сказал, поддерживать этот тезис среди молодежи средствами культуры, изобразительного искусства.

Научный прогресс в области репродуктивных технологий позволяет людям, не имеющим возможности зачать и родить ребенка, прикоснуться к чуду появления новой жизни. Высоко оценивая стремление науки и здравоохранения решать насущные проблемы человека, не могу не отметить смысловую подмену, которая происходит в отношении так называемого суррогатного материнства. Запрещенная во множестве стран мира и доступная в России только обеспеченным – хочу это подчеркнуть – процедура, по сути, эксплуатирует женщин и даже поощряет торговлю детьми. Суррогатная мать получает деньги и как бы продает своих детей. Конечно, я использую резкие слова, но ведь именно так обстоит дело.

В основе данной проблемы во многом лежит социальное расслоение. Ни одна обеспеченная женщина не станет за деньги вынашивать и рожать детей для чужих людей. К этому выбору ее подталкивает социальная незащищенность, бедность, желание обеспечить собственных детей. Распространение коммерческого суррогатного материнства – это очевидное унижение достоинства российских женщин, самых незащищенных из них.

Не может не вызывать беспокойства и развитие технологий по так называемому модифицированию генетического кода человека. Сегодня я начал с разговора о Великой Отечественной войне, потому напомним, что упомянутые тенденции соотносимы с селективными экспериментами нацистов в рамках евгенических теорий. Божий дар жизни неприкосновенен, и риски от подобных вмешательств еще предстоит оценить. Необходимо провести разграничительную линию между лечением

генетических заболеваний и выведением человеческих особей с программируемыми генными инженерами качествами. Уже сейчас футурологи и фантасты говорят о том, как при помощи генной инженерии можно добиваться конкретных результатов, создавая человека по заранее заданным параметрам. Это действительно разрывает всякую связь с подлинной человеческой природой и превращает человека в иное существо, заранее запрограммированное на те или иные качества.

Еще одна проблема, в отношении которой складывается определенный консенсус в обществе, – это аборт. Я неоднократно поднимал эту тему, буду говорить об этом и впредь, пока мы не придем к разумному решению, исключив лишение жизни по желанию (а не по медицинским показаниям) из понятия «медицинская помощь», выведем аборт из обязательного медицинского страхования. Знаю, что эта тема по-разному преломляется в общественной дискуссии, но глубоко убежден в том, что количество абортотворений нужно сократить. Тема умножения населения – это одна из важнейших тем. Огромные просторы страны, мощное экономическое развитие требуют большого количества людей, и народонаселение – одна из важных целей, которые сегодня стоят перед государством. Она легко решается, если мы сокращаем на порядок количество абортотворений. За 10 лет численность населения вырастет на 10 миллионов, если добиться прогресса в предотвращении и искоренении абортотворений из нашей жизни. А потом по возрастающей – и 150, и 160 миллионов, – и это отнюдь не фантазия! Никакие иные способы не смогут помочь так радикально решить тему народонаселения, как значительное ограничение абортотворений.

Продолжается экспертный диалог между Министерством здравоохранения Российской Федерации и представителями Церкви. Это непростой путь, но мы должны его пройти. Незыблемое основание для достижения понимания – это ценность человеческой жизни. Глубоко убежден в том, что именно ценность человеческой жизни и должна быть главной темой диалога Церкви с системой здравоохранения, и не только с ней, но и с культурным сообществом, со всеми другими частями нашего социума, заинтересованными в радикальном изменении ситуации, обеспокоенными вопросами роста нашего населения и преодоления проблем, которые сегодня стоят на повестке дня именно потому, что нас недостаточно, что нас не так много, как должно быть на просторах великой России.

Другой важный практический вопрос, который отражает тенденции времени, касается цифровизации. Ранее я высказывался по этой проблеме. Признавая важность технологического развития и механизмов взаимодействия государственных структур, мы видим серьезные угрозы

для сохранности сведений о гражданах в универсальном банке данных, ведь это во многом зависит от человеческого фактора – порой даже больше, чем от самых современных систем защиты информации.

Многих верующих беспокоит заложенная в соответствующих законопроектах возможность сбора избыточных сведений, их модификация и передача коммерческим организациям. Поэтому обращаюсь с просьбой предусмотреть возможность предоставления гражданину полного контроля за сведениями о себе. Я также получаю обращения, в которых наши сограждане просят передать вам их озабоченность из-за отсутствия альтернативы создаваемым новым документам в электронном виде.

Цифровая революция может оказать и уже оказывает серьезное влияние на общественные связи. Но важно осознавать: какие бы возможности ни предоставляло развитие цивилизации, их целесообразность должна в первую очередь определяться достоинством и свободой человеческой личности.

Хотел бы еще раз поблагодарить Вас, Валентина Ивановна, за упоминание Вами озабоченности, существующей в Совете Федерации касательно многодетных семей, и за сообщение о рабочей группе, готовящей закон о многодетных семьях. Церковь будет всячески поддерживать ваши усилия, направленные на соответствующее законодательное обеспечение жизни многодетных семей, воспитание детей в них. Конечно, важно, что вырабатываются согласительные процедуры по закреплению статуса многодетной семьи. Очень поддерживаем это направление работы Совета Федерации и надеемся, что в результате наши многодетные семьи получат соответствующую поддержку от наших законодателей.

В заключение я бы хотел еще раз всех вас сердечно поздравить со значительными успехами, которые, несомненно, имеют место в нашем Отечестве – и на производстве, и в сельском хозяйстве, и во многих других отраслях. Все эти успехи во многом определяются результатами законодательной деятельности. Хотел бы выразить вам сердечную благодарность и уважение к вашему труду. Пусть Господь помогает дерзновенно, смело, но осмотрительно идти по пути законотворчества таким образом, чтобы законодательная база нашей страны была надежным фундаментом всестороннего развития России. Помогай вам во всем этом Бог.

28 января 2020 г.

«МЫ В РОССИИ – МЫ В ЛЮБВИ БОГА»

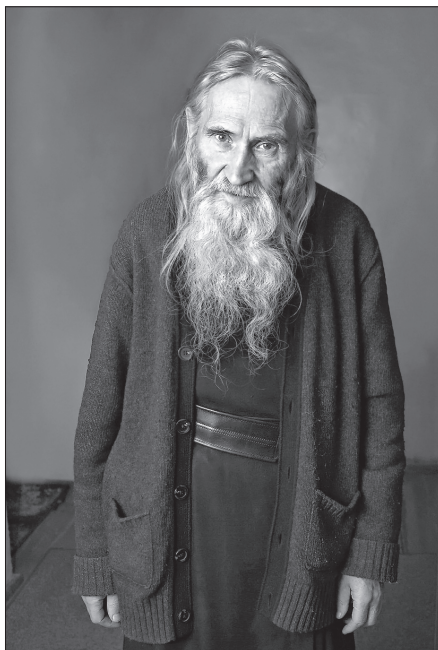
ВСТРЕЧА С ОПТИНСКИМ СТАРЦЕМ СХИАРХИМАНДРИТОМ
ИЛИЕМ (НОЗДРИНЫМ)

В Самарской Духовной семинарии по благословению митрополита Самарского и Новокуйбышевского Сергия в январе 2020 года прошла встреча представителей духовенства, монашества и православной общественности с известным всей России и за ее пределами оптинским старцем – схиархимандритом Илием (Ноздриным).

Схиархимандрит Илий (Ноздрин) родился 8 марта 1932 года в селе Становой Колодезь Орловской области в благочестивой крестьянской семье. При крещении был наречен в честь Алексия, человека Божия. По собственному признанию, молиться Алеши начал с трех лет, а самое большое влияние на мальчика оказала молитва «Отче наш», которой он навьк с семилетнего возраста. Детство его пришлось на время коллективизации тридцатых годов – годы разорения и уничтожения основ жизни русского крестьянства, его духовной сути.

Отец, Афанасий Иванович Ноздрин, скончался в 1942 г. в госпитале во Владикавказе после боевого ранения. Вскоре умер дедушка Иван, бывший староста сельской Покровской церкви. На плечах матери, Клавдии Васильевны, осталась осиротевшая семья – три сына и дочь.

В 1949 г. Алексей окончил среднюю школу в родном селе. Служил в армии. В 1955 – 1958 гг. обучался в машиностроительном техникуме в Серпухове. По окончании учебы по распределению был направлен в г. Камышин

Волгоградской области. Заложенные с детства основы веры привели молодого человека в храм – единственную действующую церковь, в честь святителя Николая Чудотворца, где в это время служил фронтовик, кавалер ордена Славы III степени протоиерей Иоанн Букоткин. Он поведал Алексею, ставшему его духовным сыном, как всю войну непрестанно молился, и Господь, дающий молитву молящемуся, призвал его на Свое служение.

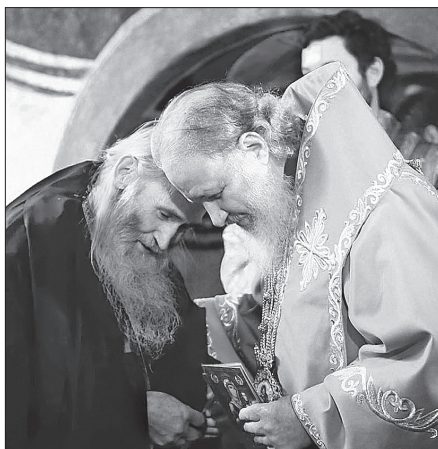
Отец Иоанн посоветовал Алексею поступить в Духовную семинарию г. Саратова. После закрытия Саратовской семинарии в 1961 г. продолжил образование сначала в Ленинградской Духовной семинарии, затем в академии. Там он познакомился с будущим Патриархом Кириллом. «Мы все его любили, – вспоминает Патриарх. – Он был еще мирянином, просто Алешей Ноздриным, но отличался удивительным характером и замечательным стилем отношений с людьми».

В марте 1966 года Алексей принял монашеский постриг с именем Илиан в честь одного из сорока мучеников Севастийских, затем был рукоположен в сан иеродиакона, а позднее – иеромонаха. Свое первоначальное послушание он нес на приходах нынешней Санкт-Петербургской епархии.

В 1966 г. поступил в Псково-Печерский монастырь, где нес послушания в течение десяти лет. Эта обитель никогда не закрывалась и на протяжении своей многовековой истории хранила традиции русского монашества и старчества. В те годы там до-

Протоиерей Иоанн Букоткин

Патриарх Кирилл со своим духовником, старцем Илием

Пасха в Оптиной пустыни. В центре отец Василий (Росляков), крайний справа старец Илий (Ноздрин). 1990 год

живали свой век вернувшиеся из Финляндии валаамские старцы, туда же в марте 1976 года пришел и отец Иоанн (Крестьянкин).

Под влиянием книги о преподобном Силуане Афонском иеромонах Илиан принял решение о поступлении в русский Свято-Пантелеимонов монастырь на Афоне, куда и был направлен вместе с четырьмя другими монахами определением Священного Синода 3 марта 1976 года. Вместе с другими насельниками они сумел сохранить в обители монашескую жизнь, поддержать её связь с русским Православием и предотвратить закрытие монастыря. Отец Илиан нес послушание в скиту, скрытом в горных ущельях. Ему было также доверено духовничество в Пантелеимоновой обители.

В конце 1980-х гг. отец Илиан был направлен в качестве духовника в восстанавливающуюся после 65-летнего запустения Оптину пустынь. Здесь он принял постриг в великую схиму с именем Илий в честь другого Севастийского мученика. В течение 20 лет схиигумен Илий возрождал старческое служение, которым всегда славился монастырь.

После Поместного собора 2009 года схиигумен Илий был избран духовником новоизбранного Патриарха Кирилла и поселился на Патриаршем подворье Троице-Сергиевой лавры в подмосковном поселке Переделкино.

На Пасху 4 апреля 2010 г. возведен в сан схиархимандрита.

Самое главное его служение – просвещать светом Христовой веры и любви, поить из неистощимого источника благодати Божией жаждущих,

согревать теплом отеческого взгляда сердца, не знавшие тепла. И когда в середине января пронеслась весть о том, что у нас в семинарии будет старец, какой потаенной радостью повеяло на покрытую мглой самарскую землю, застрявшую в этой сиротской полуосени-полузиме. И как солнце, таящееся в непроглядной мгле за пеленой серости и сырости, в сердце мысль о Старце, с такой отеческой заботой обратившемся со своим словом к будущим батюшкам.

Дорогой волжский народ! Слава Богу, что Он меня сподобил побывать в вашем замечательном городе. Немало слышал о вашем граде, он отмечен многими событиями. Когда-то в детстве мечтал я увидеть Волгу, все думал, что за Волга такая – великая и огромная русская река. И вот, оказывается, ваш город замечательный, Самара, расположен здесь. Господь ваш город ознаменовал великим чудом. Господь всех нас любит, хочет нам добра и, прежде всего, спасения наших душ. И ради нашего спасения Он явил здесь великое чудо, называемое «стояние Зои»¹.

Мы живём на этой чудесной земле, но земле грешной. И мы тянемся к Богу, хотим спасения от Господа. И Господь споспешествует нашему спасению, даёт каждому из нас познать Себя, почувствовать Себя, ибо с нами Бог всегда. Он всегда хочет только добра. Настолько Бог любит нас, что принял такие страдания за наши грехи! Но мы далеко не понимаем ту величайшую любовь Божию, которую Господь проявил Своим сошествием на землю, Своим страданием и Своим воскресением, и всеми теми многими событиями, которые Господь творит для человека.

Какое счастье для нас – мы искуплены Господом, Его страданиями, Его мучительным Крестом. Господь ради нас пошёл на Крест и показал Своё могущество, победив власть греха и смерти.

Господь, желая нам спасения, в разум истины прийти, в то же время никого из нас не принуждает. Он даёт чудеса, даёт нам все знания от Божественного откровения. Сохраняет нас, грешных, даёт нам все для жизни земной и жизни вечной. И это счастье для нас – счастье быть с Богом. Мы все это знаем и не нужно много говорить.

Чтобы наследовать Царство Божие, нужно возлюбить Господа всем сердцем, всею душою, всем разумением нашим. И возлюбить ближнего – брата своего. Всё мы это знаем. Но как нам это исполнить?

Здесь много народов, на Волжской земле. Но русские люди, русский народ, к огромному сожалению, за предыдущее столетие не только не уве-

---

¹ «Зоино стояние» – чудесное событие, произошедшее в городе Куйбышеве (ныне Самара) в январе 1956 года, когда девушка Зоя Карнаухова, после того как решила на вечеринке потанцевать с иконой святителя Николая Чудотворца, «окаменела» и простояла неподвижно 128 дней.

*Братия монастыря. В центре духовник
Троице-Сергиевой Лавры архимандрит
Кирилл (Павлов). Справа – духовник
Оптиной пустыни схигумен Илий*

алы и надежду на спасение. Они уничтожали русскую нацию, погубили многие сотни тысяч людей. Но святые Новомученики наполнили райские обители, и теперь они укрепляют Россию, помогают и поддерживают нас. И вот безумцы уже кричали, что России нет, а она жива!

И я верю, что если будем мы с Богом, то всё в России будет хорошо. Будет! Будет!

Мы понимаем, что основное, главное – это быть с Богом. Где оскудевает вера, где умаляется Православие, там оскудевает и жизнь. Бывают испытания, конечно, бывают времена тяжкие, бывает, что выпадет год неурожайный, холодный год, или какие-то другие события – большие скорби, большие бедствия. Это всё бывает. Но ведь Бог всегда с нами, и Господь всё даёт нам даром, по любви Своей. И любит нас всех, как мать своё дитя, своего ребёнка, старается его вырастить, старается увидеть его здоровым, крепким, жизнерадостным.

Господь всегда с теми, кто возлюбил Бога, возлюбил Его Пречистую Матерь, возлюбил Архангелов и Ангелов и всех святых, которых безчисленное множество, которые жаждут спасения всех людей. Господь подарил человеку вечность – жизнь бесконечную. И какой ценой оплачена эта вечная жизнь – страданиями Господа. Добровольно, вольною волею дал

личился в своём объёме, и Россия не только не укрепилась за период этой «совдепии», а стала разорённой, оборванной.

Какие мы счастливые, что можем быть в храме, в монастыре! Коммунисты все это у народа отнимали, разрушали, – всё делали, чтобы не дать людям спасаться, чтобы даже слово «Бог» мы не могли произносить. Стремилась отнять у народа храмы, святые обители, батюшек – и тогда уже диавол стал бы царём. А он и был почти сто лет царём, и до сих пор наш народ от этого страдает. Как сказал отец Иоанн (Крестьянкин), коммунизм – это порождение диавола. Бесовские силы и безбожная власть хотели совсем погубить Россию, отняв у людей Бога, святых, иде-

Христос пригвоздит Себя к Кресту. Люди жестокие, люди неверующие распяли Его.

Мы всегда должны быть всем довольны и благодарить Бога. За что благодарить? За то, что мы – православные, живём с Господом. Мы – люди счастливые, мы – избранный народ. Некогда избранным народом был народ израильский, Бог обещал прийти к нему с тем, чтобы поставить его выше всякого племени и народа. И он, народ израильский, ожидал Его, ожидал столетия, тысячелетия. И, конечно, Господь не обманул еврейский народ. Он правду обещал, правду говорил не раз через пророков, и Он пришёл к Своему избранному народу. Господь пришёл

к Своим, но, как говорит апостол, они не захотели Его принять. И что произошло? Господь рассеял их среди всех других народов.

И вот мы теперь, как некогда тот избранный народ, который Бог возлюбил и исполнил Своё обещание. Так Господь и нас наказывает, как заботливый Отец. За что? За нарушение порядка, за то, что, отходя прочь, сын и дочь не хотят послушать своих родителей. И всё равно родители их любят и всегда стараются как только можно беречь своих чад. Так и наши родители в трудные времена войн и бедствий отдавали последнее из того, что есть, последний кусок хлеба, оставаясь сами впроголодь.

Так и Бог, Он всегда с нами. Он наш Господь, Он наш Испытатель, наш Кормитель, наш любящий Отец Небесный. Как некогда кормил Он избранный народ в пустыне манной, посылал испытания и прощал.

И мы остаёмся православным и русским народом. Пускай мы среди многих иноверных и нерусских, но мы всё равно в великой милости Божией. Господь даёт нам благодать Духа Святого, даёт нам радость, даёт то, что нам первостепенно нужно, а первостепенное – это наша жизнь духовная, это получение благодати, получение Причастия, получение прощения грехов. Для духовного, верующего человека никогда нет потери самого нужного. А что нам нужно? А нам нужно быть с Богом – это первостепенная наша потребность.

Мы в России – мы в любви Бога. Господь не оставляет нас и земными плодами, – а Россия богата плодами земными – в ней много-много всего, великих ресурсов много. Чего только у нас нет! И поэтому мы можем жить – и духовно, и материально. Вот, дорогие, мы должны только благодарить Бога, только любить Бога, и тогда наша жизнь будет всегда в довольствии. А про-

тивники всегда хотели как-то умалить нас, отнять у нас эту радость. И так было в разные времена. Но Господь – наш Помощник и Покровитель.

Дорогие, мы облагодетельствованы, получили многие дары Божии. Одно из этих благодатных дарований – Господь нам дал построить многие храмы, дал нам всё для этих храмов. Вот как эта обитель – семинария, она будет ещё благоустраиваться, она нужная, очень нужная. И слава Богу! Не в каждой области есть подобные духовные училища, духовные школы, как здесь, в Петербурге, в Москве.

Вот, дорогие батюшки, мы получаем здесь начальные азы нашей духовной жизни и получаем возможность воспитывать наших людей, воспитывать детей, чтобы у них появилось понимание сути нашей жизни, знание сути духовной жизни, спасения. Это настолько необходимо, настолько важно и, конечно, не только для себя лично, но для нашей родной Православной Церкви. Церковь даёт возможность нашего спасения, даёт возможность всего того, чтобы наша жизнь обогащалась, чтобы мы понимали и чтили Бога, и Господь не прогневался на нас до конца.

Слава Богу, что здесь у вас есть возможность жизни. Помогите вам Господь, Царица Небесная! Дорогие, помогите вам Господи всем! Этот ваш край не из плохих. Я вижу, что это миллионный город – Самара, я даже не знал, что он такой. Люди видят здесь возможность жизни, понимают это, населяют этот великий город и здесь трудятся, молятся и любят свой край.

Нужно, чтобы у нас в Отечестве было больше мира, больше крепости, а для этого требуется, чтобы мы были единомысленны, согласны во всём. Господь не хочет смерти грешника, не хочет зла и погибели. Он неоднократно говорит в Евангелии: «Мир вам! Мир и благодать!»

Конечно, много забот еще у нас и во внешнем деле. Каждому требуется и себе устроить жилище, обустроиться. Но когда человек с Богом, когда душа его спокойна, когда он понимает, что он на своём месте, он бывает доволен и не скорбит о том, что что-то не так, чего-то не хватает. Нет, Он

понимает, что мы больше зачастую виноваты сами. Поэтому хоть и приходят на нас иногда какие-то болезни, беды, но всё будет для нас полезно, когда мы с Богом. Главное, чтобы наши дети возрастали, правильно воспитывались духовно, воспитывались в труде, в радости. И будет тогда в стране мир и радость.

Мы все понимаем, сколько этот столетний безбожный период отнял у нас доброго, сколько он нарушил из того, что было создано веками, было сделано трудами поколений. Ну что же... Сейчас есть у нас возможность для созидательного труда, созидательной жизни, – будем трудиться.

Мы часто скорбим: что-то не так, что-то не то. Но ведь Господь-то знает, чего у нас не хватает, и посылает нам все необходимое. Только нужно не забывать Бога. Мы понимаем: Он всегда, как воздух, близок нам, мы дышим, живём Им. Господь, Он с нами, Он всегда подаст нам, когда мы в крайней нужде о чем-то просим, хотим, желаем.

Дорогие о Господе, будем вместе в мире, будем с Богом, и Господь будет с нами. Будем молиться, дорогие, за нашу великую Россию. Мы понимаем, что нужно России: мир, благоденствие. И понимаем, что самый несчастный из людей тот, кто отходит от Бога. Он может быть материально богатым, может быть и здоровым, но он никогда не узнает той великой радости, того счастья, которое получает человек, живя с Богом, живя верою православною.

Мы встречаем великие праздники – Рождество Христово, Богоявление – празднуем события, в которых Господь Сам показал нам пример необходимости исполнять Божию волю. И как много получает человек, находясь с Господом, приходя к Богу! Отцы-священники столько доставляют блага для всех и всему миру своим трудом, своей любовью, созидавая Церковь, созидавая её жизнь.

Будем же всегда покорны Закону Божию, Евангелию, благодати и призыву Бога нашего, Который стучит в двери нашего сердца, хочет

войти в нашу душу и обогатить нас всех, живущих здесь, в великой стране нашей Российской.

Дай Бог всем здоровья, всем крепости, всем мужества, любви и благодати Божией!

Вы все понимаете, что сейчас у нас есть столько возможностей разрешать наши проблемы, наши беды, осуществлять наши задачи, которые на каждый день, на каж-

дое время стоят перед нами. Дорогие, сейчас через край всякой информации, и не всё бывает на пользу. Молитва – самое главное в нашей жизни, это есть наша духовная пища. Мы благодатную «пищу» принимаем в Причастии, ведь знаем: *Ядый Мою Плоть и пияй Мою Кровь во Мне пребывает... и жив будет во веки*¹. И, конечно, в этом задача ваша, священников, да и всех, кто помогает устраивать духовную жизнь, единым фронтом решая эту единую задачу. Вот, возлюбленные, дай Господи, чтобы наша молитва никогда не оскудевала, она есть дыхание наше, жизнь наша. В молитве мы всегда с Богом.

– **Насколько необходим духовник современному человеку в этом мире?**

– Необходимость духовника для православного человека мы только сейчас снова начали осознавать. Был у нас почти столетний период гонения на Православие, когда даже бабушкам приходилось крестить, и сами матери крестили детей... Посуду-то они могли найти для этого, но святого мира, которое при крещении необходимо для Таинства Миропомазания, не было, поскольку не было священника. И Церковь позволяет молиться за тех, которые были крещены именно таким образом – своей бабушкой или матерью. Такого человека можно потом и отпевать, погребать законно.

Сейчас, слава Богу, есть и священники, и желающие креститься, даже взрослые, бывает, и не русской нации, жаждают креститься.

Вот, дорогие, признанный Святой Церковью священник, духовник очень и очень нужен. Мы понимаем, что значит человеку спасти душу, чтобы получить вечную жизнь. Для этого необходимо стать православным христианином в Таинстве Крещения, а затем получить благодать и других Святых Таинств Церкви.

---

¹ Ин. 6, 56 – 58.

Духовник необходим каждому человеку. Прежде всего с духовными вопросами надо обращаться к духовному отцу. А кто эти духовные отцы? Естественно, это пастыри Православной Церкви.

У нас сейчас нет такого обычая, как, например, в Элладской Церкви, то есть в греческой, где считают необходимым для постоянного возрастания в духовной жизни быть

Старец Илий на Афоне

в общении с духовником, духовным отцом. Каждый человек избирает там себе духовного отца, духовника. Так у них принято. А у нас тоже такое имеется, но как-то пока выглядит бледно. И это тоже результат почти столетнего периода, когда нас пытались оторвать от Бога.

Батюшки наши некоторые к духовному окормлению призывают и советуют его иметь. Я могу сказать, прожив десять лет в Греции, что там такая необходимость очень подчёркивается.

– Как правильно священнику подготовить себя к служению Литургии? Как преодолеть суету?

– В стенах духовных школ всегда этот вопрос объясняется. В недавнем времени у нас не хватало литературы, нелегко найти было каноники, молитвословы, по которым следует вычитать все правила, чтобы сподобиться Святого Причастия. Если ты и многими делами занят, но когда имеется у тебя возможность Причащения, надо непременно вычитать правила духовные.

Ясно, что на это требуется время. Бывает, батюшки допускают к Причастию иногда и так: разрешают, мол, пускай, – человек был очень занят, он долго не мог причаститься. Но уж сколько-то надо вычитать правила непременно перед Причастием. Во всяком молитвослове оно есть.

– Отец Илий, вы были очень хорошо знакомы с известным нашим самарским священником в ту пору, когда он еще служил в Камьшине, – с протоиереем Иоанном Букоткиным. И он в своё время дал вам благословение поступить в семинарию, а потом благословил и на монашеский путь. И ещё один самарский человек очень близко с вами был связан уже в конце своего жизненного пути, – блаженная схимонахиня Мария Ивановна (Матукасова), которую вы постригали в великую схиму в Оптиной пустыни. Вы не представляете, насколько вы близки нам! Вы сейчас вспоминаете об этих людях?

– Спаси Господи! Да, я был несколько лет в окормлении отца Иоанна. Слава Богу, он молодец, он всю душу клал на то, чтобы взрастить веру. В основном я был при нём в Боровичах. Он без крайней необходимости никогда не отсутствовал на службе, любил службу, любил паству, проповеди говорил прекрасные. Он не терял ни единой возможности провести службу и много готовился к каждой проповеди.

Церковь, которая была в Боровичах, ее отняли; дали ему одну из малых церквей, не сказать, чтобы совсем на болоте, но на таком, на неважном месте. Я помню одну

женщину, теперь покойную, как она старалась отстоять храм в Боровичах, сколько раз она ездила в Москву по этому вопросу, а из Москвы обратно! Там, что называется, «футболили» ее: вот, мол, у вас есть своё начальство, добивайтесь у него. Возвращается к себе, здесь говорят: «Москва не разрешает...» И так она ездила туда-сюда, туда-сюда... Так было трудно в советское время в духовном плане.

– Скажите пожалуйста, как совмещать монашескую жизнь и научную работу?

– Думаю, вы это сами больше понимаете. Конечно, это очень важно в духовной жизни. Сколько у нас было корифеев духовной науки: профессор Глубоковский Николай Никанорович¹, профессор Василий Васильевич Болотов². Да сколько было учёных у нас! Существовало в России

¹ Глубоковский Николай Никанорович (1863 – 1937) родился в Вологодской губернии. Осиротев в два года, воспитывался в семье сестры. По окончании церковно-приходской школы обучался в Вологодской духовной семинарии и Московской духовной академии, по окончании которой оставлен профессорским стипендиатом. После защиты диссертации был приглашен на кафедру Священного Писания Нового Завета в СПбДА и занимал ее до закрытия академии в 1918 году. Доктор богословия, член-корреспондент Императорской АН, заслуженный профессор Санкт-Петербургской духовной академии, историк Церкви, библиист, почетный член ряда научных и церковно-археологических обществ, Н.Н. Глубоковский за время службы прошел путь до действительного статского советника, награжден множеством орденов и медалей, имел четыре высочайшие благодарности за свои труды.

² Болотов Василий Васильевич (1853 – 1900) родился в семье причетника Троицкого собора г. Осташкова Тверской губернии Болотова Василия Тимофеевича, погибшего незадолго до рождения сына. Воспитывался матерью, которая оказала большое влияние

четыре академии: Петроградская, Московская, Киевская, Казанская, — и около ста семинарий. Слава Богу, уже и сейчас есть у нас четыре академии. Научная работа очень нужна. Ведь есть же вопросы жизни и смерти, важные, как и сама духовная жизнь. Петр Калиновский¹ писал о том, что смерть есть переход из временного в вечность. И он в своем труде подчёркивает: «Я не только верю, но знаю, что есть вечная жизнь, есть продолжение жизни, есть это всё». Да и каждый из вас мог бы найти, добавить, подсказать пример свидетельства о вере, о том, что есть Господь. И продолжение жизни человеческой в мире ином можно определить не десятком, не сотней и тысячей, а, я бы сказал, миллионом свидетельств о том, что есть вечность, есть Господь и есть душа у каждого человека. Мы знаем это!

Как живёт человек, отказавшийся от молитвы, от Бога, от божественного присутствия в мире; где его обоснование, где его твёрдое убеждение? Просто не хочет ничего знать. Ведь каждый из нас мог бы сейчас здесь, не сходя с места, назвать не одно чудо, не одно свидетельство, просто я хочу сказать, что диавол блокирует прямо тут же, зачастую на месте, только бы человек не стал верующим, только бы не оказался с Богом. А почему блокирует? Потому что человек не задумывается, что такое жизнь, что такое смерть. Калиновский назвал это состояние переходом из временного в вечность. Мог ли любой оголтелый безбожник, человек, который закопал в грехах, опровергнуть весь человеческий опыт? У нас есть все основания, чтобы свидетельствовать о вере, о жизни вечной, будущей, которая нескончаема, о том, что у нас есть душа.

И особенно важно то, что мы-то называемся духовными лицами, мы называемся православными Божиими людьми, ищущими Бога, служим Богу, мы во всём друг другу родные, во всём. Господь нас избрал, Господь поставил нас на служение Себе. Наша Россия, наша такая огромная

на духовное формирование его личности. Окончил Тверскую духовную семинарию и Санкт-Петербургскую духовную академию. Блестящие способности, феноменальное трудолюбие и прилежание, особенно в изучении древних и новых языков, позволили ему в короткое время достичь невероятных успехов. Доктор богословия, член-корреспондент Императорской АН, историк Церкви, востоковед, выдающийся по талантности и дарованию среди ученых не только русских, но и всего мира, В.В. Болотов оказал огромное влияние на развитие богословской науки в России.

¹ Калиновский П. П. Переход. Последняя болезнь, смерть и после. М., Отчий дом, 2015.

Родина ни в чём так не нуждалась и не нуждается, как в любви к Богу. Почитать Бога, любить Его!

– Батюшка, скажите, каким видится ближайшее будущее России?

– Многое зависит как раз от нас! От всех и каждого, тем более христианина. Какое это будущее России... Слава Богу, что в нынешнее время, может, я не совсем точно скажу, но сейчас есть у нас такой че-

ловек, который настолько этим озабочен, старается всеми силами Россию сохранить. Да и многие озабочены, конечно. И каждый русский человек, и люди других народностей России, они не безразличны к судьбе нашего Отечества.

Поэтому мы и призваны к молитве, призваны к почитанию Божией Матери, Царицы Небесной. Господь прославляет Свою Матерь, которая защищает нас, спасает. И Царица Небесная врачует нас. Невозможно не заметить покров Божией Матери: Она действительно любит Россию, как Мать, сохраняет ее, как мы видим в прошедших войнах, прошедших потрясениях.

Господь не хочет смерти грешника, но еже обратится и живу быть ему¹. Эти слова можно сказать и о нашей Родине: не хочет Господь гибели России, а хочет, чтобы она жила. Да и многие народы за пределами нашей страны, даже они очень хотят, чтобы жива была Россия, потому что знают, что мир сейчас не в безопасном состоянии.

Чернобылем Господь нам напоминает, какими осторожными нужно быть. Чернобыль – это сигнал для нас. Господь показал, какие страшные жертвы могут быть, когда люди строят свою жизнь без веры, без благословения, лишь по своему разумению. Богохульники распоряжаются этой страшной атомной энергией. Господь долготерпит. У Бога есть всё – миллиарды звёзд, планеты, бесконечные миры. Но Он сохраняет жизнь на нашей планете, потому что есть ещё верующие люди.

Наше будущее зависит от нашего внутреннего состояния. Это самое главное, а не то, что могут напасть на нас, как это уже было – Гитлер или другие. Нет. Надежность жизни, будущее наше в основном зависит

---

¹ См.: *Не хочу смерти грешника, но чтобы грешник обратился от пути своего и жив был* (Иез. 33, 11).

от нас самих, от нашего духовного состояния. И только молитва, покаяние и жизнь духовная дают твёрдое основание, твёрдую почву, твёрдую надежду и любовь. Самое главное, насколько наша жизнь будет духовной, насколько она будет церковной, молитвенной, добродетельной.

Это великая милость, что Господь сохранил Россию! Как Иова Многострадального, Он восставил ее от отчаяния и даровал вся блага. И если мы будем хранить веру православную, будем верными чадами нашей Православной Церкви, сынами нашей Святой Руси, тогда Господь будет с нами и не позволит повториться тем страшным событиям безбожных времен. Будет жива Россия – будет и жизнь на земле. И да будет молитва наша усердна и жизнь духовная высока!

Вот, дорогие, помогите вам Господи! Да будет с нами вся святыня, радость духовная, мир от Господа и благодать!

– Дорогие отцы, братья и сестры, позвольте от всех вас дорогого батюшку отца Илия сердечно поблагодарить за то, что он посетил наш богоспасаемый град Самару и сказал такое глубокое назидательное слово каждому из нас. И мы с вами эти слова сохраним в своём сердце. Нам они необходимы для возрастания в духовной жизни, во Христе, чтобы мы с вами храм души своей созидали, любили Бога, любили Россию, молились за Россию. Действительно ведь, если будем молиться и каяться, как батюшка замечательно сказал, то и жизнь наша, она, под покровом Божиим и Царицы Небесной, станет иной, благодатной.

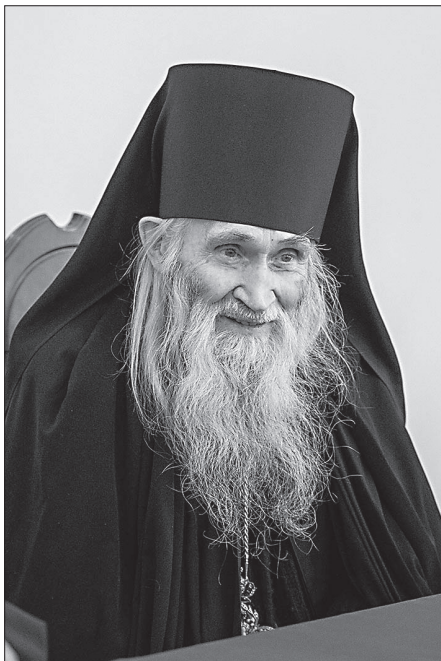

Фоторепортаж Екатерины Жевак.

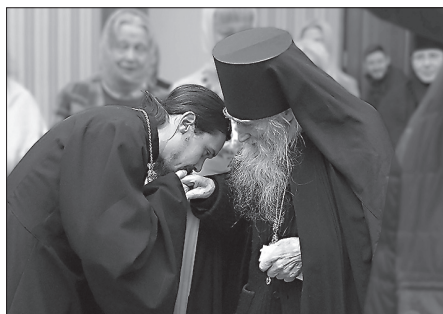

«ПОМИНАЙТЕ НАСТАВНИКОВ ВАШИХ»

АРХИВ МИТРОПОЛИТА МАНУИЛА (ЛЕМЕСHEВСКОГО)

СТАРИЦА ИУСТИНА

Старица Иустина из Ульяновска, ей около пятидесяти лет. Имеет дар прозорливости. Юродствует. На вид это обычная старушка с черными глазами. Рассказывали о ней в одном доме, где она бывала, много необыкновенного. Так, первым делом она перерывала все вещи, потом просила приготовить чаю. Чаю как-то не оказалось у хозяйки, и блаженная Иустина ей сказала: «Золотая моя, ничего, кипяток тоже хорошо!» Долго грелась вода, пока закипала, на что Иустина заметила: «Надо временем дорожить, надо, чтобы он скорее грелся!»

Лариса Михайловна посещала больную, которая шесть лет не вставала. Без всякого рассуждения старица Иустина запретила ходить к этой больной и выразилась о ней так: «У нее скверный язык и вольнодумная голова. Ты ее не спасешь. Пусть придут даже самые лучшие миссионеры, и те ее не спасут. Запомни, золотая голова, если ты будешь продолжать ходить к ней, то тебя прихлопнут между дверей. Она окружена, ей нужно каждую неделю причащаться. Если бы она была здорова и ходила, то дралась бы с людьми». Старица Иустина никогда эту больную не видела, но характер ее описала точно.

Спросила она как-то Ларису Михайловну: «Любишь ли ты монахинь?» Этим она намекала на то, что спустя некоторое время у Ларисы Михайловны поселится монахиня. «Я тебе дам рубль», – говорила она Ларисе Михайловне. И вместо рубля вынула и подарила ей книжечку о Иоанна Кронштадтского. Затем, наказав приготовить крепкого чаю к её приходу, поехала к блаженным Ксении и Анне.

«Как ты читаешь Евангелие?» – спрашивала она Ларису Михайловну. «Разве так можно читать? – где хочу, там и читаю. Надо по порядку».

Увидела карточки духовных лиц, которые стояли около святых икон, и велела их немедленно убрать, потому что это люди, а не святые. Говорила она еще: «Знаешь, образа ведь говорят. Говорят образа!» Но что ей сказали образа, не открывала. Ларису Михайловну она называла

Публикуется впервые. Продолжение. Начало в «ДС» № 1 (81). Воспоминания подготовлены к печати кандидатом исторических наук А. П. Семеновой по материалам архива митрополита Мануила (Лемешевского), предоставленным А. С. Ивановой.

золотой барынькой. Затем, подойдя к другой женщине, спросила: «А ты тоже хочешь быть золотой?» Та ответила, что ей хорошо было бы быть и деревянной. «Ишь ты какая! Это высоко очень. Из дерева иконостасы делают». – «Ну хоть чугунной». – «Чугуны никуда не годятся». Затем старица сказала Ларисе Михайловне, что она поступила бы мудро, если бы не сразу перестала ходить к своей больной, а постепенно, сославшись на недосуг.

Старица долго и тщательно умывалась. Сидя в кресле, лицо покрывала носовым платком. Однажды пришла и велела читать житие святых Ксенофонта и Марии¹ – за детей. Пришла чуть свет, в церковь никого не пустила: «Пришла проститься», – говорит. Сели чай пить с медом, но меду никому не дала есть, кроме Ларисы Михайловны. Подарила ей Лариса Михайловна кофточку и сказала: «Только Вы сами носите!» – «А какое тебе дело до того, кто носить будет?» – «Мне бы хотелось, чтобы Вы». – «Ну тогда до дыр доношу», – ответила старица.

Мария Михайловна сидела как-то у Ларисы Михайловны. В кармане у нее были четки, и она творила молитву Иисусову. Вдруг старица обращается к ней и говорит: «Четочки-то в кармане. А я тебе еще дам, хорошие», – чем глубоко поразила Марию. И она исполнила свое обещание: подарила Марии четки и химический карандаш. Так для рабы Божией Иустины ничего не было скрыто. Где она теперь – неизвестно.

Сообщила Лариса Михайловна 13 декабря 1932 года

СТАРИЦА МАТРОНА КАЛЯЗИНСКАЯ

Старица Матрона Калязинская² замужняя. Она прожила с мужем один год, и он бросил ее. Матрона осталась жить в срубе и сорок лет прожила там, подвизаясь в посте и молитве. И зимой и летом жила она в открытом срубе. Старица часто ходила с топориком и ударяла по бревнам. Однажды, гуляя так по срубам, она нашла жемчужину и говорит: «Вот теперь-то я украшу Царицу Небесную и Спасителя», – и расколола ее на три камня. Немного спустя, старица начала копать пруд и колодец своими руками. Вскоре появилась вода. Пришли к ней в это время какие-то девицы и попросили пить. Она указала им на колодец. Они стали пить и говорят: «Вода-то какая вкусная! Ею можно и лечить». Старица улыбается и говорит: «Да, я видела, как Царица Небесная протянула ручеек в мой колодец из Волги. Эта вода будет целебная».

---

¹ Преподобные Ксенофонт и Мария и сыновья их Аркадий и Иоанн жили и подвизались в V веке. Память их празднуется 26 января по ст. ст.

² Читайте о ней в «ДС» № 2(100), стр. 32 – 33.

Приехала к ней в это же время одна дама двадцати шести лет. Она долго лечилась, и доктора признали болезнь ее неизлечимой. Сделали операцию, но все оказалось бесполезно. Хлеба вообще не могла есть. Лишь только болящая услышала о силе молитв старицы Матроны, собралась и поехала к ней. Прожила она у старицы две недели, стала хорошо себя чувствовать и решила ехать домой. «Не езжай сегодня. Сегодня день для тебя тяжелый будет», – сказала ей старица. Она осталась. Вышла умыться за избушку старицы и стала кашлять. Видит – кровь с волосами выходит. С час кашляла, потом почувствовала себя здоровой. «Теперь ты можешь ехать», – сказала блаженная, и дама уехала домой совершенно исцеленная.

Одной женщине, приехавшей к ней за советом, старица сказала: «Для чего ты замуж вышла? Тебе не этот подвиг надо было иметь». Эта женщина была раньше послушницей при храме. Старица начала при ней молиться, и у женщины поднялась сильная рвота и вырвало ее зеленой лягушкой. Старица обернулась и говорит: «Это одна, а у тебя их семь. Приезжай ко мне еще, да и мужа привози».

Н. В. просила благословения у старицы на постройку дома в деревне. Она совсем забыла о том, что лет шесть назад сделала аборт. Старица напомнила ей об этом. «Вот придет время, сын-то убьет мать свою и поставит на свое место», – сказала она. Потом благословила и говорит: «По книгам я так училась „Во имя Отца и Сына и Святого Духа“». Я старица плохая: и руки у меня не делают, и ноги не ходят. Сижу и целый день ворчу. Нет, не надо строиться. Царица Небесная сказала: „Все снесу“. Строили два мужика дом, везде дует, везде несет, дождик пойдет и все размочит. Да припасай все же».

Н. В. хотела свое пепелище¹ поменять с соседним и перенести туда избу. «Нет, свою усадьбу не меняй, ее Спаситель благословил», – сказала старица. «Муж-то твой выпивает вино?» – «Да, матушка, выпивает», – ответила Н. В. «А любит он тебя?» – «Да, мы хорошо живем». Второй раз спросила: «Любит он тебя?» – «Да». Тогда старица спросила третий раз: «А любит он тебя?» – «Не знаю, матушка. Мы хорошо живем», – в раздумье ответила Н. В. «Вот был человек хороший. Пил-пил вино, упал и в ад попал. А как попал? Да и сам не знал. Отслужи молебен трем святым о спасении его души: мученику Вонифатию Тарсийскому, преподобному Моисею Угрину Печерскому и священномученику Моисею Мурину Эфиопскому, – может, ему полегче станет», – сказала блаженная. Потом несколько

---

¹ Пепелище – наследованный от отца или предков дом, жилище, место, земля.

Волковское кладбище. Санкт-Петербург

раз повторила такую фразу: «С автомобилем, с винтовками – села и поехала, и всему делу конец!»

Когда Н. В. узнала об аресте старицы Матроны, она поняла смысл последней фразы: старицу увозили в тюрьму на автомобиле вооруженные солдаты, и вскоре она умерла¹, не вернувшись из ссылки.

Сестра Н. В. хотела разделить с братом. «А вы что, деретесь разве?» – спросила старица. «Ну матушка старица, не деремса». – «Ну так уж лучше делите хлеб с водой, чем горе с бедой. Жили два мужика. Было у них двадцать две скотинки на дворе, и все в один год пали. Вот опашите дворик три раза сохой, потом три раза крестом, потом три раза навоз вывезите, да сохой, а не плугом пашите: и все пройдет у вас благополучно».

«Матушка-старица, а есть ли мне судьба?» – спросила её Н. В. Старица усмехнулась. «Уж очень тяжело мне работать, – заговорила она. – А у меня племянник в Питере есть. Учил меня, как надо молиться: молись правой рукой, а как правая устанет, молись левой рукой. Когда руки устанут, ляжешь и успокоишься».

Старица часто обличала народ. Тетушка Н. В. гадала у цыганки, а потом пришла к блаженной. Старица помотала что-то в мучовочке

¹ Старица Матрона Калязинская скончалась 11.02.1927 года в ссылке в Средней Азии.

и говорит: «Когда напакостили уж все, тогда ко мне пришла, а раньше у кого была?» Тетушка сообразилась, что была у гадалки.

Сообщено Н. В. в мае 1933 года

СТАРИЦА МАТРОНА

Бедная богаделенная старушка, но всеми чтимая и уважаемая за высоту жизни. Могилка старицы Матроны чтится и не забывается. Погребена на Волковском кладбище в Ленинграде.

Сообщил о. Николай П. 9 ноября 1932 года

СТАРИЦА МАРИЯ

Могилка старицы Марии очень чтится народом. Была она высокой жизни. Имела семью. По ее молитвам исцелилась девочка, которую видел священник Николай П. Девочка не владела ногами. По молитвам старицы она стала ходить. Погребена старица на Волковском кладбище в Ленинграде (Смотрительские мостки).

Сообщил о. Николай П. 9 ноября 1932 года

РАССКАЗ УБОГОГО СТРАННИКА ЛУКИ

Много я работал на так называемом «божественном фронте»: трудился по уничтожению религии. И никогда меня сомнение не брало. Сколько церквей обобрал, сколько мощей выбросил... Все было ничем. Только один раз не по себе мне стало. Было это в Троицкой Лавре, когда мощи Сергия Преподобного открывали. По молодости сам ему молился и на шее образок его носил, потому что и меня Сергеем звали. Помню, открыли раку с мощами, сняли покрывало – лежит старец, седенький, худенький, словно спит, и волосики седые все целы. Красноармейцы задрожали, ружья у них попадали, комиссар ругается. Тут и меня словно в сердце что-то толкнуло. Однако ничего, справился. А надо сказать, у меня тот образок так на шее и висел, не ради веры, а по старой привычке. Мать, умирая, меня, тогда еще мальчишку, им благословила. Так неловко было сбросить его, вроде как память. Пришел я домой со вскрытия и решил образок сбросить. И опять старца седенького вспомнил, и в сердце опять толкнуло. Ладно, думаю, оставлю, все-таки материнская память. Так и оставил образок, да и позабыл про него.

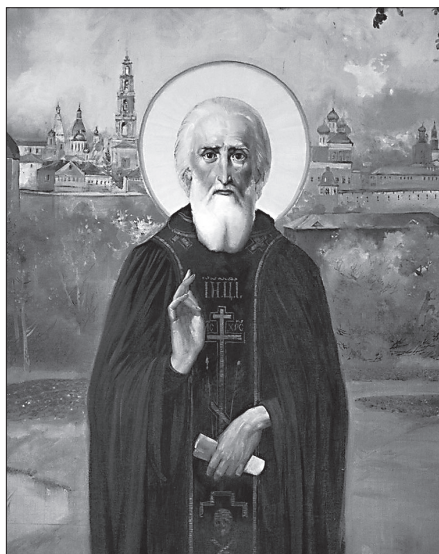
С тех пор прошло немало времени, и случилось мне по партийному делу борьбы с религией быть в Заволжье. Еду верхом, наган за поясом, размышляю: «Прибудет ли вовремя на место комячейка из волости?» Товарищи в ней бравые, и если эти православные с кулаками полезут, мы их мигом усмирим. Еду себе лесной дорогой, покуриваю. Вдруг увидел,

часовенка в лесу белеет, из кирпича кладена. И тут же из-под камня ключ бежит у самой часовни, и водоем, камнем выложенный, весь мохом покрылся. Свернул я туда и спешил. Напился пригоршней и коня к воде припустил. В стене часовни выемка сделана, и стоит там деревянный образ со Спасовым ликом. Взглянул я поближе. Что за диво! Образ старый и доска от старости черная, вокруг лика грунт весь потемнел и весь в трещинах, а сам лик сияет. Краски свежие, будто вчера нарисовано. Поглядел я, и даже злость взяла. Вспомнил, что в народе толки идут о чудесном обновлении икон. Думаю: «Ну нет, нашего брата коммуниста этими штучками не возьмешь! Знаем мы это чудо! Небось сами тайком подмазывают, а может и от воздуха делается так, вроде как игра природы».

Гляжу я на Спасов лик, и на меня глядят очи скорбные. Так и кажется, что видит Он меня насквозь. Смутно мне стало и словно душно. Что же это такое!? Неужто и во мне русская кровь шевельнулась? Ну нет, коммунист я, а не русский! Выхватил наган и выстрелил. Дрогнули очи Спасовы, и тихо, точно от боли, опустились ресницы, а по щеке, куда пуля попала, из ранки тонкой струйкой кровь потекла.

Не взвидел я света от ужаса, повернулся и кинулся в лес! Бегу, как безумный, спотыкаюсь, ветки меня хлещут по лицу. Падаю и снова бегу. Вот болото зачавкало под ногами, а я все бегу и бегу. Споткнулся о кочку и сразу по пояс ухнул. Схватился за кочку, а ноги тянет, засасывает. Барахтаюсь, а схватиться не за что. Тут понял я, что пришел мне конец. Крикнул я несколько раз: «Товарищи! Товарищи!» Только эхо назад пришло. И тут в какие-нибудь минуты прошла перед глазами вся жизнь моя от самого детства. И вспомнил я, как умирая, говорила мне мать: «Сергуня! Бога не забывай! А плохо будет, помолись угоднику Преподобному Сергию Радонежскому, он тебя спасет и сохранит».

И я, коммунист, в смертельной тоске и отчаянии, схватился рукой за образок и громко взмолился: «Сергий Преподобный! Спаси и помилуй!» Гляжу, бежит ко мне кто-то из леса. Никак монах?! Ряса черная,

Преподобный Сергий Радонежский

заношенная, на бегу полы расходятся, за можжевельник цепляются... Бежит, а сам рукой мне машет, мол, не робей! Вот уж он рядом, руку мне протягивает. Схватился я за руку и гляжу ему в лицо: старичок, сухонький, седенький, глаза строгие, но добрые... И понял я, что это тот самый старичок, который лежал в раке серебряной в Троицкой Лавре! Вытянул он меня из топи, ведет и за руку все держит... «Сергий Преподобный! Прости! Прости!»

Вышли мы на твердое место, остановились. Упал я пред ним на колени, рясу его порыжелую целую, слезами заливаюсь и все твержу: «Отче Сергий, прости!» Он помолчал, а потом так ласково погладил меня ручкой своей худенькой по голове, промолвил: «Не хочет Господь смерти грешника», – и, помолчав, добавил печально: «Греха-то, греха-то... На то ли я русскую землю собирать помогал? На то ли я иноков моих верных с князем Дмитрием на хана Мамайя в бой посылал, чтобы поддалась Русь еще горшему игу? Ох, разбежались, рассыпались мои русские детушки! Да Бог милостив, еще соберетесь». Смотрю, – уже и нет никого.

Стою я на коленях на лесной поляне, только полосы света закатного ладаном уходят кверху между стволами деревьев. Стою и плачу. И смылся с души моей теми слезами весь смрад и весь обман коммунизма, со всеми его выдумками зловными. И когда встал я на ноги, то был уже не безбожник, не партиец, не агитатор на «божественном фронте». Я был верующий христианин, любящий свою Родину русский человек.

Нашел я глухой монастырь, где еще спасалось несколько монахов, и там рассказал отцу настоятелю, что со мною было, там же принял тайный постриг, но не остался в том монастыре, ибо наложил на себя другой обет: ныне хожу я по Святой Руси убогим странником и везде призываю людей помнить Бога и любить свою игом порабощенную Родину.

Не говори, что нет спасенья,
Что ты в печалях изнемог.
Чем ночь темней, тем ярче звезды,
Чем глубже скорбь, тем ближе Бог.
Богу слава!

СТРАННИЦА БЛАЖЕННАЯ ЕКАТЕРИНА

Блаженная Екатерина бросила мужа и пошла странствовать. Ходила по городу, ночевала под заборами, где Бог приведет. Когда кому-либо предстояло умереть, ляжет на постель и застонет, зоухает: «Быть тому, быть тому».

Царицын, записано 14 октября 1931 года

СТРАННИЦА ДАРЬЮШКА

Странница Дарьюшка считалась за великую прозорливицу. Умерла она в Москве около 1922 года, похоронена во Владимирской губернии.

Когда возили по Москве образ свт. Николая Чудотворца, то батюшка, который ездил с образом, побоялся внести его в один дом и оставил в повозке. Тогда Дарьюшка подошла к нему и сказала: «Вели внести образ в комнату, нехорошо ему оставаться в повозке». Батюшка изумился, так как никто не знал, что находится у него в повозке. Дарьюшка ответила: «Бог сказал мне это за молитвы свт. Николая».

Филейский Александро-Невский монастырь.
Храм св. Александра Невского

Записано со слов м. Сергии в Черкизове в 1931 году

ИВАН ИВАНОВИЧ ТРОИЦКИЙ

День Ангела Ивана Ивановича Троицкого празднуется на св. мч. Иоанна Александрийского, врача безмездного, 28 июня.

По дороге на Валаам, когда сильно начало качать пароход и многие от этого страдали, Иван Иванович сказал: «Что это за качка? Скоро всю Россию качать будет». Память его 25 мая.

СТРАННИК САВВА

Странник Савва с блаженным Алексеем сделали «церковь-шалаш», где играли всю службу на гармонии. Один старичок, Герасим, открыл их убежище, после чего они бросили свой шалаш и ушли в Филейский монастырь св. Александра Невского¹, который называли вторым Афоном Вятской губернии.

Сообщила Татиана Григорьевна

¹ Александро-Невский Филейский мужской монастырь – общежительный, в 6 км от г. Вятки, близ с. Филейки. Учрежден в 1890 году по уставу Афонской горы в память чудесного спасения Государя Александра III и Его семейства 17 октября 1888 года.

СТРАННИК АНДРЕЙ (БОЛЯЩИЙ)

Народ его чтит, но откуда он был родом – неизвестно. Ходил в дом странницы Матроны чай пить. Одевался просто, в подрясник. Волосы имел черные. Велел Матроне читать 50-й псалом. Считали его прозорливым.

Сообщено странницей Матроной в марте 1933 года

СТРАННИК АНДРЕЮШКА (МОНАХ АНДРЕЙ ТИХОНОВ)

Страннику Андреюшке было около 80-ти лет. Жил он один в лесу. Таскал у себя волосы и из них плел четки, цепочки. Считали его прозорливым. Свою смерть он предсказал. Вел строгий образ жизни. Спал на досках. Если видел дурные мысли, то таких людей не принимал к себе. Вообще к приходящим был ласков. К нему ходила Дуня и просила благословения купить изобку. Он благословил Дуню и ее подругу Евдокию, положил руки на голову и выразил радость, что они – девицы. Избушку не велел ставить: «На что тебе изобка? Поедешь в Питер – там много изобок. А свою построишь – ее у тебя отберут». Дуня приехала в Питер, и там нашлось место для ее проживания.

Умер около 1928 года перед Пасхой. Погребен в селе Бабино Тверской губернии Старицкого уезда.

Сообщила Евдокия у с. Анны 20 ноября 1932 года

СТРАННИК ИЛИЯ

Странник Илия был близок целому ряду современных ему боголюбцев и подвижников, но особенно близок был о. Иоанну Кронштадтскому, духовным сыном которого он и считался. Еще хорошо знала его монахиня Ергогена, ныне в расколе пребывающая.

Умер странник Илия в 1922 году. Похоронен на Большеохтинском кладбище в Петербурге.

Со слов Е. Н. Сестрор

СТРАННИЦА

Имя странницы не известно. Она часто ходила в Зачатьевский монастырь¹ и очень много предсказывала. Одной монахине дала жилетку мирскую, и эта монахиня вскоре вышла из монастыря.

Сообщила монахиня N 20 октября 1932 года

---

¹ Зачатьевский ставропигиальный женский монастырь является древнейшим женским монастырем в Москве. Основан в 1360 году святыми Алексием, митрополитом Московским, сильно пострадал в 1612 году во время польского нашествия. Здесь служил свою

СТРАННИЦА АГАФИЯ

Странница Агафия последние годы своей жизни проживала под Москвой. Она любила ходить по святым местам, но самая близкая ее сердцу церковь была церковь Воскресения в Кадашах. Одна инокиня рассказывала, что живя в Серпухове, Агафия каждый день, несмотря ни на какую погоду, за три версты ходила в церковь. Кроме того, под Светлую Пасху с Великого Четверга она не вкушала никакой пищи до заутрени. Многие почитают ее и считают подвижницей. Но не всегда слова ее были верны (например, о приезде В. М.) и действия понятны. Отпевали ее в церкви Иоанна Воина, что на Якиманке. На похороны собралось много почитателей странницы.

Умерла Агафия в 1938 году. Похоронена на Даниловском кладбище.

НАДЕЖДА СЕРГЕЕВНА ЗАЙЦЕВА

Родилась Надежда Сергеевна 25 сентября 1868 года. Отец – Сергей, мать – Ольга. Надежда Сергеевна Зайцева была редкой по усердию почитательницей Богоматери и Ее чудотворных икон. Удивительно добрая, смиренная, безропотная. Все отдавала. Перед кончиной окружающие слышали, как она беседовала с Царицей Небесной: «Возьми меня к Себе, Царица Небесная!» – и, со словами «Пречистая, Чистая, Чистая!» – она отошла в вечную жизнь. Когда Надежда Сергеевна умерла, батюшка сказал: «Что мне говорить, вы сами знали, какая она была». И это было правдой, ее все знали.

Умерла 14 сентября 1924 года. Погребена в Гатчине на городском кладбище.

Сообщила Елена Михайловна, Петербург

НАТАЛЬЯ АЛЕКСЕЕВНА ВОРОНКОВА

При входе в ограду Александро-Невской Лавры, на Тихвинском кладбище, около самой железной решетки, рядом с черным мраморным крестом Сумароковых установлен небольшой крест над могилой Натальи Алексеевны Воронковой (в тайном постриге монахини Алексии). Дочь генерала, она окончила Смольный с золотой медалью. Подвижничала с молодости. Юродствовала. Известна была при митрополите Антонии [Вадковском]. Худая, сторбленная, грязная ходила с сумкой и всех бранила. За свою резкость и странные выходки была выслана градоначальником из столицы на 10 лет. Предсказала день своей смерти. Пришла

последнюю литургию 16 марта 1925 года свт. Тихон, Патриарх Московский и всея Руси. В 1927 году монастырь был закрыт. Богослужения возобновлены в 1993 году.

к одной своей почитательнице и сказала: «Вымой! На тот свет собираюсь. Чаем напои – и в ванную!» На ней оказался железный обруч, который одним раскованным концом впился в тело и образовал рану. «На том свете раскуют. Была на видном месте и тогда буду на виду в Лавре!» Через три дня заболела она сибирской черной оспой и скончалась в тифозных бараках 13 сентября 1919 года. Ввиду острой заразности с большим трудом, при содействии митрополита Вениамина¹, удалось получить её труп. В церковь гроб не вносили, но погребение покойной было торжественным и, по случайному стечению обстоятельств, захоронили м. Алексею на одном из самых видных мест.

ЕЛЕНА АНДРЕЕВНА ВОРОНОВА

*В темнице был, и вы посетили Меня*²... Елена Андреевна имела дар умягчения сердец ожесточенных и озлобленных. Многих непокорных привела ко Господу. Деятельность ее протекала среди заключенных и по преимуществу смертников. Она сумела добиться входа во все тюрьмы и многих избавила от смерти и заключения своими неусыпными хлопотами и усердными молитвами. Вот один из случаев наиболее дорогих ее сердцу. По ее настойчивой просьбе ее впустили к смертнику, дошедшему до крайней степени озлобления, до бешенства. Их заперли. Прижавшись в угол, он с изумлением смотрел на решившуюся войти к нему. «Неужели вы не боитесь меня?» – спросил он. «Нет, не боюсь. Я боюсь только Бога!» – ответила Елена Андреевна. «Вы ничего не можете сделать мне, Вы можете убить меня, лишитесь этих мгновений жизни, но что это в сравнении с вечностью? Мне вас жаль». Ему вспомнилось детство, верующая мать, и что он когда-то верил так же, а теперь перед ним лишь мрак безнадежности и отчаяния. Елена Андреевна посоветовала ему хлопотать о помиловании и предложила помолиться вместе. Он не мог молиться. Стала молиться она одна. Вопреки всякой возможности удалось выхлопотать помилование, быть может потому, что дни его были сочтены, – у него была последняя стадия чахотки, и он едва смог доехать до деревни. Когда ему сказали о помиловании, он с просветленным лицом воскликнул: «Теперь я стану другим человеком!» И совершилось чудо. Радость освобождения исцелила его от болезни. Елена Андреевна имела самое высокое счастье получать письма от человека, чья душа возродилась благодаря ее подвигу.

Скончалась она в Великую Пятницу. Похоронена на второй день Пасхи на Смоленском кладбище. Она принадлежала к числу так называ-

---

¹ Священномученик митрополит Вениамин (Казанский).

² Мф. 25, 36.

емых «оптинских барышень», близка была к о. Варсонофию и к о. Александру Косухину. Была помощницей митрополита Антония в тайных благотворительных делах.

ВЕРА ДЕМЕНТЬЕВА

Умерла 30 ноября 1926 года. Погребена на Волковом кладбище. Истинная подвижница. Девица. Отец – Иаков.

Сообщила Валентина в июне 1931 года

РАБ БОЖИЙ АНДРЕЙ ГРИГОРЬЕВИЧ

Раб Божий Андрей очень почитал православные праздники, а люди за это считали его лентяем. Когда в деревне заболел тифом батюшка, имевший большую семью, Андрей Григорьевич спросил его: «Хочешь ли ты жить?» – «Конечно, хочу!» – ответил батюшка. «Ну тогда благослови мне умереть за тебя». Батюшка благословил, и Андрей умер. Его хоронили 5 или 6 деревень. Бесноватые при его приближении кричали: «Знаем, кто ты такой, Андрюшка!» Мать его была чуриковка, но Андрей ее убедил бросить Чурикова¹, его многие слушались. Андрей Григорьевич был близким учеником известного в Ленинграде раба Божия Петра Андреевича, погребенного на Смоленском кладбище.

Умер в 1919 году в 25 лет. Погребен в Смоленской губернии.

Сообщила с. Анна (у Марии Николаевны). Ленинград, 1932 г.

РАБА БОЖИЯ АННА АНДРЕЕВНА

Старенькая уже. От юных лет Господа любила. Имела много видений и замечательных откровений. Очень прямая. Говорила правду, невзирая на лицо. Всегда ходила пешком во все концы Петрограда.

Сообщила с. Елена 15 октября 1932 года

---

¹ Основатель лжеучения самарский крестьянин И. А. Чуриков. В основе учения – идея о духовном спасении путем отказа от алкогольных напитков. Чуриковцы считают, что в образе «братца Иоанна» совершилось второе пришествие Христа.

«БОЛЬШИНСТВО РОССИЙСКИХ ГРАЖДАН ВЕРЯТ В БОГА»

«**Б**ольшинство российских граждан верят в Бога. Я говорю не только о православных – я говорю также о мусульманах и о многих других», – заявил Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл 1 февраля 2020 года на торжественном приеме по случаю одиннадцатой годовщины интронизации Его Святейшества.

По словам Предстоятеля Русской Православной Церкви, если в гимне России, который является одним из государственных символов страны, есть слова «Хранимая Богом родная страна», то «почему об этом не может быть сказано в нашей Конституции».

«Давайте молиться, трудиться, чтобы и в нашем Основном законе упоминался Бог», – призвал Святейший Владыка.

«Пока еще этого нет, но я думаю, что общими усилиями и молитвами мы будем содействовать тому, чтобы такая возвышенная идея, какой является вера в Бога, которая формирует нравственность и личную, и общественную, и политическую, чтобы она присутствовала в том числе и в нашей Конституции», – отметил Святейший Патриарх Кирилл.

По мнению Его Святейшества, уже сегодня можно было бы начать обсуждение этого вопроса.

Президент России В.В. Путин внес в Государственную Думу ФС РФ проект о поправках в Конституцию РФ. Нижняя палата российского парламента единогласно приняла в первом чтении внесенный главой государства законопроект. Поправки направлены на развитие положений, закрепляющих основы конституционного строя, права и свободы человека и гражданина.

Создана рабочая группа по подготовке изменений в Основной закон, которая в настоящее время изучает предложения по внесению поправок.

«СВЕТСКАЯ КОНСТИТУЦИЯ» И «СИМФОНИЯ ВЛАСТЕЙ»

Алексей Михайлович Величко

Тема «симфонии властей» вызывает сегодня довольно широкий интерес в российских научных и публицистических кругах. Хотя, вместе с тем, нельзя не признать, что нередко он основывается либо на ложных мифологемах, либо на весьма вольном толковании этой идеи. Так, стало модным выискивать признаки «симфонии» в самых неожиданных сферах: экономике, финансах, промышленности и т.п. А в контексте характера

взаимоотношений между Церковью и государством «симфония» зачастую толкуется исключительно как их параллельное сосуществование, как недопущение применения религиозных догматов и правил при построении политического общества и формирования его законодательства. Причем, речь идет не только о Русской Православной Церкви, а вообще о любом религиозном сообществе в контексте его отношений с государством.

Надо, однако, сказать, что такое понимание «симфонии властей» не имеет ничего общего с тем содержанием, какое вкладывалось в него изначально. Как известно, впервые этот термин был озвучен Византийским императором святым Юстинианом Великим (527 – 565). Для святого Юстиниана Церковь и Римское государство полностью совпадали и в географическом плане, и в общности целей, и по составу членов. Если Богу угодно было объединить под Своим началом всю православную ойкумену, то эта политическая задача исторически возлагалась на Римского императора, который нес на земле это служение, данное ему Богом. Церковь же должна была сакрально осуществлять на практике то, чему учит православная вера. Таким образом, народ управлялся двумя различными иерархиями: первая отвечала за внешний порядок, благосостояние и безопасность, а вторая вела народ Божий в сакральное предвосхищение Царствия Небесного. Поэтому

компетенции обеих иерархий (государственной и церковной) были различны, но неотделимы одна от другой. Кроме того, в практической деятельности они, безусловно, пересекались.

Как видим, ни о каком «параллелизме» политической власти и священноначалия святой Юстиниан даже и не думал. Под «Церковью» он понимал не «священство», а все человечество, и говорил о дарах Божьих, опять же, всему человечеству. Таким образом, соотношение царства и священства вовсе не понималось им как соотношение государства и Церкви, но как взаимодействие различных властей внутри Церкви-государства.

Это был далеко не теоретический пассаж, а безусловный алгоритм взаимоотношений Церкви и государства на все будущие века. И действительно, весь исторический опыт Церкви – как Православной, так и Римо-католической и протестантской, основывался на принципе: «Церковь стала органом государства, чтобы государство добровольно подчинило себя закону Евангелия».

Как известно, византийские императоры считали своей прямой обязанностью деятельное участие в догматических спорах, защиту Церкви от ересей и еретиков, духовное просвещение подданных, организацию миссионерской деятельности и каноническое законодательство. Но эти же полномочия осуществляли и западные монархи, нередко даже входившие во фронду с Римским папой по данному вопросу. О России, конечно же, и говорить не приходится: «Русь соборная», «Третий Рим» – для нас привычные понятия.

В свою очередь, священноначалие активно участвовало в политической жизни государства. Сегодня может показаться удивительным, но традиционно функции дипломатов в Византии, России, Германии, Франции и других странах выполняли священнослужители, а многие архиереи входили в состав правительства Византии и даже возглавляли его (как, например, в период Македонской династии). Примеры

*Святой Юстиниан Великий.
Мозаика в базилике Сан-Витале. Равенна*

Кардинал Ришелье при осаде Ла-Рошели. Анри-Поль Мотт. 1881

кардиналов Ришелье и Мазарини из истории Франции также не оставляют сомнений в том, что никаких границ между государством и Церковью в их солидарной деятельности не существовало.

Может показаться неожиданным, но и государства исламского мира жили в парадигме «симфонии властей» – законы Корана являлись указательными вехами на пути развития Халифата, а затем и других мусульманских государств. Здесь, как и в христианских странах, верховная власть в лице халифа (султана) и священство (муфтият) не знали жесткой разграничительной черты. Доказывать наличие «симфонии властей» в Израиле, с древнейших времен жившем в виде теократического государства, нет никакой необходимости.

Разумеется, Церковь (равно как и другие религиозные союзы) знала разный характер отношений с государством: она была и гонима, и запрещаема, и сама становилась государством – мы говорим о Папской области и Ватикане. Но тем не менее «симфонические» отношения Церкви и государства с той или иной степенью соответствия древним лекалам сохранялись практически у всех европейских народов вплоть до окончания Первой Мировой войны, и лишь немногим около ста лет из прошедших 1700 после Миланского эдикта 313 года они начали существовать в условиях отделенности Церкви от государства.

Разумеется, сегодня, в условиях масштабной лаизации человечества, возврат к «симфонии» невозможен. И едва ли является актуальным вопрос о ее реставрации: в наши дни европейское сообщество

волнуют не вопросы личного воцерковления и духовного спасения, а в большей степени социальные и политические задачи.

Однако отказ от «симфонии властей» может быть оформлен по-разному: от крайних выражений, подчеркивающих решительное отречение государства от вообще какой-либо связи с любым религиозным культом, до сохранения религиозных традиций и даже их влияния на публичную сторону деятельности государства при одновременном выделении Церкви в самостоятельную сферу.

В этом отношении мы опять оказались «впереди планеты всей», определив Российскую Федерацию государством «светским» (ст. 14 Конституции РФ) и запретив существование какой бы то ни было государственной идеологии (ст.13). По-видимому, разработчики нашей Конституции полагали, будто лишь за счет максимального дистанцирования политической власти от каких-либо религиозных культов, то есть за счет идеологической анархии, и может полнокровно реализоваться свобода совести, обеспечение мирного сосуществования представителей разных религиозных организаций и господство права и демократических институтов.

Очевидно также, что «отцы-основатели» нашей Конституции руководствовались сугубо доктринальными и умозрительными рассуждениями. И не случайно при её чтении не оставляет ощущение, что речь идет не об Основном законе конкретной страны – России, а о Конституции некоего теоретического государства. Как будто перед нами не живой закон, а учебник по праву, в котором изложена очередная теория «справедливого общества». Нет даже намёка на понимание того, что на протяжении многих веков русский народ руководствовался в своей жизни конкретными религиозными догматами и традициями, что вся русская культура проникнута Православием, а этносы, принадлежащие иной вере, также сформировали свою культуру – политическую, правовую, бытовую – на основе собственной религии, а не общетеоретических гипотез.

Почему-то наших правоведов не смутил тот факт, что в подавляющей своей массе европейские, в частности, государства нисколько не побоялись заявить о своем вероисповедании, и при этом остаются правовыми, демократическими и свободными. А произошло это потому, что наши конституционалисты безосновательно и ложно отождествили два разных принципа: равенства всех религий перед законом (принцип равнозначности) и принцип равноценности религиозных культов.

Если первый носит сугубо формальный характер: для закона все религии равны, если, конечно, они не деструктивны, то второй принцип имеет исключительно содержательный, качественный характер. И допущение равенства всех религий пред лицом закона вовсе не означает, что их нельзя оценивать и сравнивать в контексте исторического наследия и духовной культуры конкретного народа. А потому государство, насколько не нарушая свободу совести своих граждан, может отдавать первенство конкретному вероисповеданию, причем, законодательное и политическое закрепление преобладающей роли того или иного религиозного культа может быть осуществлено по-разному.

*Монарх – верховный иерарх
Англиканской церкви*

Например, в Англии главой Англиканской церкви является парламент – это единственный орган, который устанавливает догматы современного англиканства, а король (королева) является защитником англиканской веры. Заметим – именно англиканской, но не ислама или иудаизма. Почему? Потому что исторически английский народ в массе своей принадлежал к этому религиозному культу, его нравственные принципы являлись основополагающими для англичан на протяжении многих столетий и остаются таковыми до наших дней.

Греция, отталкиваясь от этого же принципа, торжественно провозгласила своим государственным вероисповеданием Православие (ст. 3 Конституции). Болгария признала традиционным для болгарского народа Восточно-православное вероисповедание (ст. 13). Дания (ст. 4) и Норвегия (ст. 2) – лютеранство, Монако (ст. 9) и Лихтенштейн (ст. 37) – римо-католическую веру. Более того, в соответствии со ст. 4 Конституции норвежский король обязан исповедовать лютеранство, оказывать ему покровительство и поддержку. Аналогичное требование содержится и в Конституции Дании относительно вероисповедания датского короля (п. 5 части II).

Замечательный, в лучшем смысле этого слова, прецедент создала Сербия, в соответствии со ст. 11 Конституции которой «Сербия является религиозным государством», но при этом Церковь отделена от государства, и никакая религия не может быть установлена как государственная или обязательная.

Особый интерес вызывает Конституция Ирландии. Хотя в соответствии с ее ст. 44 государство обязуется не покровительствовать какой-либо религии, в преамбуле, тем не менее, содержатся следующие строки: «Во имя Пресвятой Троицы, от Которой исходят все власти и к Которой как к нашей последней надежде должны быть направлены все действия человека и государства, мы, народ Эйре, смиренно признавая все наши обязанности перед нашим Священным Господином Иисусом Христом, Который поддерживал наших отцов в столетиях испытаний...» и далее по тексту.

Помимо этого существует практика «мягкого» разграничения сфер деятельности Церкви и государства. Так, например, ст. 25 Конституции Польши гласит: «Отношения между государством и церквями, иными вероисповедными союзами строятся на принципах уважения их автономии, а также взаимной независимости каждого в своей области, равно как и взаимодействия на благо человека и на общее благо». Конституция ФРГ также устанавливает лишь, что «свобода вероисповедания неприкосновенна» (ст. 4). Конституция Австрии закрепляет тот принцип, что привилегии граждан в зависимости от вероисповедания недопустимы (ст. 7). Аналогичное правило заложено в Конституции Португалии (ст. 13), Андорры (ст. 6) и Испании (ст. 14). Конституция Италии говорит о равенстве всех религий перед законом (ст. 8) и определяет, что государство и католическая церковь независимы и суверенны в каждой из своих областей (ст. 7).

И таких примеров множество. С одной стороны, ни в одном из указанных примеров нет прямого определения вероисповедания, господствующего в данном государстве. С другой, отсутствует даже намек на «светскость», т.е. на то, что религия не играет в жизни граждан этих государств никакой роли, как это фактически закреплено у нас.

В свою очередь, страны исламского мира открыто и публично исповедуют веру Мухаммеда. В частности, ст. 7 Конституции Объединенных Арабских Эмиратов устанавливает, что ислам является официальной религией Союза, а шариат – официальным источником законодательства.

Пожалуй, наиболее близки к нам положения Конституции Турции, прямо объявившей себя «светской республикой» (ст. 2). Но тут же в ней закреплено, что обучение религии и этике в Турции является обязательным в планах начальных и средних учебных заведений и осуществляется под обязательным контролем государства (ст. 24).

Все эти явления более чем объяснимы, потому что как человек не существует «вообще», так и законодательство конкретного государ-

ства ориентируется на собственный исторический опыт и конкретные нравственные принципы, источником которых может выступать исключительно религия. Нас же не удивляет тот факт, что, в частности, семейный, гражданский и уголовный кодексы Российской Федерации основываются на началах, присущих не конфуцианству, а Православию, что в России закреплена моногамная семья и запрещено многоженство.

Решительно распрощавшись с нашими религиозными традициями, разработчики Конституции РФ следующим шагом столь же демонстративно порвали и с историческим прошлым нашего Отечества, совершенно не желая употреблять в ее тексте термин «русский». И действительно, по нашей конституционной формулировке «многонациональный народ Российской Федерации» (ст. 3) вообще трудно понять – о каком именно народе и об историческом прошлом какого государства идет речь?!

Между тем, в Конституции ФРГ без всяких «комплексов» упоминается «немецкий народ», который одновременно с этим признает неприкосновенные и неизменные права каждого человека (ст. 1). В преамбуле Конституции Испании прямо говорится об «испанской нации», «испанцах» инаряду с ними обо «всех народах Испании», нимало не смущаясь упреков в национализме. Конституция Польши заявляет о «самобытности польской нации» (ст. 6). В Конституции Французской республики говорится о «французском народе», а в преамбуле Конституции Болгарии – о «болгарском». Хотя, очевидно, эти государства также являются по своему составу многонациональными.

Статья D Конституции Венгрии устанавливает, что государство руководствуется «идеалом объединенной венгерской нации». Ст. 1 Конституции Сербии говорит о «сербском народе и всех гражданах, проживающих в Сербии». В преамбуле Конституции Хорватии речь идет о ней как о «национальном государстве хорватского народа и представителей иных народов и национальных меньшинств, являющихся ее гражданами: сербов, мусульман, словенцев, чехов, словаков, итальянцев, венгров, евреев и других, которым гарантируется равноправие с гражданами хорватской национальности».

Развивая тему «национальной идеи», Конституция Словакии (ст. 7а) не просто говорит о словацкой нации, но и декларирует следующий принцип: «Словацкая Республика поддерживает национальное сознание и культурную идентичность проживающих за границей словаков, поддерживает их организации, созданные для достижения этой цели и связи с Родиной».

Присяга американского президента на Библии при вступлении в должность

Оказывается, все государства имеют свое национальное лицо, и только Россия «многонациональна». Наша показная «нейтральность» к своему прошлому (и национальному, и духовному) особенно видна на фоне, например, преамбулы Конституции Польши: «Мы, Польская Нация... как верящие в Бога – источник правды, справедливости, добра и красоты... благодарные нашим предкам за их труд, за борьбу за независимость... за культуру, коренящуюся в христианском наследии Нации... обязавшиеся передать будущим поколениям все то ценное, что добыто более чем за тысячу лет... ощущая ответственность перед Богом или перед собственной совестью...» и далее по тексту. И Конституция Словакии (преамбула) без обиняков говорит о «духовном наследии Кирилла и Мефодия», как основе словацкой нации, хотя и не связывает себя никакой религией (ст. 1).

Когда законодатель пытается уйти от исторического опыта и прошлого своего государства, он неизбежно начинает создавать «правовое эсперанто» – новые этические и политические принципы, должны быть положенными в основания принимаемых законов. Как известно, ничего толкового из этого не получается – ведь если Бога нет, то нет и личности, есть лишь одни декларации. И вследствие своей сугубой «материалистичности» и абстрактности, наша Конституция лишь мельком, наряду с другими, говорит, например, о государственной поддержке семьи (ст. 7), а также о том, что материнство и детство на-

Предмет «Религия» в общеобразовательной школе в Германии

ходятся под защитой государства (ст. 38). К слову, эта же статья устанавливает, что воспитание детей является обязанностью родителей, как будто общества и государства эта проблема никак не касается.

А вот, например, статья 6 Конституции ФРГ вся целиком посвящена институту семьи и гарантиям прав матери. А статья 7, как ни покажется странным, школьному образованию, причем в соответствии с п. 3 этой же статьи преподавание религии в публичных (государственных) школьных заведениях ФРГ является обязательным.

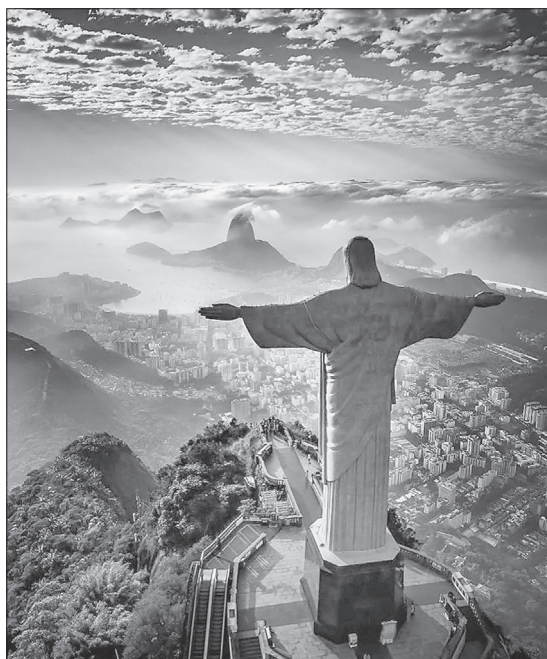
Ст. 18 Конституции Польши гласит, что «брак как союз мужчины и женщины, семья, материнство и родительство» находятся под особой опекой государства. Статья М Конституции Венгрии защищает «институт брака между женщиной и женщиной, супружеские отношения, а также семью, как основу выживания страны».

Точно так же, как страны Аравийского полуострова в прямом соответствии с догматами ислама оберегают и защищают институт семьи. Ст. 15 Конституции ОАЭ торжественно провозглашает принцип: «Семья является ячейкой общества, ее основой выступает религия, нравственность и любовь к родине, а закон призван охранять семейную жизнеспособность и оберегать ее от нравственных отклонений».

Как с очевидностью свидетельствует опыт многих государств, даже отказ от классической «симфонии властей» вовсе не предполагает неременного упразднения традиционных нравственных начал, имею-

щих характер абсолютных этических принципов, в отличие от «прав» и «свобод», реестр которых без религиозного культа подвержен постоянному изменению как по количеству, так и по содержанию.

Да, безусловно, сегодня в силу объективных обстоятельств мы почти не встретим государств, открыто признавших свою подчиненность конкретной религии, тем паче – христианству. Но это вовсе не означает, что выделение Церкви в особую сферу должно приводить к забвению исторического опыта конкретного народа и его веры в Бога. Ведь, если абстрагироваться от деталей, так и напрашивается мысль: чем светское государство отличается от государства атеистического, государства безбожного?

Статуя Христа-Искупителя. Рио-де-Жанейро

А. М. Величко родился 22. 04. 1963 г. в Таганроге. В 1990 г. окончил юридический факультет Ленинградского государственного университета. С 1999 г. профессор Санкт-Петербургского университета МВД России. Доктор юридических наук. Заслуженный юрист Российской Федерации, действительный государственный советник юстиции РФ 2 класса. Автор свыше семидесяти работ по византологии и церковному праву.

В 2006 – 2008 гг. – помощник полномочного представителя Президента Российской Федерации в Приволжском Федеральном округе. В 2008 – 2010 гг. – заместитель Министра юстиции Российской Федерации. В 2010 — 2012 гг. – заместитель директора Федеральной службы исполнения наказаний РФ.

ПУСТИТЕ РУССКИХ В КОНСТИТУЦИЮ

БЕЗ РУССКИХ РОССИИ НЕ МОЖЕТ БЫТЬ

Земля наша велика и обильна, и порядок в ней есть. Или нет? Может ли считаться нормальным, если в Основном законе нашей страны никак не отражен факт существования в России подавляющего большинства населения, представляющего русский народ? Можно ли удовлетвориться только записью, что русский язык

является государственным на всей территории Российской Федерации (это единственное упоминание о русских в Конституции)? При том что унаследованное от советских времен национально-государственное устройство узаконено перечислением в Конституции РФ 22 национальных республик, в конституционных актах которых, как, впрочем, и в уставах автономных округов и области, обязательно присутствует представление о титульной национальности?

Не хочу врать. Все эти вопросы не так беспокоили меня в 1993 году, когда я впервые познакомился с большой политикой изнутри, став сначала участником созданного Борисом Ельциным Конституционного совещания, а затем депутатом Первой Государственной думы. Лихорадка перманентного политического кризиса в те дни многое заслоняла. Но с тех пор много воды утекло. Война на Кавказе, притеснения и бегство русских и русскоязычных из новых государств в ближнем зарубежье, да и из некоторых национальных республик внутри России, переписыва-

---

Константин Федорович Запулин, специальный представитель Государственной Думы РФ по вопросам миграции и гражданства, Первый заместитель Председателя Комитета Государственной Думы РФ по делам СНГ, евразийской интеграции и связям с соотечественниками, депутат Госдумы I, IV, V, VII созывов, Руководитель Института стран СНГ, председатель Комиссии по международной политике Межпарламентской Ассамблеи Православия, член Совета по казачеству при Президенте РФ, член Научного совета при Совете Безопасности РФ, член Правительственной комиссии по делам соотечественников за рубежом, член Правительственной комиссии по миграционной политике, член Межведомственной комиссии по реализации Стратегии развития государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества до 2020 года.

ние истории и возложение на русских ответственности за все беды окрест живущих народов породили как следствие, на фоне бедности, в русском народе депрессию, сказались на национальных показателях смертности и рождаемости. Спровоцировали Кондопогу, Сагру и другие конфликты, унавозили почву для возвращения идеи «Русской республики в России» и появления так называемых русских националистов, воюющих в Донбассе против Донбасса. Русские быстрее всех остальных вымирают в деревнях и областях, составляющих историческое ядро России.

Можно спорить, сохранится ли Россия в случае, не дай Бог, выхода какой-либо национальной республики из состава Российской Федерации. Но без русских России не может быть.

Не означает ли это, что созданное по инициативе русского народа российское государство, в какой бы форме оно ни существовало, во все времена должно озаботиться самочувствием основного народа в своей стране? Безусловно, русский народ в России, как и каждый русский человек в отдельности, не вправе претендовать на какие-либо льготы и привилегии по национальному признаку – существование многонациональной Российской Федерации в таком случае стало бы невозможным. Но и отказывать русскому народу в субъектности, в признании его национальных интересов в общем государстве – это путь к самоубийству. Это значит строить будущее российского государства на песке, отбивая у русских охоту за него бороться.

Наши теоретики национального вопроса, сводящие его к обеспечению прав национальных меньшинств и живущие воспоминаниями о «ленинском плане опережающего развития национальных окраин», полагают, что милые русские должны напрочь рассеяться в «россиянах», современном издании «новой исторической общности – советский народ». То есть требуют от русского большинства того, чего они не могут требовать от татар, якутов, адыгов, чеченцев и всех других народов, исторически проживающих на территории современной России. Впору благодарить Владимира Ильича за само название его статьи «О национальной гордости великороссов»: тот по крайней мере понимал, что национальная гордость у великороссов должна быть.

Таковы мотивы, побудившие меня предложить Рабочей группе по подготовке предложений о внесении поправок в Конституцию РФ внести в начало преамбулы Конституции РФ вместо прежней новую формулировку: «Мы, русские в союзе с другими братскими народами сплотившиеся в многонациональный народ Российской Федерации, соединенный общей судьбой на своей земле (далее по тексту)... принимаем Конституцию Российской Федерации». Обращаю на это особое

внимание господ из движения «Солидарность», в своих комментариях предположивших, что «депутату попросту нечем гордиться помимо своей национальности». Я горжусь своей национальностью и предлагаю всем здоровым людям делать то же самое, к какой бы национальности они ни принадлежали, не за счет и не в ущерб другим. Именно поэтому обратился к ключевым словам – «союз», «братские народы», «сплотиться» – из текста Гимнов Советского Союза и Российской Федерации. Именно поэтому постарался исключить подозрение в отказе от «многонационального народа Российской Федерации».

Но, оказывается, что метастазы у некоторых слишком далеко зашли, чтобы надеяться на объективное рассмотрение вопроса. Само упоминание о русских в Конституции – о ужас! – нанесет-де смертельную обиду «братским народам» и развалит Россию, как Советский Союз в 1991 году. Безмысленно объяснять, что Советский Союз развалился именно потому, что интеллектуальная элита русского большинства не мобилизовала его на спасение, не разглядела в многонациональном Советском Союзе Большой России. Мой друг, член Рабочей группы, не постеснялся, выступая в эфире, усмотреть в конституционном поминании русских «идеи власовской армии». Будто бы у самосознания русского народа не может быть иных корней, кроме преступных.

Дальше идти некуда. Я, конечно, никогда не пойму, как живут в России люди, считающие само упоминание о русских в Основном законе созданного при их решающем участии государства «смертельной обидой». Как приличные с виду люди упражняются в «Снобе»¹ в призывах к власти обуздать «поднятый со дна общественный ил в виде русских националистов». Впрочем, они убеждены, что поправка не будет принята.

Я тоже не могу быть в этом уверен: мы слишком долго в теории и праве шли в другом направлении. Возвращение Крыма показало, что у нашей власти хватает решимости и воли, когда дело доходит до практических действий. Но перед всеми выбор – либо опереться на запутавшихся и поющих с русофобского голоса, либо вдохновить терпеливый русский народ своим пониманием исторической правды и справедливости. Как это сделал Сталин в 1945 году. Иначе русские поневоле будут искать своей самоидентификации, как сейчас, в уставах отдельных краев и областей, как, например, моего родного Краснодарского края. Иначе казаки, поморы и другие пассионарные группы внутри русского народа будут идти по пути обособления, чтобы обрести право на признание отдельным народом, территорию и др.

¹ Журнал «Сноб» – российское СМИ, позиционируется как «проект для международного сообщества успешных профессионалов».

В момент тех испытаний, которые навязывают России, важно сохранять многонациональное единство. Но его не достичь, подвергая по умолчанию риску свою опору на русский народ.

И еще об одном – о праве в Конституции признать наших соотечественников за рубежом объектом внимания со стороны Российской Федерации. Я ведь внес и другую поправку в преамбулу Конституции: добавить абзац «Сохраняя и упрочивая связи Российской Федерации с соотечественниками, проживающими за рубежом, поддерживая и защищая их культурную самобытность». За пределами России, по разным оценкам, сегодня проживают от 25 до 35 миллионов человек, выходцев из Российской империи, Советского Союза и Российской Федерации, а также их потомков по прямой восходящей линии, по своему происхождению относящимся к народам, исторически проживающим на территории современной Российской Федерации. Это и есть наши соотечественники за рубежом – люди, в большинстве своем говорящие и думающие на русском языке, считающие родной русскую культуру и поддерживающие связи с Россией. Это – большой Русский мир, который с заинтересованностью следит и сопереживает событиям, происходящим на исторической родине, и, конечно, ждет, что в новом тексте Конституции России найдется место российским соотечественникам как неотъемлемой части российской истории, фактору в ее современной жизни.

Обе мои поправки, очевидно, взаимосвязаны. Хотя, конечно, будут обсуждаться и приниматься отдельно. Остается узнать, какой непоправимый урон нанес я народам России и ее международному положению, предложив признать в Конституции необходимость сохранения неразрывной связи Российской Федерации с ее соотечественниками, зачастую не по своей воле оказавшимися за рубежом.

«РОССИЯ ЯВЛЯЕТСЯ МОНОНАЦИОНАЛЬНЫМ ГОСУДАРСТВОМ»

Недавно в СМИ вспыхнула дискуссия о поправках депутата Госдумы России, директора Института стран СНГ Константина Затулина в Конституцию относительно закрепления в ней роли русских. Здравая идея вызвала как поддержку со стороны патриотической части общества, так и шквал негативных и очень эмоциональных откликов со стороны оппонентов¹.

Но, как известно, излишние эмоции, неадекватная критика в споре всегда сопровождают ошибочную позицию. Так и в данном случае. Поэтому рассмотрим возникшую ситуацию более подробно, отойдя от ненужных и вредных эмоций, на научной платформе.

О формулировках, предложенных Константином Затулиным, можно и нужно спорить. Это непосредственно вытекает из идеи обсуждения поправок в Конституцию, так и должно быть – в открытой дискуссии доказывать обоснованность той или иной позиции.

Однако что несомненно, так это то, что роль русских как государствообразующей нации, нации, которая и создавала на протяжении столетий наше государство испокон веков; нации, чье название и дало название самому государству; название нации, которая сегодня составляет более 80% от численности граждан всей страны – должно быть точно также закреплено в Конституции, как роль системообразующих наций в конституциях других стран мира.

---

¹ «...Сейчас она [Конституция] начинается со слов "Мы, многонациональный народ Российской Федерации, соединенные общей судьбой на своей земле..." Затулин предлагает изменить это на "Мы, русские, в союзе с другими братскими народами сплотившиеся в многонациональный народ Российской Федерации, соединенный общей судьбой на своей земле".

...Им [сторонникам Затулина] важна компенсация их собственных комплексов и моральных страданий от необходимости жить в многонациональном государстве через указание в Конституции русских как "стержневой нации".

...власть должна и дальше внедрять в российское общество понятие наднациональной, гражданской нации "россияне", а также стимулировать россиян связывать свою идентичность прежде всего с ней».

Георг Мирзаян – журналист, кандидат политических наук, доцент департамента политологии Финансового Университета при Правительстве РФ.

«Сноб», 10 февраля 2020

В этой связи ключевой вопрос состоит в том, является ли Россия многонациональной страной, как утверждает ряд экспертов, в том числе Геворг Мирзаян, или страной мононациональной. Если говорить бытовым языком, то, естественно, Россия – это многонациональная страна. Но в науках и законодательстве используют формализованный язык, одним из свойств которого является исключение многозначности.

Что мы имеем с этой точки зрения, в том числе включая международную практику? Ответ простой – несмотря на многонациональность, Россия является мононациональной страной. Это вытекает из двух главных критериев.

Первый. Определение ООН: «национальным (или «мононациональным») является государство, в котором культурные (этнические) границы совпадают с политическими границами».

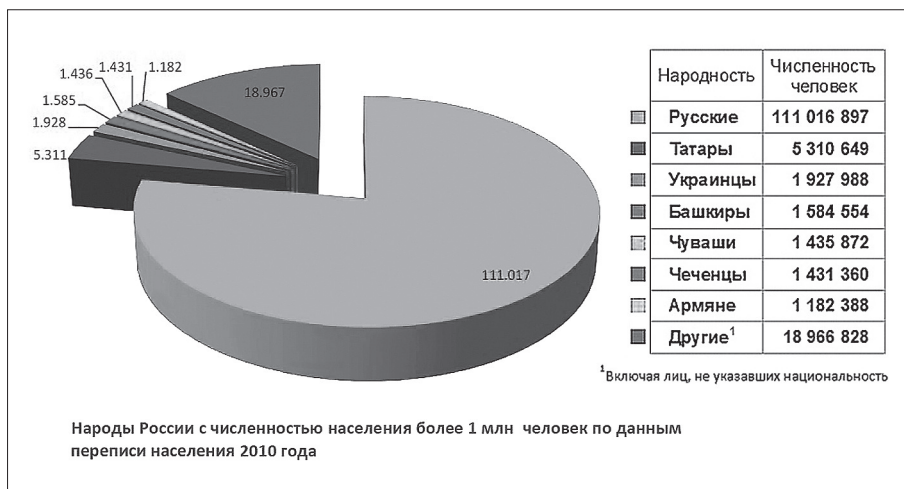
В России именно русские проживают на территории всего государства – от Смоленска и до Владивостока и от берегов Северного Ледовитого океана до границ с Казахстаном, Монголией, Китаем. В этом плане культурные (этнические) границы полностью совпадают с политическими границами государства.

Кто-то скажет – а национальные республики в составе России? Во-первых, это пережиток советского периода, от которого необходимо самым решительным образом избавляться. Необходимо переходить от федерации к унитарному государству. Кстати, если бы в Советском Союзе еще на заре зарождения советского государства вопрос был решен именно так, а не через создание национальных республик, то мы не имели бы и распада СССР, который прошел именно по «национальным» границам.

Во-вторых, давайте посмотрим на национальный состав национальных республик и автономий в составе России. Мы увидим, что в большинстве случаев большую часть населения так называемых национально-государственных образований РФ составляют русские. Например, в Адыгее русских 63,6%, в Республике Алтай 56,6%, в Бурятии 66,1%, в Хакасии 81,7%, в Удмуртии 62,2%, в Карелии 82,2%, в Коми 65,1%, в Мордовии 53,4% и так далее (данные переписи 2010 г.).

То есть по первому критерию Россия однозначно является мононациональным государством.

Второй. Второй критерий заключается в ответе на вопрос – какова должна быть количественная численность одной нации, чтобы страна считалась моноэтнической? Если отбросить крайние и радикальные критерии, то этот порог лежит в районе 60 – 80% от общей численности населения.

Так, например, президент известной прозападной организации Freedom House Эдриан Каратнички поднимает вопрос этноса, начиная с определения моноэтнического государства как государства, в котором две трети населения, то есть не менее 65 – 66 процентов или более принадлежат одной этнической группе. Примеры мононациональных государств: Азербайджан, Албания, Армения, Бангладеш, Египет, Япония, Корея, Вьетнам, Россия, Германия.

Но даже если мы поднимем планку моноэтничности до 80 процентов, то увидим, что Россия все равно остается моноэтническим государством, так как доля русского населения превышает 80 процентов.

То есть, как ни крути, Россия является мононациональным государством – что по формулировкам ООН, что по международным количественным параметрам. Поэтому еще раз повторю – статус русских как государствообразующей нации необходимо закрепить в Конституции, вопрос в формулировке – как это сделать правильно, с учетом интересов всех наций и народов нашей необъятной страны.

Поэтому, прежде чем критиковать Константина Затулина, Геворгу Мирзаяну хорошо было бы подучить матчасть.

Юрий Баранчик, шеф-редактор Аналитической редакции ИА REGNUM, кандидат философских наук, специалист по философии языка, современной политике безопасности в Евразии, новых технологиях политических коммуникаций (Москва).

«ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРЕЕМНИЦЕЙ ПАДШЕЙ ВИЗАНТИИ ЯВЛЯЕТСЯ МОСКВА – ТРЕТИЙ РИМ»

СТАРЕЦ ЕЛЕАЗАРОВА МОНАСТЫРЯ ФИЛОФЕЙ
И ЕГО ПОСЛАНИЯ

Старец Филофей не принадлежит к числу крупных писателей Древней Руси. Его имя никак нельзя поставить рядом с именами знаменитых современников его – Иосифа Волоколамского, Нила Сорского, митрополита Даниила, Максима Грека, митрополита Макария. Но у старца Филофея, как писателя, есть одна черта, одно литературное достоинство, в котором он не уступает ни одному из перечисленных лиц, а некоторых из них даже и превосходит: наш старец, если можно так сказать, в высшей степени выразительный писатель.

Всех посланий Филофея, включая и только приписываемые ему, насчитывается десяток, эти послания очень не велики по размеру, – но они освещают целую эпоху; в них затрагивается ряд крупных вопросов, волновавших русских людей первой половины XVI-го века; в них выражены идеи русской церковно-политической философии того времени и притом сформулированы они с ясностью, немногословной выразительностью и полнотою, решительно редкими для древнерусского писателя, – а это обстоятельство свидетельствует об острой мысли, сумевшей охватить современное умственное настроение, о широкой начитанности и умелом перепе писателя-старца.

Вот почему, не будучи крупным писателем, инок Филофей дает достаточно материала для обширной монографии профессора Малинина (8 стр. предисловия и оглавления + 768 стр. текста + 105 стр. примечаний счетом 2784 + 144 стр. разных приложений). Но главная причина такой обширности разбираемого труда – широта его задачи.

В заключение своего исследования профессор Малинин определяет её такими словами: «Наша задача была понять и объяснить личность

Сергей Иванович Смирнов (1870 – 1916) – богослов, церковный историк, профессор Московской Духовной академии.

Смирнов С. И. [Рец. на:] Малинин В. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания: Историко-литературное исследование. Киев, 1901 // Богословский вестник 1902. Т. 2. № 7/8. С. 616 – 040 (3-я пагин.) https://ruskline.ru/analitika/2020/01/29/istoricheskoi_preemnicei_padshei_vizantii_yavlyayetsya_moskva_tretii_rim

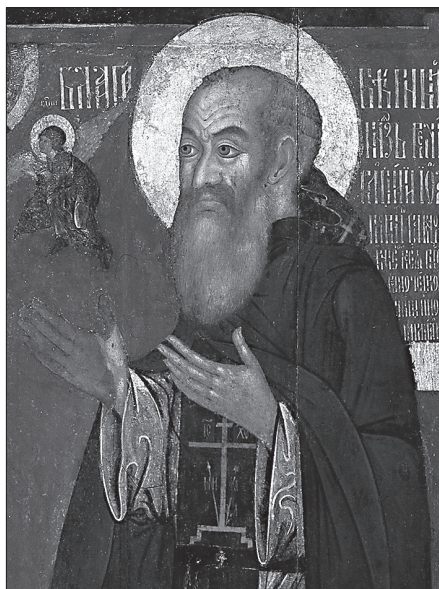

старца Елеазарова монастыря Филофея и его литературную деятельность. Нам хотелось ввести его в живую историческую обстановку и в связи с ней и в зависимости от неё выяснить, как определилось его мировоззрение, какие вопросы и обстоятельства времени взволновали его, стали предметом его уединенных размышлений, на какие из них он отозвался, в силу каких причин и влияний, жизненных и книжных, он решил их так, а не иначе¹.

Задача эта выполнена превосходно, и автор дает не только исчерпывающее исследование о взятом им лице, но и обстоятельный трактат по истории русской духовной литературы XV и XVI века до Стоглавого собора.

Первый отдел исследования содержит историю Трехсвятительского Елеазарова монастыря, в котором жил и подвизался старец Филофей, с самого его основания в первой половине XV века, т. е. содержит анализ жития преподобного основателя его Евфросина Псковского (в миру Елеазара). Устав, данный монастырю прп. Евфросином, был очень строг, и дисциплина в нем поддерживалась долгое время после смерти подвижника. Значит, школа иночества, которую прошел Филофей, была школою сурового аскетизма: она вырабатывала закал воли, стойкость в усвоенных понятиях и правилах жизни и готовность открыто выступить со своим мнением и защитить его².

Биографические сведения о Филофее крайне скудны, так как не имеется (да едва ли и существовало) его житие. Одностороннее указание заставляет предполагать, что Филофей был игуменом Елеазарова монастыря ранее 1547 года; этому не противоречат и данные его собственных посланий, хотя в надписаниях их он называется просто «старец».

Великий князь Василий III. Фрагмент иконы «Василий Великий и великий князь Василий III». Вторая половина XVI в., ГИМ

¹ Малинин В. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Историко-литературное исследование. Типография Киево-Печерской Успенской Лавры. Киев, 1901. С. 175.

² Там же. С. 32.

Из посланий с несомненностью узнаем, что Филофей жил и писал в княжение Василия Ивановича (1505 – 1533), с вероятностью, что он жил в начале государствования Ивана IV и что родился он около времени взятия Константинополя. Послания дают материал и для суждения о школе и самообразовании типичного русского начетчика – Филофея.

Второй отдел посвящен библиографии сочинений Филофея. Со времени открытия имени этого автора в 1846 году до последнего времени было известно всего четыре его послания: к дьяку Мунехину по случаю морового поветрия во Пскове, к нему же против звездочетцев и латинян, к великому князю Василию Ивановичу и к царю Ивану Грозному. Профессор Малинин отчасти открывает неизвестные доселе новые послания Филофея, отчасти устанавливает его авторство относительно известных в науке памятников этого рода.

Так получаем еще шесть посланий Филофея: «Во Псков в беде сущим и утешительное послание к опальному вельможе», «К дьяку Мунехину о покорении разума Откровению», «К вельможе, в мире живущему», «В царствующий град (отрывок)», «Утешительное послание вельможе, обычно приписываемое протопопу Сильвестру, современнику Грозному», «Послание о злых днях и часах к Иоанну Акиндеевичу».

Старцу же Филофею исследователь по веским соображениям приписывает переделки двух известных ранее его же посланий – к Мунехину по случаю морового поветрия и к великому князю Василию.

Таким образом, благодаря разбираемому труду литературное наследство после Филофея увеличивается более чем вдвое.

Обзор литературной деятельности (отдел III) начинается открытой исследователем биографической заметкой о Филофее, сопровождающей одно его послание, – заметкой, важной и для библиографии сочинений старца и для характеристики его как литературного типа. Вот эта небольшая заметка в целом виде: «сего преподобного старца моляху псковстии неции христолюбцы, дабы к государю писашем молил о них, понеже той старец неисходен бе из монастыря и добродетельного его ради жития и премудрости словес знаем бе великому князю и вельможам. Он же в сем послании аще и отречеса молити государя о их скорбех, смиряя себе, яко не имею дерзновения. Но последи много показа дерзновение к государю и моления о людех, такоже и боляром и наместником псковским и обличи их о многой неправде и насилвании, не убоясь смерти. Великий же князь и вельможи его, ведуще его дерзость и беспечение о сем веце, не смеша ничтоже ему зла сотворити»¹.

---

¹ Там же. С. 79.

Отсюда мы видим, что не все послания Филофея дошли до нас, по крайней мере, – известны теперь: его обличительных посланий боярам и наместникам псковским мы не знаем пока. Далее отсюда видно, к какому типу принадлежал наш писатель-старец: это выдающийся подвижник и в то же время мыслящий и отзывчивый человек, ум и сердце которого одинаково открыты как для молитвы и высоких религиозных помыслов, так и для созерцания судьбы родины, для понимания невзгод родного, быть может, города, для оценки и посильного решения вопросов, тревожных для его современников¹.

Чтобы выяснить этот тип древнерусского инока, – это превращение «безысходного» инока уединенной кельи в мощную общественную силу, – автор выясняет исторические условия, породившие такое явление и останавливается на примерах великих русских подвижников: преподобных Феодосия Печерского, Авраамия Смоленского, Сергия Радонежского, Кирилла Белозерского, Савватия и Зосимы Соловецких, Пафнутия Боровского, Иосифа Волоколамского и Нила Сорского, потом приводит примеры из жизни Елеазарова монастыря, которые оправдывали бы и поощряли писательскую деятельность Филофея – это: преподобного Евфросина с его спором об аллилуйя и игумена Памфила с его посланием во Псков по поводу обычаев купальской ночи.

Характеризуя литературную деятельность Филофея (отдел IV), проф. Малинин отмечает, что он не был писателем по личному почину и призванию, и только при наличности благоприятных обстоятельств нашли себе выражение в его произведениях особый склад его мысли, его способность и готовность отзываться на запросы времени. Но это явление, оказывается, обычное в Древней Руси. Такова же литературная история более крупных дарований того времени. И объяснение этого исследователь видит в характере древнерусской письменности и особенностях времени.

Поэтому он подвергает подробному анализу нашу древнюю книжность или начетчество. Филофей был также книжник или начетчик и совершенно не критично относился к своим источникам. Его «мировоззрение не отличается разносторонностью, но в нем нельзя отрицать глубины и тем более определенности. Это своего рода религиозно-философская система»², в основу которой положена идея провиденциализма. По этому случаю, исследователь воспроизводит библейское учение о Промысле Божиим.

---

¹ Там же. С. 81.

² Там же. С. 145.

В отношении идеи провиденциализма послания Филофея делит наш автор (отдел V) на три группы: в одних раскрывается проявление Промысла Божия в судьбе отдельных лиц, в других – промышление о судьбе целых народов, в третьих говорится о Промысле Божиим как относительно отдельных лиц, так и целых народов.

К первой группе относятся три послания: «К дьяку Мунехину по случаю морового поветрия, послание во Псков в беде сущим» и «Утешительное послание к вельможе, доселе приписываемое Сильвестру». Первое известно теперь в двух редакциях, из которых и вторая, предполагается, принадлежит Филофею. Писано в 1521 – 1522 годах. Второе послание псковичам, утешаемым наместниками великого князя московского, поставленными после падения вольности Пскова, относится к 1510 или началу 1511 года.

Исследователь подробно излагает основания, по которым послание к вельможе, приписываемое до сих пор Сильвестру, не может ему принадлежать, и главным таким основанием выставляет то, что послание это совершенно несамостоятельное – в нем буквально повторяется текст послания Филофея в Псков. Переделку эту опять-таки исследователь приписывает самому Филофею, хотя время написания не определяет за неимением данных.

Рассматривая содержание посланий, автор исследует воззрения старца-писателя и его доказательство, а для этого указывает источники, которыми он пользовался, и связь его воззрений с воззрениями ближайших предшественников и современников и таким образом выясняет отношение Филофея, как мыслителя и писателя, к своей эпохе и к современной ему письменности.

Литературными источниками Филофея служили переводные компиляции как библейской, так и святоотеческой письменности; Филофей пользуется ими дословно и наш исследователь старается напасть на следы подобных компиляций, справедливо полагая, что «такой прием объяснения памятников древнерусской письменности имеет то преимущество, что предотвращает ложное представление о степени знакомства древнерусских писателей с собраниями творений святых отцов и о распространенности таких собраний в древнерусской письменности»¹.

Руководясь таким приемом, проф. Малинин удачно отыскивает источники, из которых черпал старец Филофей не только мысли, но и выражения, тщательно сопоставляет тексты, пользуясь не только изданными памятниками, но и рукописями.

---

¹ Там же. С. 188.

Мы не будем останавливаться на этой дробной и специальной работе; отметим только общую мысль всей группы посланий, писанных по поводу разных бедствий.

Эта мысль следующая. Так как Промысл Божий благ и потому не может быть источником или причиной зла и страданий, то очевидно этот источник в самом человеке, в его грехе. Бедствие в руках Промысла средство к вразумлению и спасению человека и к заглаждению греха. А потому человеку ничего не остается, как благодарно и терпеливо относиться к посылаемому испытанию и чрез покаяние искать примирения с Богом¹.

Вторую группу (отдел VI) составляют послания: к Мунехину о покорении разума Откровению, к вельможе в мире живущему, к Мунехину против звездочетцев и латинян и к некоему Ивану Акиннеевичу (дословное повторение предыдущего). Время появления первого послания определяется предположительно между 1521 – 1524 годами, третьего 1524 годом, относительно остальных неизвестно.

В этих посланиях говорится о Промысле Божиим относительно частных лиц и целых народов. В первом «Филофей старается твердо установить вывод, что в видимом мире все пребывает так, как создано Творцом, покорное Божией воле или Божиим судам и путям, которых ни понять, ни изменить никто и ничто не может... Нужно смиренно преклоняться пред неисповедимым Божественным Промыслом и довольствоваться тем откровением тайн Божиих, которое находит православный человек в Слове Божиим»².

В остальных посланиях вопрос о Промысле затрагивается по связи с звездочетством или астрологией, знакомство с которыми было распространено в русском обществе сначала жидовствующими, потом выходцами с запада вроде Николая Немчина, придворного доктора великого князя Василия, – против которого писал Максим Грек.

Послание к вельможе, не вдаваясь в разбор астрологии, ограничивается лишь заявлением о гибельности астрологии для христианина и о несоответствии ее учению Церкви. Послание к Мунехину представляет попытку возможно полного разбора воззрений звездочетцев. При его разборе исследователь подробно останавливается на астрологическом движении среди русского книжного общества XV и XVI веков и дает прекрасный историко-литературный комментарий к посланию.

Оценка общих основ астрологического учения и предсказание тогдашних астрологов о применении всем городам и странам вселенной

¹ Там же. С. 757.

² Там же. С. 247.

посредством потопа приводят Филофея к рассмотрению исторических судеб народов. Сообразно со своим общим воззрением о бедствиях народов старец-писатель видел какой-нибудь исторический грех.

Падение Византии, не так давно случившееся, имело такую причину: «греческое царство разорится и не созиждется, сея вся случится грех ради наших. Понеже они предаша греческую православную веру в латинство».

Филофей характеризует латинство несколькими чертами, и это дает основание исследователю остановиться на отношении древнерусских людей к латинству и на противолатинской полемике.

Исторической преемницей падшей Византии является Москва – третий Рим. Эта теория особенно выразительно заявляется в третьей группе посланий (отдел VII): к великому князю Василию Ивановичу, к царю и великому князю Ивану Васильевичу¹. В послании или посланиях (ибо известно две редакции) к великому князю Василию Филофей ведет речь об устранении некоторых церковных недостатков – вдовства епархий, неправильного крестного знамения, содомии, нарушения имущественных прав Церкви. Написано оно по соображениям в 1510 – 1511 годах. Послание к царю и великому князю Ивану Васильевичу написано не к Ивану III, как думают некоторые исследователи, а к Ивану IV, вероятно в пору его малолетства, и сходно по содержанию с предыдущим.

Сущность этих посланий состоит в выражении и формулировании мирового призвания, которое указано Русской Церкви, Русскому государству и их главе. Впервые идею эту автор высказывает в послании к Василию III, в сжатом виде повторяет в послании к Менухину, особенно же выразительно излагает в послании Грозному. Такой полной и величественной теории исторического призвания Руси никто не создавал из писателей XV и XVI веков.

Но теория эта не произведение одного лица. Для ее создания необходимы были благоприятные исторические обстоятельства, а прежде того была необходима школа мысли, преемственность идей, под влиянием которых сами события времени подвергаются известному толкованию. Её создали такие события, как Флорентийская уния и падение Константинополя, но несомненно существовали выработанные понятия, подготовившие русских людей к известному выводу из этих событий. И вот исследователь останавливается на этих понятиях, давая едва ли не самый обстоятельный в нашей литературе очерк литературной истории теории о преемстве Руси Византии и о Москве – третьем Риме.

---

¹ К этой группе относится еще «Послание в царствующий град», которое известно пока в отрывке.

В основе этой теории лежит идея богоизбранности народов и преемства царств. Обе идеи суть частные идеи провиденциализма. Обе они ветхозаветные. Идея богоизбранности народов лежит в основе истории еврейского народа, идея преемства царств раскрыта в книге пророка Даниила, особенно в истолковании им сна Навуходоносора и в его видении четырех зверей. Сон царя и видение пророка одинаково показывали последовательную смену четырех царств, но из них у Даниила по имени названо одно – вавилонское. Незнание трех последних повело к попыткам объяснения видений при свете последующих исторических событий. В видениях была еще одна важная сторона – их мировой и эсхатологический характер и из толкований Даниила ясно, что своей последовательной сменой четыре царства обнимают судьбу всего человечества до конца существования мира.

Толкования начали появляться у иудеев и оказали свое влияние на христианских писателей первых веков. Наиболее древнее толкование принадлежит святому Ипполиту, ранее известное на славянском языке. Сходясь с иудейскими толкователями, Ипполит разумеет под членами истукана и четырьмя зверями последовательную смену четырех мировых монархий: вавилонской, мидо-персидской, еллино-македонской и римской. В толковании же камня, оторвавшегося от горы, и в явлении Ветхого деньми и Сына человеческого он видит конечные судьбы вселенной, имеющие наступить с пришествием антихриста и вторым пришествием Христовым. Ипполит выражает мнение, что из римского царства, в его время языческого, выйдет антихрист и наиболее вероятное имя его Harelvog.

Но возникновение христианства в недрах Римской империи, быстрое его распространение здесь, наконец, объявление христианства господствующей в нем религией изменили взгляд на Римскую империю, – она стала царством богоизбранным. Она являлась последним христианским царством на земле, а Рим – вечным городом. Появляются статьи, рассуждающие о последнем времени и о вечности Римского царства. Падение западной Римской империи влияет на литературную обработку идеи вечной Римской империи, обособляя обработки западные от восточно-византийских.

В Византии, как естественной продолжательнице политического бытия и наследнице политических заветов и идей мировой Римской империи, мы видим особое применение идей о Римском царстве как последнем. В византийских произведениях около времени падения западной Римской империи старый Рим, как центр царства, уже становится рядом

с новым Римом. Это мы встречаем у Андрея Кесарийского († 565) в его толковании на Апокалипсис.

Козьма Индикоплов уже делает переходы от римлян к грекам, которые таким образом становятся истинными представителями вечной христианской монархии. Самое важное значение в толковании Козьмы имеет обоснование вечности Римской империи, выступившей на смену других царств в пору рождения Спасителя и таким образом ставшей слугою Христова строения. Римское царство «непобедимо пребывает» «еже не тесну быти христианству». Несмотря на бедствия, «споследствующе Христу», оно «в веки не ислетет».

После этого оставалось сделать еще один шаг – поставить Византийскую империю на место Римской, признать ее четвертым мировым царством и перенести на нее все свойства вечной Римской империи.

Это мы и видим особенно в так называемом «Откровении Мефодия Патарского», очень распространенном и в древнерусской письменности. В интерполированной русской редакции памятника выступает даже не одна, а две идеи: Вечного греко-римского царства и Вечного города, каковым является Царьград или второй Рим.

Так, несмотря на все бедствия своего политического существования, греки утвердились во взгляде на свою империю как на мировую и вечную. Самым полным выразителем этих идей следует признать патриарха Фотия, который обстоятельно развивает их в послании к Захарии, католикусу Великой Армении, говоря, между прочим, что греки – непосредственные преемники евреев по богоизбранничеству после отвержения последних «и как владычество Израиля длилось до пришествия Христова, так и от нас греков, мы веруем, не отнимется царство до второго пришествия Господа нашего Иисуса Христа»¹.

Так как подобные идеи были очевидно достоянием высших политических и церковных кругов, то славяне вообще и русские в частности воспитывались в этих идеях. Два примера из летописи, именно послов Олега, которым показывались цареградские святые, и десять мужей Владимира, для которых совершается торжественное служение в храме святой Софии, подтверждают последнюю мысль исследователя. Разделение церковью должно было окончательно закрепить авторитет греков в наших глазах.

Исключительное значение Византийской империи в глазах русских людей опиралось главным образом на ее религиозный авторитет, как хранительницы истинной религии, потому что русские, как и другие

---

¹ *Малинин В. Указ. соч. С. 419.*

славяне, утратили уважение к ней как силе политической. Из этой теории о богоизбранности греческого народа и царства делался вывод, что мир не может существовать без такого царства и идея четвертого царства и кончины мира органически связываются, так что слабость последнего царства приводит к мысли о кончине мира, а, наоборот, признаки близкой кончины служат указанием на конец последнего богоизбранного царства.

Идеи хилиазма, по которому настоящий мир должен существовать лишь 6000 лет, на Руси не были распространены. Зато большей известностью пользовалось учение о 7000-летнем существовании мира: оно появляется в нашей письменности едва ли не с XII – XIII веков и особенно усиливается к исходу седьмой тысячи в эпоху жидовствующих. Прошел роковой семитысячный (1492) год, кончина мира не пришла, но это вовсе не послужило опровержением теории: наиболее просвещенные люди XVI века держались ее – Максим Грек, князь Курбский. Держался ее и Филофей.

Можно теперь судить, какое впечатление должны были произвести на Руси два горестных события в Греции в исходе седьмой тысячи лет – Флорентийская уния и падение Царьграда. Исследователь отмечает, что впечатление от злополучной унии было более даже подавляющим, чем падение греческой столицы, и это отразилось на сравнительных размерах русских памятников, касающихся того и другого события.

В русских статьях о Флорентийском соборе проводился взгляд, что греки за золото продали здесь Православие, и не слышится ни одного смягчающего обстоятельства. Царь, митрополит Исидор и все греки покрылись на суемысленном восьмом соборе «тьмою неверия и в волки претворишася», только Русь попечением московского великого князя Василия Васильевича осталась верной хранительницей Православия. В официальных грамотах проводятся те же мысли, – более осторожно в тех, которые писаны в Царьград, и более откровенно – в предназначенных для русской митрополии.

Повести о падении Константинополя показывают, что у русских книжников вскоре после этого события возникает идея о мировом призвании русского народа. Но здесь еще не встречается мысли, что падение это было следствием измены греков Православию на Флорентийском соборе. Два эти события – падение Царьграда и Флорентийская уния еще не были сопоставлены и связаны. Едва ли не первый связал их митрополит Иона, и это очевидно было взглядом русских правящих кругов.

Самостоятельное избрание русских митрополитов со времени упомянутого святителя оправдывается теперь русским правительством

изменой греков древнему вселенскому Православию и стремлением уберечь православный русский народ от заражения латинством. Русское царство и царь русский являются богоизбранными. Так русское религиозное самосознание развивается к явному ущербу старого религиозного авторитета греков. Отчуждение от Константинопольского патриарха является открыто, официальным образом; оно проникло в чин епископского исповедания.

Елеазаров монастырь не был чужд этих воззрений, как свидетельствуют о том некоторые подробности известного спора об аллилуйя между преподобным Ефросином и Иовом. Признание России центром Православия должно было неизбежно повести к установлению и признанию центральной государственной святыни. И таковой служит московский Успенский собор. Оставалось сделать один шаг и Москва с соборною церковью Успения обратится в третий Рим.

Эта мысль впервые является в послании митрополита Зосимы, а термин «третий Рим» в повести о белом клобуке. По мысли этой повести на Русь из Византии должны перейти царство и патриаршество.

И относительно перехода «царства» или знаков царского достоинства составляется целый ряд повестей. Эту литературу определили те же события, которые создавали и русскую церковно-политическую философию. Но ей содействовало еще новое обстоятельство – брак Ивана III с Софьей Палеолог. Греческая царица, совместно с другими историческими факторами, содействовала перенесению на Русь византийских монархических традиций. Наиболее же подготовленным и склонным к восприятию таких идей оказалось духовенство, вероятно воспитанное в них еще константинопольскими патриархами – целым строем отношений Византии к Москве, при всяком случае взаимного общения Византии и Руси.

Такова совокупность исторических обстоятельств и таковы были понятия русских книжных людей об историческом призвании русского народа, когда выступил с проповедью о том же предмете наш старец Филофей. Великому князю Василию он писал: «молю тя и премолю, внимай Господа ради, яко вся христианская царства снидошася в твое царство; посем чаем царства, ему же несть конца» и снова «блюди и внемли, благочестивый царю, яко вся христианская царства снидошася в твое едино, яко два Рима падоша, а третий стоять, а четвертому не быти. Уже твое христианское царство инем не останется»¹.

То же он повторяет и в послании к Ивану IV, добавляя толкование величественного образа апокалипсической жены, бегущей в пустыню

---

¹ Там же. С. 524.

от преследования змея, в применении видения к России и Русской Церкви.

Далее исследователь объясняет, почему именно среди монашества и духовенства находил себе горячих проповедников монархический строй, и излагает частные черты этого строя. Строй этот теократический. Русский царь – «браздодержатель святых Божиих престол святых вселенския, соборныя, апостольския Церкви Пресвятыя Богородицы честного и славного Ея Успения». Он ответствен потому за судьбу вверенного царства и Церкви. Немудрено поэтому, что Филофей обращается к московским князьям великим с просьбой исправить церковные нестроения и решить церковные вопросы: о вдовстве епархий, о вотчинах, крестном знамении, содомии, симонии. На всех этих вопросах автор наш внимательно останавливается.

Последний VIII отдел исследования посвящен отношению Церкви к государству по взгляду Филофея. Отношение это выражается в печаловании. И исследователь дает обстоятельный и крайне интересный очерк трогательного обычая нашей древности: печалования святителей и вообще духовных лиц за опальных.

Общая мысль очерка такая. Печалование было не только правом, но и долгом духовенства. «Как таковое, оно едва ли было лишь делом христианской благотворительности духовенства, как некоторые готовы думать, но имело свой источник столько же в нравственном долге, сколько и в юридическом положении духовенства, превратилось со временем в юридический обычай»¹.

В приложениях автор издал научным образом послания старца Филофея, послание игумена Памфила, ряд повестей о Флорентийском соборе, неизданный ранее трактат преподобного Иосифа Волоколамского о неприкосновенности церковных и монастырских имуществ и некоторые другие памятники. Таково содержание разбираемой книги.

Мы старались представить только самую общую схему монографии проф. Малинина, не вдаваясь в детали (исключая VI отдел). Но надеемся, для читателя и отсюда ясно, сколько крупных историко-литературных вопросов здесь затрагивается. Однако только из самой книги можно видеть, как справляется с их решением наш автор.

Несомненно, на первом плане в книге является образцовый анализ посланий старца Филофея и обследование их со стороны тех источников, из которых полною рукою черпал наш начетчик или книжник XVI века – старец-писатель. Чтобы разобратить творения Филофея, как гово-

---

¹ Там же. С. 682.

рится, по ниточке, исследователь сам превращается в начетчика, каким был Филофей: перечитывает громадную святоотеческую энциклопедию – Пандекты Никона Черногорца, Козьму Индикоплова, Палеи, Шестоднев Иоанна Экзарха, апокрифы вроде книги Еноха, отреченные книги вроде жидовского Шестокрыла и многое другое.

В результате получается такое историко-литературное исследование о Филофее, какие положительно редки в нашей ученой литературе, каких еще только ждут и более крупные, чем Филофей, русские авторы XVI и других столетий.

Но одними литературными источниками исследователь не ограничивается; он старается, как говорит сам, «ввести в живое понимание эпохи (Филофея) и воззрений его современников в их отношении к церковно-политической системе нашего старца», «показать, что Филофей не только жил в свою эпоху, но и свою эпоху, ее идеалами, общим направлением церковно-политической жизни, которые поэтому и выразились у него и чрез него с замечательною силою и своеобразием»¹.

Поэтому наш исследователь не подлежит упреку в узости и односторонности, игнорировании общего исторического фона, на котором отобразилась писательская деятельность взятого им лица, – чем обычно страдают монографии. Ему пришлось касаться многих крупных вопросов. Но исследователь наш не умеет касаться чего-нибудь слегка; он непременно изложит вопрос *ab ovo*², по возможности документально, не скупясь на выдержки из подлинных памятников, – с такою обстоятельностью, как будто бы не предполагая у своего читателя даже элементарных познаний по излагаемому им вопросу. <...>

Автор ведет свое исследование как опытный мастер, богатый знаниями в нашей древней рукописной литературе, не говоря об изданных источниках, сделавший путем непосредственного изучения той и других немало ценных наблюдений, внимательный к последним выводам современной научной литературы. Поэтому в его изложении с неослабевающим интересом читаются даже вопросы давно изученные и разработанные в литературе, тем более это надо сказать о разработанных слабо, так что с этой стороны в книге профессора Малинина ничего нет лишнего. <...>

Мы по возможности подробно передали содержание седьмого отдела, где автор излагает историческое развитие теории о Москве – третьем

¹ Там же. С. 766 – 767.

² *Ab ovo* (лат.) – буквально «с яйца»; с самого начала.

Риме. Теория эта основана на воззрениях, переданных на Русь Византией, как это детально развивается в разбираемом труде.

Но здесь обойден один вопрос: какими путями, кроме литературно-книжного, перешли на Русь те идеи, из которых потом у нас создалась теория богоизбранничества русского народа? Сам автор отмечает, что эта теория развивалась на Руси не только среди книжных людей, но и среди правительственных кругов¹. Удачной формулировкой ее у старца Филофея пользуется опять-таки правительство в грамоте об учреждении патриаршества, «так что патриотическая теория скромного инока Елеазарова монастыря становится как бы государственной теорией»².

Но в правительственные русские сферы теория о Москве – третьем Риме проникла едва ли через книгу. Сам автор наш приводит очень выразительное послание патриарха Антония к великому князю Василию Димитриевичу, запретившему было поминать греческого императора на литургии, и присовокупляет, что проповедь идей, выраженных в послании патр. Антония, происходила путем не одних грамот или посланий, а целым строем отношений Византии к Москве, при всяком случае взаимного общения Византии и Руси³.

От чего бы не заняться автору строем этих отношений, по крайней мере, по посланиям и грамотам? Они представляют цельную школу церковно-политической философии, воспитавшей древнерусскую правительственную мысль в известном направлении и объясняют самую эту философию. Ведь в разбираемом труде трактуются вопросы и далее отстоящие от основной темы?!

Другой путь, которым несомненно византийские церковно-политические теории проникали на Русь, представляло паломничество с его сравнительно богатой письменностью. Паломничество – явление древнерусской церковной жизни недостаточно изученное – вообще оказало сильное влияние на религиозное миросозерцание наших предков. Паломники переносили с Востока целый ряд понятий, воззрений, легенд или сведений, которые устно и письменно распространялись в русском обществе. <...>

¹ Бороздин А. К. Протопоп Аввакум. Прилож. С. 475, 491.

² Малинин В. Указ. соч. С. 768.

³ Там же. С. 521.

СЕМЬЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ И ПРАВОСЛАВНАЯ ТРАДИЦИЯ

ВЫСТУПЛЕНИЕ В ВЫСТАВОЧНОМ КОМПЛЕКСЕ
«ЭКСПО-ВОЛГА» НА ПРАВОСЛАВНОЙ ВЫСТАВКЕ-ЯРМАРКЕ
«БЛАГОСЛОВЕННАЯ САМАРА»

В настоящее время весьма распространенным явлением стали разговоры о семье, о её трудностях и проблемах. Поэтому складывается впечатление, что всё уже сказано, и все знают, как нужно поступать. Сегодня в этой связи сложилась очень благоприятная ситуация, так как появилась возможность осмысления накопленных знаний. То есть сейчас мы можем не спеша, вдумчиво отразиться на семейных проблемах, способы их решения, поразмышлять о том, как сделать так, чтобы те истины, которые нам подарило Православие, воплотить в повседневной семейной жизни.

Для этого оттолкнёмся от некоей отправной точки, вначале как врачи поставим «диагноз» институту семьи, поговорим о его наиболее типичных проблемах. Далее обратимся к анализу причин, их порождающих, а потом остановимся на практических подходах, способствующих преодолению негативных явлений, присущих современной семье.

Елена Анатольевна Морозова в 1989 году окончила Куйбышевский мединститут им. Д. И. Ульянова по специальности «лечебное дело», в 1989 году – Самарский университет по специальности «социальная психология» и в 2009 году Самарскую гуманитарную академию по специальности «эксперт в области теологии». В настоящее время Е. А. Морозова доцент кафедры теологии СамГУПС, православной педагогики и психологии СамДС, кандидат психологических наук, практикующий психолог, врач-психотерапевт.

Сегодня многие исследователи, учёные встревожены тем, что фамилистическая цивилизация переживает свой закат. В этой связи говорится о трансформации семейных отношений, о том, что сегодня семья уже фактически не нужна, она отжила своё. По сути дела мы наблюдаем совокупность явлений, которые можно облечь термином «кризис семейных отношений». Он многолик, многообразен, имеет разветвлённые проявления, среди которых наиболее распространёнными являются следующие.

Десакрализация брака – брак, по своей сути, перестал восприниматься, как нечто святое, незыблемое, ценное. Современному человеку легко в брак вступить, легко его и расторгнуть. Статистика подтверждает эту печальную тенденцию: на 1000 вновь созданных браков в среднем по стране приходится 800 разводов. Конечно, это очень страшно.

Какие ещё проявления кризиса семьи мы сегодня видим? Малодетность, бездетность, в основе которых находится идеология антиматеринства. Набирает обороты такое движение, которое носит название «чайлдфри» – «свобода от детей», когда супруги сознательно принимают решение не обременять себя детьми, так как им важнее какие-то другие потребности удовлетворять. Нужно учиться, работать, отдыхать – рассуждают такие люди, забывая об одном из важнейших предназначений семьи – деторождении, продолжении любви супругов в детях. Другим ярким проявлением семейного кризиса являются аборт, когда женщина убивает собственное неродившееся дитя. И, хотя в этой связи отмечаются некоторые положительные тенденции, однако до преодоления данного явления пока далеко.

Необходимо упомянуть и такую проблему, которая сегодня достаточно распространена – утрата традиционной семейной иерархии. Это та ситуация, когда мужчина фактически не является главой семьи. Женщина берёт бразды правления в свои руки и встаёт, как говорится, в строй на место мужчины, выполняя те функции, которые, в общем-то, изначально ей были не свойственны. Сегодня это движение очень популярно – эмансипация, феминистическое движение, когда женщина все чаще говорит о своих правах. Конечно, свободу человеческой личности никто не отменял, можно и таким способом реализовывать себя, однако последствия подобной женской реализации очень трагичны – страдает и распадается семья, искажается женская и мужская природа, дети не получают необходимых для нормального развития образцов.

Упомянем и такую негативную тенденцию, с которой мы, к сожалению, сегодня сталкиваемся повсеместно – это так называемые, альтернативные отношения, которые представляют собой некий эрзац тра-

диционной семьи. Это и сожителство, которое благозвучно называют «гражданским браком»; это и сознательное одиночество; и так называемые материнские семьи, когда женщины решают родить «для себя»...

Таким образом, проявления кризиса семьи многообразны, и мы вынуждены констатировать тот факт, что, в общем-то, традиционная семья постепенно сдаёт свои позиции. Традиционная семья, пронизанная отношениями истинной любви и иерархичности, как Богом созданный союз, к сожалению, оказывается в меньшинстве.

В этой связи необходимо проанализировать причины данного явления, среди которых можно выделить исторические, социальные, психологические и духовные предпосылки. Для того, чтобы выстроить логику их появления, проведем реконструктивный анализ и посмотрим, каким образом развивался институт семьи, какие этапы в своем развитии он проходил.

Если обратиться к первоисточкам, необходимо вспомнить творение первых людей – Адама, созданного по образу и подобию Божьему и Евы, сотворенной помощницей Адаму. По своей сути, это и была первая семья, призванная к становлению «одной плотью» через взаимодополнение, умножение любви друг к другу и возрастание в любви к Богу. Однако после грехопадения исказился как весь мир, так и отношения между мужчиной и женщиной, которые утратили гармонию. После изгнания первых людей из рая начинается новый этап человеческого развития, в процессе которого постепенно утрачивается представление о богосозданности семейных отношений.

Отношения между мужчиной и женщиной в Ветхозаветный период совокупно могут быть отнесены к модели языческой семьи, которая существовала вплоть до пришествия в мир Христа Спасителя. Стержневая характеристика данной модели – отсутствие сакральности брака, который в целом носил гедонистический характер, что воплощалось в разных формах – промискуитет, полигиния, полиандрия, групповые отношения.

Но вот наступил момент, когда на исторической арене появляется еврейский народ, который становится носителем Заповедей, полученных Моисеем на горе Синай, благодаря чему постепенно зарождается новая модель семейных отношений – модель традиционной патриархальной семьи. Она основывается на моногамности, главенстве мужчины, послушании детей своим родителям. Неверность пресекается, жестоко наказывается, так же как и непочитание родителей. Данная модель, в рамках которой постепенно происходит возврат к пониманию сакральности брака, становится нормативной.

Однако кардинальные изменения в семейных отношениях стали происходить после пришествия в мир Христа Спасителя. Появляется новая модель – христианская семья. Ее принципиальное отличие от предыдущих моделей состоит в том, что не исключая нормативности, которая была присуща Ветхозаветной модели семьи, обозначается новый вектор, новая наполненность, новая направленность семейных отношений – это любовь. Семья начинает пониматься как «малая Церковь» – свободный союз двух богоподобных личностей, которые призваны раскрывать образ Божий в отношениях, создаваемых по образу союза Христа и Церкви.

Постепенно христианская модель семьи становится доминирующей. В начале на территории Римской империи, затем на территории Византии всё больше и больше получает она своё распространение. Далее наряду с христианской, традиционной моделью семьи, появляются и другие модели. Это связано, прежде всего, с отделением Западной Церкви от Восточной, в результате чего Восточная Православная Церковь сохраняет основное содержание христианской модели семьи, а Западная церковь начинает развиваться по своей траектории, последовательно проходя через эпохи Ренессанса, Реформации и Просвещения, называемое эпохой модерна.

Что характерно для этой эпохи? В первую очередь, стремительное обособление мысли в результате того, что совершается ряд открытий, которые буквально завораживают человека того времени: оказывается он може всё и без помощи Бога! Выразителем эпохи модерна становится Фридрих Ницше, который озвучивает идеологему: «Бог умер, да здравствует человек!»

Укоренению подобной установки в сознании человека способствовали удары, нанесенные и обществу, и, естественно, институту семьи. Один из самых сокрушительных ударов – теория эволюции Чарлза Дарвина: оказывается человек всего лишь потомок обезьяны! Другой удар был нанесён социальной теорией Карла Маркса и Фридриха Энгельса, согласно которой религия – это продукт правящих классов. Третий удар был нанесён психоанализом Зигмунда Фрейда, который понимал человека, как существо, мотивированное двумя базовыми инстинктами – либидо и танатос.

Все эти удары привели к пониманию того, что ничего сакрального, святого, в том числе, и в семейных отношениях – нет, значит, можно делать всё что угодно.

На этом фоне появляется модель семьи модерна, для которой присуща, в первую очередь, демократизация отношений: мужчина и женщина

равны, никакой иерархии нет, человек совершенно свободен, поэтому можно создавать любую модель отношений. В рамках данной модели семьи абсолютизируется партнерство отношений супругов в браке, которые начинают носить эгалитарный характер, а также самоактуализация личности, которая приобретает сверхзначимый характер. Семья рассматривается как полезная организация только до тех пор, пока удовлетворяются потребности супругов; в противном случае семья утрачивает свою значимость, становится неинтересной и сбрасывается, как ветхая одежда.

Семья образца эпохи модерна, укореняющаяся, в первую очередь, на территории западноевропейского общества, постепенно становится доминирующей, а традиционная семья начинает постепенно сдавать свои позиции.

Но двигаемся дальше. Вспомним следующие шаги и переломные моменты, возникающие уже в XX веке. Западное общество входит в эпоху апостасийных процессов, на фоне которых появляется новая модель семьи эпохи постмодерна, для которой характерна ещё большая абсолютизация человеческой свободы, приобретающая характер произвола в самых разных проявлениях (нетрадиционные отношения, свингерство, промискуитет и т.д.). В семейных отношениях в эпоху постмодерна в полной мере происходит потворствование «ветхой», искаженной первородным грехом природе человека. Семья приобретает гротескные, уродливые формы, приобретающие социально приемлемые формы с помощью технологий по типу «окна Овертона».

И сегодня приходится констатировать тот факт, что в западном обществе в положение аутсайдера оказываются традиционные семьи. Ювенальная юстиция изымает из таких семей детей, лишает родителей родительских прав, а ребёнку с ранних лет прививается так называемая толерантность.

Вернемся к восточно-христианской модели семьи, которая распространяется на территории Византии, гибнущей в 1453 году. Однако Святая Русь, приняв Святое Крещение в 988 году, с XV века становится носителем модели традиционной христианской семьи как Богом созданного союза. В результате длительных, сложных процессов, происходивших в общественном сознании жителей Руси, языческий менталитет, языческая модель семьи постепенно начинает меняться, преображаться под влиянием христианской морали, духовности и нравственности.

Шаг за шагом Русь начинает воссоздавать по-христиански наполненные любовью моногамные отношения. Подобная модель семейных отношений становится доминирующей, приоритетной, вплоть до Октябрьской революции 1917 года.

Общими проявлениями данной модели являются иерархичность с главенством мужчины, укорененная в онтологии семьи; многопоколенность, многодетность, уважение, послушание, любовь, включенность семьи в жизнь семейного рода.

Однако эта модель семьи оказывается разрушенной под влиянием ряда ударов, первым из которых стал Октябрьский переворот, в результате чего происходит стремительная десакрализация семейных отношений: отменяется венчание, верность, женщина вырывается из семьи и ставится в строй наравне с мужчиной, дети отдаются в ясли. Традиционная семья начинает медленно и мучительно умирать.

Следующий момент, который ещё больше разрушает семью, это Великая Отечественная война, когда миллионы мужчин погибают на полях сражений. Женщина вынуждена маскулинизироваться, она становится мужественной, потому что надо выживать, нужно детей кормить. В результате появляется целое поколение сильных женщин, которые воспитывают сильных дочерей и порождают слабых мужчин.

В 1960 – 70-е годы появляется новая модель семейных отношений, о которой говорят социологи и психологи. Это так называемая модель социалистической семьи. Что для нее характерно? Это матриархальная модель, в которой мужчина ответственность за семью не берёт, а ключевые решения принимает женщина. Этой модели также присуща малодетность, разрушение родственных связей.

Что же в дальнейшем? Следующий удар обрушивается на институт семьи в годы перестройки. Поднимается «железный занавес», в результате чего на территорию постсоветской России хлынули «ценности» вседозволенности, эгоизма, транслируемые, в первую очередь, средствами массовой информации.

Некритичное усвоение данных ценностей привело к тому, что люди стали «брать от жизни всё». Появилась гедонистическая нацеленность личности, нашедшая своё выражение в семейных отношениях. В итоге упомянутые выше отношения постмодерна, характерные для Западной Европы, стали транслироваться на территории уже постсоветского пространства.

Таким образом, мы проследили истоки кризиса семьи и динамику семейных отношений в историческом контексте. В настоящее время в России сосуществуют три модели семьи, среди которых, по всей видимости, доминирующее, приоритетное значение имеют семьи модерна; традиционная семья не является приоритетной, она субдоминантна. Так же существуют и отношения семьи постмодерна, которые получают все больше распространение.

Ввиду того, что все три модели семьи присутствуют в обществе одновременно, человек сейчас оказывается в очень сложной ситуации так называемой ценностной бифуркации. Ее итогом является, по словам Э. Тоффлера, возникновение антропологического шока, обусловленного «сшибкой» взаимоисключающих ценностных выборов.

В большей степени подобный ценностный выбор стоит перед юношами и девушками, которые некритично усваивают концепции модерна и постмодерна, в результате чего легко вступают в свободные отношения, не думая об их разрушительных для личности последствиях.

Как же можно нивелировать те следствия кризиса семьи, которые сегодня «расцвели» пышным цветом? В этом существенно может помочь Православие, его богатейшее наследие, которое помогает найти незыблемые «точки опоры», позволяющие создать по-настоящему крепкую семью.

В первую очередь, конечно, это сакральное понимание брака как святого, священного союза между мужчиной и женщиной. Обратимся к определению брака, которое даёт нам православная традиция. Брак есть таинство, в котором при свободном обещании вечной и верной любви благословляются супружеский союз жениха и невесты для чистого рождения и воспитания детей и для взаимного вспоможения во спасение. Какие красивые и возвышенные слова, наполненные глубокими смыслами!

И вот эти смыслы, ценностное отношение к браку, конечно, важно привносить в собственные семьи, в семьи наших детей и близких. Для этого необходимо актуализировать понимание того, что брак является таинством. В чём заключается таинство брака? Таинство, тайна состоит в том, что две личности разного пола соединяются в единое целое. Архимандрит Георгий (Шестун) обращает внимание на этимологию слова «пол»: «пол» – это половина, которая стремится стать целым. Эта целостность обретается, в первую очередь, в браке. Не случайно говорят «вторая половина». В браке происходит таинственное преображение человеческой личности, восполнение, восстановление ее за счёт близкого человека.

Следующая точка опоры – понимание того, что брак основан на вечной и верной любви. Православие нам говорит о том, что любовь в земном измерении только-только начинается, зарождается, и супруги призваны этой любви научиться через несения креста семейной жизни, тягот, долготерпение, преодоление всевозможных трудностей. Вспомним многочисленные сказки, которыми так богато наше культурное наследие: съесть семь хлебов железных, сносить семь сапог, тоже железных, пройти через огонь, воду и медные трубы и только тогда обрести истинную любовь.

Понятно, что это происходит не одномоментно; важно понимать, что любовь наступает не сразу, но спустя долгие-долгие годы в браке. Архимандрит Георгий (Шестун) отмечает, что истинная любовь есть дар Божий, который даётся человеку по благодати. До неё дожить нужно; нужно дождаться этого момента, когда настоящая любовь придёт.

А какая она, настоящая любовь? И об этом нам тоже говорит христианство, оно даёт ещё одну важнейшую точку опоры, смыслы, векторы, направление, в которых можно двигаться для того, чтобы обрести истинную любовь.

Вспомним Первое послание к Коринфянам апостола Павла, в котором говорится о том, что если я имею дар пророчества, а любви не имею, то я – медь звенящая. И, если я говорю языками человеческими и ангельскими, но любви не имею, то я нет ничто. Любовь милосердствует, долготерпит. Настоящая любовь всё переносит, всему верит, всего надеется, прощает, покрывает. В этом мире нам даны вера, надежда и любовь, но любовь из них больше¹ – так говорит апостол Павел. Истинная любовь, как отмечалось выше, это дар Божий, который нужно заслужить.

А чем заслужить? Прежде всего терпением и смирением. Как бы не было тяжело в браке, необходимо потерпеть – где-то внимания не обратить на какие-то острые углы и шероховатости, где-то просто пошутить, в первую очередь над собой. Важно помнить о том, что все мы не идеальны, во всех нас силён «ветхий человек», хотя мы кажемся себе такими хорошими, духовными людьми. Но нет-нет, а всё равно наши «любимые» страсти, грехи начинают проступать, в первую очередь в ситуациях семейного взаимодействия, так как брак – настолько тесное соприкосновение личностей, что друг от друга никуда не спрячешься и не скроешься.

Часто, вступив в брак, спустя какое-то время супруги с удивлением начинают видеть себя и другого в совершенно ином свете, когда спадают «розовые очки» и идеализация проходит. И эта реальность бывает нерадостной.

Что же делать? И здесь нам даёт ответ православная традиция. Она говорит о том, что есть крест внешний и крест внутренний, о чем подробно писал святитель Феофан Затворник. Крест внешний – это скорби, скорбные обстоятельства, которые с любым человеком случаются по жизни. Но в ответ на несение креста внешнего появляется крест внутренний – это страсти, склонности, которые резонансно пробуждаются в ответ на несение креста внешнего. Многие люди, дойдя до этого этапа в отношениях, начинают думать о том, что не повезло, они совершили

---

¹ См. 1 Кор. 13.

ошибку, которую надо исправить, попробовать все с начала, с чистого листа, с другим человеком.

Но с ужасом и удивлением люди, вступившие в повторный брак, замечают, что и там появляется, в общем-то, то же самое, что было раньше: супруги наступают на те же самые грабли, возникают сходные проблемы. Почему? А потому что своего «ветхого человека» мы все так же несём, но уже в другие отношения. Поэтому без радикального изменения самого себя сложно построить гармоничную семью.

В чём должна заключаться стратегия православного, истинно верующего человека, как он будет мыслить, какими категориями? Да, в браке тяжело, да не всё гладко, да, может быть, не самый идеальный человек со мной рядом находится, но это повод не для развода, а для того, чтобы научиться молиться, терпеть, смиряться, прощать и проявлять милосердие ко второй своей половине. А, самое главное, нужно себя изменить.

И вот, когда в очередной раз у кого-то из супругов пробуждаются страсти, грехи под влиянием семейной ситуации, православный человек бегом бежит на исповедь: «Батюшка, вот опять я не выдержал(а), опять я согрешил(а), опять гневливость во мне проявилась. Ну что же такое? Опять...» То есть православный человек не другого человека менять начинает, а себя, себя с Божьей помощью начинает преображать. Познай себя, как говорил прп. Амвросий Оптинский, и хватит с тебя.

И если человек встаёт на эту стезю люди, то постепенно в семье начинают происходить метаморфозы. С удивлением супруги начинают наблюдать, что отношения изменились, они стали другими. Куда-то уходит непримиримость, жёсткость, конфликты. И всё больше и больше на этом месте возрастает нежность, долготерпение, о котором говорил апостол Павел, рождается сострадание к близкому человеку. Потому что страсти, опутывающие ветхую природу человека – это, прежде всего, проявления болезни духовной. Ведь, как правило, мы жалеем человека, который болеет болезнью физической, телесной, мы всегда стараемся его поддержать. А если у человека душа больна? Если человек не может со своими страстями совладать, неужели он не нуждается в жалости, в сочувствии, в помощи? Конечно нуждается.

И если вот так воспринимать страждущего человека, который рядом с нами, то отношения меняются кардинально. И при этом постепенно происходит восхождение по лестнице обретения добродетелей – от терпения к смирению, которые радикально, кстати, отличаются друг от друга. Если терпение всё-таки подразумевает некий волевой акт, когда человек стиснув зубы говорит себе: «Да, буду терпеть несмотря ни на что!», но в душе при этом могут бурлить страсти. Если страсти сдерживаются,

это уже хорошо, но это не есть смирение, конечно. А смирение подразумевает принятие другого человека, как образа Божиего, как самого себя со всеми шероховатостями, несовершенствами и сложностями характера. Если это происходит, то в данном случае супруг и супруга начинают испытывать радость от сознательного несения креста, что является показателем верности выбранного пути.

Если этот урок усвоен, то затем приходят милосердие, сострадание, доброта, жертвенность и вершина всего – любовь.

По каким признакам можно понять, что любовь наступила? Отец Георгий (Шестун) говорит о том, что происходит это буднично, трубы не трубят, ангелы не спускаются с небес... К примеру так: муж и жена сидят на кухне, пьют чай, они смотрят друг на друга и понимают: «Вот это тот человек, который нужен мне – и для этой жизни, и для жизни вечной. Какое счастье, что я женился именно на ней!» – «Какое счастье, что я вышла замуж именно за него!» И вот это взаимное откровение и есть, наверное, обретение истинной, настоящей любви, которая наступает далеко не сразу, но спустя десять, пятнадцать, а может быть, и более лет совместной жизни.

Так постепенно, шаг за шагом, супруги духовно возрастают, готовясь в земной жизни войти в Царство Небесное, потому что брак, как отмечали святые отцы, – это есть самый удобный способ для спасения человека, для подготовки к жизни вечной. Подобное понимание брака является еще одной точкой опоры, которую дарит нам православная традиция.

И еще один важный, опорный момент. Конечно же, это понятие иерархичности. «Иерархия» означает соподчинённость. У Господа всё иерархично. Иерархичен ангельский мир, иерархичен и мир земной, и отношения человеческие. Иерархия, конечно же, существует и в семье: Бог – мужчина – женщина – ребёнок. И она далеко не случайна. Мы говорили о том, что мужчина сотворен по образу и подобию Божиюму, а женщина как помощница Адама. Поэтому у мужчины и женщины совершенно различные векторы служения, разная направленность. К сожалению, часто бывает так, что женщина хватается за всё, взваливает на свои плечи заботы, тяготы, которые, в общем-то, ей и не нужны. Понятно, что нужно выживать и деньги зарабатывать, но гораздо важнее расставить правильные приоритеты. Лучше отдать мужу какие-то ключевые вопросы, чтобы он их решал и принимал ответственность за семью. А женщина будет помогать. Зачем ей нужно всё это брать на себя? Подчеркну, это не есть некое унижение, умаление прав женщины. Нет, конечно, это законное, это достойное место, которое она занимает в семье.

Многие мужчины, к сожалению, искажённо воспринимают идею главенства мужчины, считая, что можно творить все что угодно. Однако, иерархия, это не деспотизм, это, прежде всего, ответственность мужчины за семью перед Богом. Вспомним высказывания апостола Петра, который говорил о том, что женщина – это «немогущий сосуд», с которым нужно обращаться бережно, с любовью, то есть стараться его сохранить, не повредить, сберечь. Об этом, к сожалению, почему-то мужчины забывают, но помнят о том, что жена «да убоится мужа своего». Однако, православная традиция говорит нам о том, что «боится», это, значит, уважает, ценит, дорожит, боится огорчить, причинить боль, страшится утратить те доверительные отношения, которые есть в семье.

Поэтому православная иерархия подразумевает, прежде всего, глубокое уважение, которое существует между мужем и женой с пониманием своего вектора развития, своего уникального пути, который присущ мужчине и женщине. Поэтому будем, всё-таки, стремиться к созданию настоящей иерархичности – не гротескной, не напускной, но подлинной, пронизанной глубинной онтологией, сопряженной с пониманием подлинного предназначения мужчины и женщины.

В основе семейной иерархии лежит послушание, которое является основой семейной жизни. Как отмечает архимандрит Георгий (Шестун), если послушание есть, то все находятся на своих местах. Муж послушен Христу, жена послушна мужу, дети послушны своим родителям. Яркие образцы послушания можно увидеть в Священном Писании на примере Авраама, Сарры и их сына Исаака. Подчеркнем еще раз мысль о том, что если в семье присутствует послушание, совмещённое со смирением, со смиренным пониманием своего места в семье, которое Богом установлено, то большинство проблем отпадает, они попросту не возникают, так как фактически разрешаются на превентивном уровне.

Возникает вопрос, как быть, если в семье есть и старшее поколение – собственные родители. Вспомним, что оставит человек отца своего и мать свою и прилепится к жене своей; и будут два одна плоть (Быт. 2, 24). Здесь содержится ответ на поставленный выше вопрос. Всё-таки «прилепление» в браке происходит уже не к отцу или матери, а к своей второй половинке. Святой старец Паисий Святогорец говорил о том, что, в общем-то, задача родителей заканчивается после того, как чадо вступает в брак. Да, конечно, родители не должны быть забыты и они должны быть на достойном месте, но не на первом, которое принадлежит супругу(е). К родителям можно и нужно прислушиваться, но решения необходимо принимать своей собственной семьёй.

Поэтому еще одной «точкой опоры» может стать понимание необходимости «оставления родителей». Это сакральный, очень тонкий момент, который позволяет супругам стать единым целым, «одной плотью». Как это происходит?

Понятно, что не одномоментно, не сразу, а в течение длительного времени, с учётом всех сфер личности – телесной, душевной и духовной.

Телесные отношения призваны продолжить человеческий род, смягчить экзистенциональное одиночество, позволяют познать противоположный пол, как об этом говорил протоиерей Борис Ничипоров. Поэтому телесное единение в браке – важнейшая составляющая становления супругов «одной плотью», но не единственная и не первостепенная.

Большую роль играют отношения душевные. Они включают волевою, разумную, эмоциональную силы, посредством которых также происходит обретение целостности на протяжении долгих лет совместной жизни.

Волевая часть души напрямую задействована в этом процессе: «Мы будем вместе несмотря ни на что!» – такое волевое решение, похорошему, должны принять супруги в самом начале заключения брака. Если эта установка есть в основании брака, если супруги готовы пронести супружеский союз через все тяготы жизни, пройти через все трудности – велика вероятность того, что брак сохранится.

Разумная часть души позволяет отрефлексировать, понять многие моменты, касающиеся семейной жизни. Рефлексия, трезвение в свято-отеческом понимании – это внимание к себе, к своим помыслам, эмоциям, мотивам и потребностям. Нужно постоянно держать это в фокусе своего внимания, что позволит многие проблемы преодолевать, конструктивно разрешать конфликты, правильно общаться, выражать свои эмоции и т.д. Поэтому, если будет присутствовать такое внимательное отношение к себе и друг к другу, то становление «одной плотью» на душевном уровне произойдёт достаточно быстро, критерием чего будет восприятие семьи как семейного очага, где тепло, уютно, где тебя всегда ждут и тебе всегда рады.

В такой семье происходит доверительное общение со своей второй половиной как с самим собой, обмен самым сокровенным. Есть такое понятие в психологии – «альтер эго» – «другой я», определяемое в православной традиции как «единство душ и телес». В данном случае у членов семьи происходит удовлетворение базовых потребностей: в принятии, уважении, общении, что, опять же, свидетельствует о становлении «одной плотью» на уровне душевном.

Однако самый важный момент обретения целостности в браке происходит на духовном уровне, который очень сложно однозначно определить. Дух есть искра Божия в человеке, взаимосвязь человека с Богом, та сила, которая влечёт человека от земного, тленного, к небесному. В то же время дух есть некий системообразующий стержень, который позволяет соединить, интегрировать человека в единое целое.

Духовность опосредованно проявляется через добродетели: жертвенность, безусловную любовь, сострадание, доброту, жертвенность, служение. На духовном уровне в браке реализуются очень глубокие цели: происходит глубинное единение, восполнение, восстановление, обретение образа Божия, который раскрывается через близкого человека. Основным критерием становления «одной плотью» на духовном уровне личности является обретение истинной, настоящей, безусловной любви, о которой говорилось ранее.

Итак, мы рассмотрели «точки опоры», значимые для построения гармоничных семейных отношений, которые дарит нам православная традиция. Эти вечные ценности живы, они не утратили своего значения и никогда не утратят, так как Иисус Христос вчера и сегодня, и во веки Тот же (Евр. 13, 8). Мы можем привнести эти знания в собственные семьи и помочь подрастающему поколению обрести верные ориентиры для построения в будущем крепких семей.

Для тех, кто работает в сфере образования, это особо актуально, так как через образовательную деятельность в первую очередь можно привнести православные смыслы. И сегодня такая работа ведётся. В частности, у нас на территории Самарского региона реализуется курс «Нравственные основы семейной жизни», который разработан священником Димитрием Моисеевым и монахиней Ниной (Крыгиной). Общественная организация «Союз православных женщин» закупила необходимые учебники, разработана система подготовки специалистов. Дети с удовольствием принимают участие в обучении и многие спрашивают о том, почему такие предметы не преподавались раньше. Для студентов подобные курсы также разрабатываются, и отчасти они реализуются. Поэтому сегодня нужно много трудиться, создавать программы для различных категорий населения, их реализовывать. Это длительная, очень кропотливая, не одномоментная работа, которая требует усилий всего общества.

И здесь, конечно, важно всем неравнодушным людям быть воедино, чтобы ситуацию, обусловленную кризисом семейных отношений, как-то переломить. Многие говорят о том, как всё плохо. Но важно давать альтернативу и говорить о том, что есть хорошего и что может быть изменено с помощью православной традиции.

Для этого нужно показывать подрастающему поколению, да и взрослым людям, что православная традиционная семья – это не отжившая архаика, как многие сегодня говорят. Нет – это красиво, надёжно, радостно! Поэтому нужно транслировать образцы православных семей, показывать эти примеры, учить на примерах.

Есть же такие семьи, которые живут на основе православных принципов, но о них мало кто знает. Поэтому важно создавать контент: документальные и художественные фильмы, блоги, прозу, посредством чего постепенно формировать традиционное семейное сознание. А это процесс очень длительный, подразумевающий системную, многоуровневую работу. Но, с Божьей помощью, эта тенденция все больше набирает обороты, что внушает оптимизм, радость и желание дальше трудиться на этом благодатном поприще.

Подводя итог, хотелось бы сказать о том, что православное представление о семье сегодня актуально как никогда, потому что наши семьи переживают сложное время. Поэтому хотелось бы напомнить, что многое всё-таки зависит от нас. Можно сделать многое, главное – не опускать руки.

Традиционная ежегодная православная выставка-ярмарка «Благословенная Самара» состоится в выставочном комплексе «Экспо-Волга» с 31 марта по 7 апреля 2020 года.

Выставка посвящается 75-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне. В рамках выставки состоится творческая встреча

с врачом-неврологом, автором книг, монахиней Евфимией (Пащенко), пройдет благотворительный концерт и круглый стол «Как справиться с болезнью», а также клуб по поддержке родителей детей с ограниченными возможностями.

Центральные святыни пасхальной выставки – мощи святой равноапостольной Марии Магдалины и преподобной Марии Египетской.

В течении всей недели посетители выставки могут поклониться мощам святых великомучениц Екатерины, Ирины, Анастасии Узорешительницы, Наталии Никомидийской, святой равноапостольной царицы Елены, святых праведных Марфы, Марии и брата их Лазаря, святых мучениц Веры, Надежды, Любви и матери их Софии и святой мученицы Юлии.

ОТ ВСЕЛЕНСКОГО ОДИНОЧЕСТВА – К ВСЕЛЕНСКОЙ МИССИИ

Размышляя о будущем постлиберальной России, надо иметь мужество признать, что либеральное наследие 90-х годов ставит страну перед столь жесткими дилеммами, каких она не знала со времен Александра Невского и Дмитрия Донского. Первая дилемма, способная привести в содрогание либерально-гедонистический тип сознания, может быть сформулирована так: либо возвращение к крайне жесткой, авторитарно-самодержавной государственности (не обязательно монархической), либо – полный развал России и установление американского протектората под каким-нибудь благозвучным международным названием.

То сочетание компрадорства с утопизмом, каким отмечено последнее десятилетие XX века, перечеркнуло столь много иных, более благоприятных возможностей, что теперь остается выбирать между весьма радикальными крайностями. Вопрос уже не в том, как избежать перерождения компрадорско-либерального режима в режим диктатуры, вопрос в том, как предотвратить установление разрушительно-безплодных диктатур – либо компрадорской, «опирающейся не на закон, а прямо и непосредственно на насилие», либо националистической, прерывающей традицию православного универсализма.

Разумеется, есть и еще один «выход»: предупредить наступление нового авторитаризма ценой полного разрушения России как культурно-исторического образования, от которого исходит «риск тоталитаризма».

Такой способ «профилактики» авторитарно-тоталитарных форм, кажется, уже предусмотрен некоторыми весьма влиятельными силами.

Панарин А. С. Россия в циклах мировой истории. М.: Изд-во МГУ, 1999.

Панарин А. С. (26.12.1940 – 25.09.2003) – русский философ, критик глобализма. Окончил философский факультет МГУ им. М. В. Ломоносова и аспирантуру, достиг значительных высот в научной сфере: доктор исторических наук, заведующий отделением теоретической политологии философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, директор Центра философских исследований Института философии РАН, действительный член 5 академий, в том числе Нью-Йоркской Академии Наук.

А. С. Панарин написал более 250 научных работ, в т.ч. 18 крупных монографий и книг. Наиболее значимые из них: «Политология», «Глобальное политическое прогнозирование», «Православная цивилизация в глобальном мире», «Агенты глобализма» (позднее эта работа целиком вошла в книгу «Искушение глобализмом», за которую учёный удостоился Солженицынской премии) и, наконец, «Стратегическая нестабильность в XXI веке».

Может быть, их представители еще не постигли того, что реальная альтернатива иная, и предстоящий выбор на самом деле не сводится к выбору между российским деспотизмом и нынешней административно-политической «расслабленностью». Последняя – лишь переходное образование, ведущее либо к террору компрадорской олигархии, не имеющей сколько-нибудь надежной социальной базы и потому не на шутку встревоженной за свою судьбу, либо к террору иностранных «борцов» с российской «анархией», что, как известно, прямо предусмотрено сценарием З. Бжезинского.

Александр Сергеевич Панарин

Невозможно отрицать риск – и большой риск – воссоздания жесткой, может быть, кровавой диктатуры в России. Вопрос в том, на каком пути мы собираемся избежать этого риска: прибегнув, не мудрствуя лукаво, к протекции мирового либерального гегемонизма, уже вполне готового избавить нас от собственной государственности, а следовательно, и от всех рисков, с нею связанных, или – избрав более трудный путь культурно-исторического творчества, обретя в кладовых собственной культурной традиции противоядие от беснований тирании.

Так напрашивается программа обращения к культуре – настоящая, ввиду тех опасностей бездуховной деспотической государственности, которая исторически приблизилась к нам вплотную. Но эта программа настоящая и ввиду грандиозных геополитических задач, не решив которые, мы обречены на разрыв нашего национально-государственного тела и со стороны Запада, и со стороны Востока (Дальнего), и со стороны Юга. Этим силам разрыва многие противопоставляют евразийскую доктрину, стержнем которой является идея славяно-тюркского синтеза и крепкой авторитарной государственности.

Но, как уже отмечалось, евразийская программа не может быть осуществлена на тех культурно-нейтральных основаниях державности как таковой, которые проповедают евразийцы. Если у них и чувствуется духовная составляющая, то она больше связана с «языческой эстетикой» державного величия и силы, чем с этическими идеями, завещанными Православием. Сегодняшний тип «новых русских», нигилистически

настроенных по отношению к государственному идеалу и долгу, нельзя урезонить и одухотворить эстетикой силы, ибо сила как таковая есть элемент языческий, а язычества в указанном типе и без того много.

В свое время Ф. М. Достоевский указал на опасность разрыва идеалов добра и красоты, на то, что красота может предать добро, результатом чего будет сомнительный идеал сверхчеловека, которому позволено «преступить» нравственные нормы. В большевизме этот ницшеанский тип уже нашел свое своеобразное воплощение. Сегодня можно, пожалуй, сказать, что красота предала и государственность – идею державного служения как таковую.

Новейший эстетизм отражает законченное своеволие, которое на жаргоне низовых субкультур обозначается как «крутизна». «Крутые парни» эпохи нового накопления (которые, по правде говоря, ни к какому накоплению не способны) на поверку оказываются весьма «жидкими», когда заходит речь о выполнении государственного воинского долга. А ведь с точки зрения собственно евразийских критериев, с ними как будто бы все обстоит в порядке. Они не страдают этническим изоляционизмом, следовательно, пригодны для межэтнических синтезов. Они в высшей степени мобильны территориально, так что и номадические симпатии евразийства здесь тоже не остаются безадресными. А уж энергии и напористости им тем более хватает!

И тем не менее все эти составляющие будто лишены какого-то скрепляющего стержня, необходимого для того, чтобы породить крупные государственные характеры и созидательную энергию державности. В качестве оплаченных наемников их вполне можно себе представить, в качестве надежного державного воинства – вряд ли. А все дело в том, что любые инициативы, любые энергии, как проявления индивидуального беспокойства и находчивости, сами по себе не образуют большой идеи. О насущности большой национальной идеи сегодня твердят представители всего политического спектра России – от коммунистов до ельцинистов.

Но здесь и кроется роковое недоразумение.

Понятие национальная идея – калька с европейской практики прошлого века. По своему происхождению национальная идея – продукт немецкой истории, отчасти восходящей к трайболизму древних германцев – разрушителей Рима, – отчасти к религиозной Реформации, утвердившей принцип национальной церкви (чья власть – того и вера).

Как верно в этой связи подчеркивает И. Солоневич, только на большом расстоянии от германского культурного влияния – на просторах Северной Америки и на просторах России – возродилась альтернативная

национализму большая римская идея: «Германские племена, наводнившие Европу и разгромившие римскую империю, к имперскому строительству оказались совершенно не способными... германец оказался слишком узок. Историческим выражением этой узости послужил феодализм, разложивший Европу и пытавшийся разложить Россию. Только на больших расстояниях от этого феодализма – на индейских просторах Америки или на угро-финнских просторах Москвы, удалось создать огромные демократии – демократические каждая по-своему, и каждая по-своему решающие проблемы и своего, и общечеловеческого социального бытия»¹.

Только в России римская идея возродилась почти на 400 лет раньше, чем в Америке. Прежде чем отцы-основатели Североамериканских Соединенных Штатов стали рядиться в тоги римских сенаторов, строить Капитолий и другую атрибутику возрожденной римской республики, в России XIV – XV веков вызрела идея большого суперэтнического пространства – единой Родины народов, скрепленных одной большой идеей. Эта идея получила окончательное оформление после гибели Византии и обрела емкость мироустроительной формулы: Москва – Третий Рим.

Удивительно симметрична духовная история Америки и России – двух наследников древнеримской идеи. Эта история сочетает мессианское самомнение с великой тревогой. О самомнении старца Филофея мы довольно слышаны от критиков российского державного величия. Мессианское самомнение Америки, хуже вписывающееся в ее либеральный образ, заботливо охраняемый соответствующими пропагандистами, – значительно меньше у нас известно. Между тем оно является основой национальной психологии американцев и их поведения в мире.

Компетентное свидетельство этого дает нам популярный американский историк А. Шлезингер (младший). Уже первые пуритане-переселенцы убеждали себя и других, что «вне сомнения, Иисус Христос особенно расположен к этому месту и к этому народу...» Такое геополитическое уточнение того, где наступит последнее счастливое тысячелетие перед концом света, такое отождествление Нового Иерусалима с конкретным местом и народом было редким даже во времена религиозного фанатизма с его предчувствием «судного дня». «То, что в Англии, Голландии, Германии и Женеве, – писал Сэквэн Бэркович, – было априори анти-тезисом (святость и государственность), в Америке стало сдвоенным столпом уникальной федеральной эсхатологии»².

¹ Солоневич И. Народная монархия. М., 1991. С. 265.

² Шлезингер А.М. Циклы американской истории. М., 1992. С. 29.

«Мы, американцы – писал юный Герман Мелвилл, – особые, избранные люди, мы – Израиль нашего времени; мы несем ковчег свободы миру... Бог предопределил, а человечество ожидает, что мы свершим нечто великое... Остальные нации должны вскоре оказаться позади нас...»¹. Как видим, весьма далеко старцу Филофею до американского мессианского самомнения!

Но наряду с этим самомнением основатели двух «новых Римов» испытывали еще одно неугасимое метафизическое чувство – исторической тревоги. Эта тревога помимо любых эмпирических поводов была имманентна сознанию наследников «первого Рима»: ведь они знали, что этот Рим, несмотря на блеск величия, все же погиб. Поэтому главный метафизический и практически-политический вопрос, который вставал и перед основателями Московского государства, и перед основателями США, касался того, отчего погиб Рим.

В России эта тревога усугублялась исторической и географической близостью произошедшей трагедии: ведь Византия, наследницей которой выступала православная Россия, погибла прямо у нее на глазах. Тогда и возникло чувство, с тех пор не покидающее Россию, – чувство одиночества в мире.

Но и основателям Америки было не менее свойственно чувство тревоги, связанное с историческими судьбами «первого Рима». «Углубленное усвоение классики укрепило кальвинистское убеждение в том, что жизнь – это ужасный риск, и что Америке отпущен испытательный срок, поскольку античная история не давала примеров неизбежности прогресса. Она учила, что республики гибнут, слава преходяща, а дела человеческие ненадежны»².

Итак, над каждым из двух великих наследников Рима – западным и восточным – навис неотступный вопрос: отчего погиб Рим?

И вот здесь-то, при попытке ответа на него, и раскрывается несходство двух Римов, предопределившее исторические драмы биполярного мира в XX веке и, скорее всего, не менее серьезные драмы XXI века, о которых мы уже можем догадываться. Отцы-основатели Америки как ортодоксальные наследники Римской республики пришли к выводу, что Рим погиб из-за вырождения республиканского принципа в цезаризм. Поэтому они ставили вопрос: как стабилизировать республику, предупредив узурпации цезаризма?

---

¹ Цит. по: Там же. С. 31.

² Там же. С. 19.

Ответ на него они нашли у Локка и Монтескье. Он гласил: для предотвращения узурпации власти диктатором необходимо установить принцип разделения власти и систему «сдержек и противовесов». Сильная президентская власть должна быть уравновешена сильной законодательной властью – Конгрессом, а подчинение их обоих конституционному закону будет гарантировано независимой от них судебной властью. Так впервые дал о себе знать одновременно и великий и сомнительный, многообещающий, но и разочаровывающий парадокс западной демократии: ее политический механизм призван обеспечить благие результаты независимо от моральных и интеллектуальных качеств людей, в нем задействованных.

Западная демократия – и в этом ее отличие от античной – меньше верит в людей, чем в политические механизмы; будучи весьма пессимистичной в отношении качеств правителей, она достаточно оптимистична в отношении республиканской политической алхимии, творящей золото институтов и решений из куда менее благородного человеческого материала. Думается, основной вопрос политической философии Запада – обязан ли Запад своей устойчивостью надежности республиканских механизмов сдержек и противовесов самим по себе, или сами эти механизмы держатся до тех пор, пока их питает более скрытый социокультурный источник, связанный с наследием протестантской или, шире, авторитарно-патриархальной традиционной этики, – этот вопрос до сих пор самим Западом не решен.

Но именно этот вопрос поставлен был во главу угла другим наследником великого римского принципа – Россией. США (и Запад, который они сегодня олицетворяют) оказались наследниками республиканского, языческого Рима, поскольку другой, христианский мир, появился в ином регионе – в основанной Константином Великим Византии. Поэтому и решение основного вопроса политической философии, завещанного Римом, было дано Америкой в языческом ключе, в контексте метафоры механизма.

Россия же получила римский принцип из рук христианской, православной Византии. Поэтому и вышеназванный вопрос она решала совсем в другом, нравственно-религиозном ключе. Устойчивость учреждений и их историческую перспективу она связывала, в первую очередь, с духовными факторами: моральными качествами людей и характером их целей. Русские отцы-основатели полагали, что и наилучшие учреждения при плохих людях дадут неудовлетворительные результаты, и, напротив, даже несовершенные институциональные конструкции могут быть компенсированы нравственной волей и усердием.

Многие события XX века, кажется, подтверждают правоту «восточного» решения этого основного философского вопроса. Вполне respectable и конструктивно безупречная Веймарская республика открыла легитимный путь к власти фашизму – наиболее чудовищной политической машине из всех, когда-либо виденных человечеством. Может быть, не случайно именно в эту эпоху – на рубеже 20 – 30-х годов XX века – родились новые научные теории, связанные с утверждением формального принципа. В науках об управлении это была теория человеческих отношений (неформальных структур) Э. Мэйо, в математике – теория К. Геделя о принципиальной неполноте формализованных систем, в философии – теория «жизненного мира».

Общая интеллектуальная интенция, лежащая в основе этих теорий, связана с осознанием онтологической ограниченности рационалистических процедур, воодушевляемых амбицией исчерпать реальность формулами. Рационалистический формализм в управлении как раз и уповает на то, чтобы подменить творческие импровизации несовершенных людей исчерпывающей системой рациональных предписаний. Как известно, именно на этом была основана рационалистическая утопия Ф. Тейлора и его дихотомическая организация труда, при которой одни (инженеры) – думают, другие (рабочие) – исполняют.

Но, как оказалось, даже в наиболее рутинные трудовые операции и стандартные производственные операции то и дело вклинивается «его величество» Случай – проявление непредугаданной сложности жизни, мстящей тем, кто задумывает ее окончательно укротить. Западный рационализм тотально ведет к теории постчеловеческого мира, избавленного от несовершенств, свойственных людям как представителям планетарной жизненной стихии. Но оказывается, само духовное творчество глубоко причастно этой стихии и отражает принципиальную зависимость мертвой материи от духа.

Применительно к политической истории это открывает проблему: как механизм или «плоть» государственности насытить благим духом?

Если наследники западного республиканского мира решали проблемы своей политической истории в духе презумпции независимости первичности «материи учреждений» от духа, от благонамеренности властителей, то наследники восточной христианской империи Константина Великого исходили из прямо противоположной презумпции. Они полагали, что дух настолько всемогущ и всепроникающ, что никакая совершенная материя не может перед ним устоять, что она – всего лишь оболочка, обозначение, а не обозначающее.

Если дух зловреден, то никакая материя (плоть) не спасет; если дух праведный и возвышающий, то он, подобно демиургу, самую греховную плоть возвысит. Поэтому программа восточного христианства, в отличие от западного, изначально чужда была того дуализма «двух градусов», которые предопределил пессимизм Августина и других представителей западной патристики. Эта программа состояла в христианизации государства как единственной гарантии от «злобесия» всякой государственности. Вместо принципа разделения сакрального и светского, вместо дуализма ценностей, разводящих дух и материю, принцип восточного христианства ориентировался на синергию, на предусмотренную гармонию этих начал.

«Ригористическая, сектантская мысль о том, что будто бы Церковь со времени Константина утратила свою первобытную свободу, “пала” и унизилась перед государством, глубоко чужда восточному христианству. Напротив, оно гордо сознанием этой своей великой миссионерской победы... Когда империя в лице Константина Великого склонила свои колена перед крестом, восточные христиане встретили этот момент с особым энтузиазмом. Яркое тому свидетельство в писаниях восточного историка Евсевия. Что империя – гонитель христианства, это казалось восточным каким-то диким недоразумением. Что она “во Христа крестилась и во Христа облеклась” – это принято было как самый естественный, давно жданный факт. Империя, рах гомана, собрание народов в единую oikoштене на то и созданы, чтобы послужить “Царству Божию”, чтобы с oikoштене совпала кафолическая Церковь»¹.

Итак, перед нами сталкиваются два альтернативных принципа, две мироустроительные установки. Одна связана с технологическими гарантиями надежных и морально нейтральных механизмов, другая – с гарантиями, даваемыми духом в той мере и степени, в какой он пронизывает политическую материю государственности и всей общественной жизни. «Лаицизм» – вот истинная ересь для Православия... Восточное христианство примитивно монистично, с точки зрения аксиологии ценностей. Для него нет двух категорий добра. Все благое, праведное, святое измеряется единым критерием: Христом... Все ценности – христоцентричны. Иных, “лаических”, быть не может. Все “лаически” доброе, или кажущееся нейтральным, если оно не крещено, не запечатлено святейшим именем Господа Иисуса, подпадает власти *мира сего* (1 Ин. 2, 16) и князя мира сего»².

¹ Карташев А. В. Церковь. История. Россия. М., 1996. С. 49; 48.

² Там же. С. 51.

Как известно, либеральная историография и философия Модерна делают устойчивый акцент на развитие и расширение «нейтральной» сферы, ускользающей от духовно-религиозной цензуры и от максималистских оценок. Эти теории именно в нейтральности социальных практик и учреждений видят залог человеческой свободы и гарантию человеческой терпимости. Сам всемирно-исторический процесс эмансипации интерпретируется как неуклонное расширение сферы нейтральных значений, в отношении которых человек избавлен не только от внешней духовно-идеологической и прочей цензуры, но и от цензуры собственной совести, рождающей всякого рода «комплексы вины».

Радикальная эмансипация, связанная с радикальной ценностной нейтрализацией, рождает невиданную языческую «жизнерадостность» не знающих никаких комплексов людей. Само пространство «неотчуждаемых прав человека» понимается как нейтральное, неподцензурное пространство «гражданина мира», который свободен дистанцироваться от любых норм и учреждений, если они в чем-то его стесняют. «Два града» Августина по лаистской логике возрастающей нейтральности постепенно превратились в один, сугубо земной град, которому уже нет никакого дела до небесного.

Эта лаистская, или светская логика предполагала, что вместе с возрастанием нейтрального пространства будет возрастать и человеческая свобода, а вместе с нею и комфортное устройство на земле. Однако реальная история показала, что нейтральные пространства, оставленные Духом и отданные на откуп ценностно-нейтральным практикам, подвержены энтропии. Там, где царит озабоченность правами человека, но ощущается дефицит его обязанностей в отношении окружающего мира, ближнего и дальнего, там неумолимо растет хаос и правит бал тот, кто злорадно тешится беспорядком – «князь мира сего».

Дисбаланс между правами и обязанностями человека в этом мире грозит достичь разрушительных, тупиковых значений! Когда все предъявляют свои права и никто не берет на себя обязанности, мир на глазах превращается в ад, в джунгли социал-дарвинизма, отличающиеся от обычных джунглей тем, что последние, лишая индивидных гарантий, оставляют гарантии видовые, обеспеченные биоценозами, тогда как джунгли человеческие не гарантируют выживаемости человечеству как виду.

Не случайно совсем недавно на Западе родилась инициатива, связанная с выдвиганием проекта Всеобщей декларации обязанностей человека, задуманной как необходимое дополнение ко Всеобщей декларации прав человека, принятой ООН в 1948 г. Эту инициативу взял на себя

Совет международного сотрудничества, в который входят бывшие президенты и премьер-министры всех пяти континентов (среди них Бранничи, Валери Жискар д'Эстен, Дж. Калаган, Дж. Картер). Почетный председатель Совета Г. Шмидт, поясняя данный замысел, отметил, что «без осознания своей ответственности каждым человеком свобода может вырождаться в господство сильных и обладающих властью... С одной стороны, ключевое понятие «права человека» используется некоторыми западными политиками, особенно в США, в качестве боевого клича, агрессивного инструмента внешнеполитического давления. Причем делается это выборочно: по отношению к Китаю, Ирану или Ливии, но никогда применительно к Саудовской Аравии, Израилю или Нигерии... С другой стороны, концепция «прав человека» воспринимается многими мусульманами, приверженцами индуизма и конфуцианства, как типично западная, а иногда даже как инструмент продления западного господства. Кроме того, мы слышим, особенно в Азии, обоснованный и заслуживающий серьезного к себе отношения упрек в том, что эта концепция недооценивает или вовсе не признает необходимости положительных нравственных качеств человека, его обязанностей и ответственности по отношению к семье, общине, обществу или государству»¹.

Последнее замечание носит философско-антропологический смысл: оно в самом деле фиксирует антропологическую неосмотрительность западного системно-функционального подхода, чрезмерно уповающего на объективные механизмы и недооценивающего их зависимость от человека как свободного творческого интерпретатора ролей и правил, которые он может и облагородить, и, напротив, обесмыслить и осквернить.

Но процедура наделения человека обязанностями имеет и прямую онтологическую подоплеку: она предполагает новый статус окружающего мира, униженного и омертвленного Модерном. Чтобы обязанности были не одним только внешним понуканием, но глубоким внутренним побуждением, необходимо новое одушевление мира, если угодно, его сакрализация, предание ему забытого статуса творения Божиего.

В контексте новейшего опыта нам предстоит заново обратиться к тому ответу, который дали наши отцы – основатели Москвы как «третьего Рима» на вопрос: почему же «два первые Рима падеши»?

Они нашли ответ в логике духа, а не в материи учреждений: погибли потому, что отпали от Духа, предали христианскую идею, изменили Православию. Сегодня либеральная критика восточного теократического принципа сознательно или бессознательно извращает идею теократии,

---

¹ Helmut Schmidt. Zeit. Hamburg. 3.10.1997.

приписывая ей мотив идолопоклонства и раболепия перед государством. На деле все обстоит как раз наоборот: принцип теократии означает не алиби и не карт-бланш, выдаваемый государству, а повышенный нравственно-религиозный спрос с него, приложение к нему универсальных христианских заповедей.

Но прежде чем говорить о политическом назначении теократии на христианском Востоке, необходимо остановиться на ее онтологических и космологических основаниях. Анализ показывает, что восточно-христианский теократический миф последовательно альтернативен западному мифу Модерна. В первую очередь, это касается такого элемента восточнохристианской картины мира, как теллургический миф Земли. В рамках западного дуализма земля лишена каких-бы то ни было сакральных значений. В религиозном смысле это юдоль греха – знак отпадения от Божественной благодати, в праксиологическом смысле – мертвый материал, глина в руках гончара и скульптора, каковой является человек.

В иудаистской ветхозаветной традиции также отсутствует теллургический миф в собственном смысле: эта традиция отталкивается от него и противопоставит ему как олицетворению безблагодатного язычества. Земля обетованная Израиля нетеллургична, а социо- и теоцентрична: в ней не содержится никакой натурфилософской эстетики, никакого любования природными гармониями в собственном смысле.

Совсем другое дело – мать сыра земля в восточно-христианской картине мира! Здесь она не является антитезой Неба – воплощением греха или неодоленного хаоса. Ее более высокий статус на Востоке объясняется перенесением языческой, в том числе античной сакральности – проекции образов Геи и Деметры – в православную христоцентричную космологию. В этом синкретичном образе матери земли проявился и оказался сохраненным для будущего творческий вклад славянства в великую традицию христианского Востока.

Этот образ формально не включен в письменную традицию Православия, но, тем не менее, она подспудно содержит и сохраняет его в качестве аффицирующего момента. Может быть, он олицетворяет великий консенсус Православия и народности, достигших в ходе веков высокой взаимной гармонии. Социальным воплощением этой гармонии явилась крестьянская община – «мир». Крестьянский «мир» ничего общего не имеет с вульгарными марксистскими схемами, с экономикоцентристским пониманием общины как примитивной производственной ячейки, полтысячи лет кряду стоящей на пути прогресса.

Ничего общего она не имеет и с модным теперь понятием изолированного локуса, противостоящего всем требованиям большого мира.

Именно в качестве социально безответственного локуса, безразличного к запросам большого общества, видится община А. С. Ахиезеру: «...все историки едины, считая, что в социальной организации славян господствовало локальное сообщество, локальный мир. В воспроизводственном процессе это означало преобладание локализма, то есть стремления воспроизводить как высшую ценность локальные сообщества... Способность древнейших славян воспроизводить локальные сообщества является исходной клеточкой, логическим и конкретно-историческим началом дальнейшей государственной истории страны... Воспроизводство локального мира невозможно без убеждения, что внешний мир враждебен, что Правда нашего мира противостоит Кривде иного мира»¹.

На самом деле, община-мир имеет, по меньшей мере, два выхода в большой мир. С одной стороны, космологический, связанный с теллурическими мистериями – живым переживанием связи земли-кормилицы с большими космическими гармониями. Этот космоцентризм общины представляет сегодня содержательную альтернативу экологическому нигилизму Модерна, для которого Земля – всего лишь мертвый материал и кладовая сырь.

С другой стороны, община христоцентрична, она связана с великой письменной традицией христианства как мировой религии. Не случайно каждая крестьянская община совпадала с приходом – общиной верующих, причастных великому письменному тексту Православия. Собственно, сам синкретизм русского понятия «крестьянство» означает переплетение и совпадение трудового и христианского долга, мистерий Земли и Неба, космоцентризма и христоцентризма.

И именно потому, что община – это еще и приход, она связана с большим миром великой обязывающей связью. Секулярный тип сознания, в особенности если он не прошел новейшую культурологическую выучку, – а именно это до сих пор остается изъяном и марксизма и либерализма, – не мыслит иной связи между локусами-общинами, нежели искусственно-насильственная связь деспотического государства. Без этого насилия община видится и либералам и марксистам как злостный дезертир из большого мира, равнодушный к его нормам, нуждам и запросам.

На самом деле Московская Русь вплоть до церковного раскола являла собой удивительное совпадение духовных интенций общины и интенций государственности. Государство выступало не столько в своем институционально-административном образе внешней понукающей силы, сколько в образе большой православной общины во главе со святым

---

¹ Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта. Ч. 1. М., 1991. С. 55 – 56.

православным царем. Это и есть модель византийской, восточно-христианской теократии, воплощенная в Московской Руси.

Но если бы речь шла только о симбиозе государства и общины, политическая и культурная история России (и православного Востока вообще) не явила бы миру образ той великой напряженной драмы, какую представляет наша история. Драматургия связана с конфликтностью, внутренней и внешней, и олицетворением этого конфликтного, отклоняющегося начала выступает в российской истории промежуточный слой, разделяющий сакральные полюса – народ и православного царя, стража правды-справедливости.

Речь идет о «сильных людях», о боярстве, живущем не по принципу христианской справедливости, а по принципам морали успеха – преследуя личную или корпоративную выгоду любой ценой, безотносительно к тому, чем это обернется и для народа, и для государства. Средний слой (мы берем данную категорию не в социологическом значении «среднего класса», а как знак обособления от священных полюсов – от святой земли и святого царя) образует ту самую область ценностно нейтральных значений, на какую столько надежд возлагает современная либеральная теория.

Особый, «критический реализм» Православия связан с интуицией, весьма созвучной представлениям современной энтропийной теории. Эта интуиция ведет к осознанию того, что отпущенная на волю нейтральность не может долго сохранять позитивно-нейтральное состояние и неминуемо идет к «отпадению от закона», к нигилистическому своеволию. Великая социальная драма разворачивается как отношение трех архетипических персонажей: народа («мира»), царя, наделенного теократическими полномочиями защитника правды-справедливости, и своевольного боярства.

Весьма характерно для восточно-христианской традиции, что народ здесь не полагается ни на законы «невидимой руки», творящей из хаоса индивидуалистических устремлений благие коллективные результаты, ни на понятие «естественной морали», в свое время зачаровавшее Запад. Социальная драма здесь обнаруживает свою причастность высокой космологической драме – столкновению мировых сил добра и зла, заряженных колоссальными энергиями.

Великий царь, воплощающий христоцентричный космологический порядок, должен обладать величайшей государственной волей, необходимой для того, чтобы наименее вероятное в нашем земном греховном мире состояние правды-справедливости сделать реально возможным. Земным воплощением этой сакральной воли является воля к власти –

абсолютной власти. Хрупкое по земным меркам добро нуждается во власти для своей защиты – при том условии, что сама власть облечена и вдохновлена православным заданием.

Напрасно было бы приписывать этой власти чисто патерналистские интенции: власть воплощает не готовые дармовые блага, ожидаемые чернью («хлеба и зрелищ»), а священный долг, бремя которого может быть очень и очень тяжелым. Великий царь, благодаря своим неограниченным властным полномочиям, перед которыми уравниваются все подданные, навязывает всем социальным группам без исключения своего рода равенство служилого долга. Консенсус служилого государства, обязывающий одних исправно нести свои повинности кормильцев общества, других – повинности военных защитников и администраторов, исключает классовое недоверие и зависть.

Опираясь на поддержку народа, привыкшего и к тяготам труда, и к тяготам христианского долга, великий царь призывает к столь же суровой, самоотверженной службе и срединное сословие – тех, кого сегодня причисляют к административно-политической, экономической и военной элите. Положение элиты двойственно: она, несомненно, пользуется привилегиями, но она же призвана к исполнению служилого долга. Этот шаткий баланс между привилегиями и долгом постоянно грозит быть нарушенным в пользу одних только привилегий, «неомраченных» долгом. Задача справедливого и грозного царя в этом случае – призвать к долгу.

Дамоклов меч властного вседержителя постоянно нависает над головами служилых элит и тяготит их. Их естественное и неискоренимое стремление – получить «золотую вольность», сохранив и упрочив привилегии. Привилегии без долга – вот утопия, свойственная сознанию «сильных людей» в государстве, забывающих об исторической и функциональной подоплеке полученных ими социальных привилегий. Народ же заинтересован в том, чтобы «сильные люди» были призваны к долгу, и ревниво наблюдает за этим. На этом и основан таинственный союз государя и народа в восточной теократии: опираясь на народ, государь подавляет своеволие «сильных людей» и их узурпаторско-гедонистические поползновения; опираясь на государя, народ надеется обуздать аппетиты «сильных людей» и их чрезмерные притязания.

Если интерпретировать это в терминах теории политического процесса, то мы увидим, что его нормальное течение, образующее необходимую драматургию общественной жизни, обусловлено взаимодействием всех трех персонажей: государя, народа и боярства. Сегодня, в постсоветскую эпоху, когда фактически разрушено российское государство, остро ощущается дефицит полномочий у одной из ключевых фигур –

государя-вседержителя. Все то, что получило демагогическое название «демократия», на самом деле означает освобождение бывшей номенклатуры от бремени государственного долга и сохранение одних только чистых привилегий.

Мы видим, к чему это приводит: номенклатура, переставшая стесняться, приватизирует государство со всем его веками накопленным добром и беззастенчиво торгует государственными интересами. Здесь-то и обнаруживается, что недовольство народа таким положением, прямо ведущим к тотальному разору и национальному краху, не воплощается в определенную коллективную волю, в эффективную политическую силу, потому что отсутствует необходимый персонаж драмы – священный царь. Только соединение двух полюсов – народа и государя-вседержителя – образует «вольтову дугу», способную выжечь шлаки смутного времени.

Было бы серьезнейшим упрощением говорить в этом случае о диктаторе бонапартистского типа. Светски ориентированному диктатору гораздо ближе и понятнее претензии окружающего его «боярства», чем чаяния более далекого народа. Да и меч диктатора – это всего лишь символ голой силы, лишенной настоящего ореола и религиозно-нравственного вдохновения. Только теократия дает это вдохновение, только сочетание политического абсолютизма с доктриной спасения.

Большевистская власть, несомненно, выполняла роль теократического суррогата – секуляризированной версии спасения и обретения обетованной земли под водительством мессианского вождя. В то же время большевизм был архаической доктриной даже в сравнении с древнейшими теократиями, ибо претендовал на непосредственное отождествление функций царства, священства и пророчества. Коммунистический генеральный секретарь выполнял миссию и первого теоретика партии (пророка), и хранителя норм и ритуалов коммунистического образа жизни (священства), и носителя верховной государственной власти (царства).

Такая архаика троичного тождества даже в Ветхом Завете описывается как достояние далекого прошлого! Книга первая Царств отражает эту ностальгию иудейского сознания по оставленной в прошлом абсолютной теократической монолитности. Бог в книге Царств, обращаясь к верховному жрецу (судье) Самуилу, отчаявшемуся подчинить народ силой одной только жреческой власти, говорит: *Не тебя они отвергли, но отвергли Меня, чтоб Я не царствовал над ними; итак послушай голоса их; только представь им и объяви им права царя, который будет царствовать над ними* (1 Царств, 8 – 9).

Марксистско-большевистская мечта об отмирании государства и об управлении обществом на основе одного только принципа веры (добровольной коммунистической сознательности), несомненно, соотносится с этой иудейской ностальгией по времени, когда функции жречества, царства и пророчества не были разделены.

Но эта ностальгия характеризует и православное сознание – не это ли и стало той ловушкой, в какую оно попало во время объявленной большевиками «священной» войны с эксплуататорами. Теократический тип сознания включает свои специфические соблазны и мифы, один из которых – устранение «срединного», боярского элемента, и прямое слияние двух сакральных полюсов – общинного мира и священного царя. «Когда земским людям кажется, что они одержали победу над сильными, эта победа рисуется в виде единения милостивого царя с землею, в виде договора царя с землею о том, чтобы вывести из царства сильных людей»¹.

Таким образом, в теократическом принципе сталкиваются и начало христианского православного реализма, и начало утопизма. Реализм связан с осознанием энтропийных тенденций распада политической триады, идущих от боярского своеволия; утопизм – с упованием на то, что без срединного элемента – служилого боярства (элиты) вообще можно обойтись. «Кухаркина» утопия марксизма находится в архетипической близости с этой народно-теократической утопией, чем и объясняется ее живучесть и популярность.

Эта утопия свидетельствует о том, что и само народное сознание внутренне не свободно от гедонистических уклонов и соблазнов неслужилой, «безыскусной» жизни, какие оно приписывает одному только боярству. Теократическая дисциплина не менее необходима народному сознанию, чем государственная – боярству. Пресловутый локализм общины, о котором так много говорят либеральные критики народа (противопоставляющие ему мобильный «средний класс»), на самом деле является не традиционалистским, а посттрадиционалистским феноменом.

Верующий православный народ, приобщенный через Церковь к великой письменной традиции, свободен от уклонов локализма. А вот секуляризованная община, выпавшая из великой цивилизационной (суперэтнической) традиции Православия, в самом деле впадает в локализм. Локализм неразрывно связан с секуляризацией – с вырождением народа как исполнителя христианского долга в массу, знающую только принцип земного интереса и пользы. Локализм есть промежуточная ступень между первичной христианской ортодоксальностью православного народа,

---

¹ Цит. по: Лурье С. *Метаморфозы традиционного сознания*. М., 1994. С. 179.

верного великой письменной традиции, и вторичной цивилизационной фазой, связанной с суперэтническими синтезами светского просвещения. Но надо при этом отметить, что эта вторичная фаза практически никогда не достигает той нравственной устойчивости, того вдохновения долгом и нормой, какие знает народ в первичной, религиозной цивилизационной фазе.

С вопросом о соотношении великой письменной (цивилизационной) и малой устной (народной) традиций связан и другой, прямо относящийся к «проклятым» вопросам современности, – об отношении города и деревни, центра и провинции. Как явствует из предыдущего, антагонизм города и деревни – вторичное явление, сопутствующее процессу секуляризации. Когда город олицетворяет союз Церкви и государства, великого священного текста и монаршей власти, никакого конфликта между ним и общиной не чувствуется – в той мере, в какой община представляет не одну только производственно-бытовую ячейку, но и церковный приход.

Конфликт возникает тогда, когда оба территориальных пояса, или хотя бы один из них, секуляризируются. Секуляризованная община теряет чувство причастности большому обществу, и город с его фискальными и служилыми претензиями начинает выступать в ее глазах как нарушитель лада и спокойствия. Но и секуляризованный город из олицетворения высших начал служения и порядка превращается в олицетворение бюрократической или промышленной машины – в молоха, пожирающего жизнь.

Вопреки всем марксистским и либеральным утопиям, эпоха Модерна оказалась бессильной разрешить противоречие между городом и деревней. Город лишь продемонстрировал способность окончательно разрушить или растрепать деревню, включить ее в систему единого массового (потребительского) общества, лишённого теллургических и сакральных привязок. Но вряд ли это можно назвать истинным разрешением противоречия. Проблема, не решенная индустриальной эпохой, теперь переадресована грядущей, постиндустриальной.

Разумеется, если постиндустриальное общество понимать как дальнейшее воплощение тенденции индустриальной эпохи – техницизации и бюрократической рационализации, то тогда от него следует ожидать одного: полного и окончательного поглощения еще местами сохраняющихся анклавов природы и культуры. Урбанизация и индустриализация как «воплощение» программы Модерна означает непрерывный рост «среднего» элемента мира, прямо вырастающего из пресловутой нейтральной зоны и воплощающего разрыв и с небом, и с землей:

с теллургическими мистериями сельского мира и мистериями христианской Церкви.

Космологическая формула процесса индустриализации может быть записана так:

М (материя) – Жизнь – М' (приращенная материя).

Индустриализация есть процесс самовозрастания мертвой материи за счет живой: она расхищает энергию жизни на планете во имя расширения постчеловеческого и посторганического мира техники. Этой формуле соответствует и другая, отражающая интенции секуляризации и рационализации:

Э (эффективность) – Ц (ценностный потенциал) – Э' (приращенная эффективность).

Она означает, что Просвещение открывает новые пути к эффективности («рациональности») за счет сокращения ценностного потенциала нравственности и справедливости. Последние оцениваются как цензура, сковывающая энергию носителей принципа эффективности и не дающая им искать наиболее скорые пути к успеху.

Можно ли вернуть современному человеку воодушевление жизни и воодушевление правды, витальную и нравственно-религиозную пассионарность, причем взятые не во взаимно-конфликтном, а синергетическо-гармоничном, взаимополагающем виде? В этом, несомненно, состоит главный вопрос нашей рубежной эпохи.

Для современной эпохи характерна трагическая раздвоенность. Силы разрушения природы, культуры и морали, получившие алиби со стороны идеологии Модерна, выступают как активный, напористый субъект – субъект разрушения. Напротив, все то, что подвергается этому разрушительному натиску, до сих пор выступает в страдательной ипостаси пассивного объекта. И это при том, что разрушаемые объекты успели обрести статус ценностей! В этом проявляется декадентский характер эпохи позднего Модерна.

Классического Модерна хватало не только на то, чтобы мобилизовать своих носителей в качестве организованных и напористых сил. Его творческой изобретательности хватало и на то, чтобы деятельность разрушения представить в ценностном ореоле как чаемое преобразование мира, а объекты воздействия выставить в качестве чего-то темного, отсталого, ненавистного. Сегодня Модерн утратил эту способность выступать религией безрелигиозного мира – освящать и отлучать, возвеличивать и ниспровергать. Ценностная убедительность оставила его.

Так возникла современная раздвоенность культуры. Культура уже научилась различать уникальное от тиражируемого, воспроизводимое

от невоспроизводимого и незаменимого, хрупкий мир ценностей от мира пользы и эффективности. Но она, тем не менее, не научилась ценностно освященные вещи вводить в круг надежно охраняемого. В этом и проявляется современный алармизм: тревога, лишённая деятельной, созидательно-мобилизующей способности.

Проблема состоит в том, как обрести эту способность, соединить тревогу с деятельной ответственностью, ценностный статус со статусом активного субъекта, способного данные ценности утверждать и отстаивать. Современная этнология уже сделала некоторые шаги в исследовании путей обретения этого синтеза ценностной аутентичности с эффективностью. Этнология и культурология – это первые диссиденты западного Модерна. Они отвергли и его примитивный европоцентризм, и обыкновение третируют все не-западные культуры как варварство, и гегемонистскую установку на выстраивание лестницы мировых культур, в которой отличающиеся от западного эталона культуры в лучшем случае рассматриваются как предшествующий строительный материал, в худшем – как гнездилище злых сил.

Культурная антропология впервые представила объект своего исследования – так называемые архаичные культуры – в качестве ценности, достойной сбережения. Первым вариантом решения была идея резервации, впоследствии справедливо осужденная и как неэффективная, и, главное, как несовместимая с достоинством тех народов, культурный фон которых собирались таким образом «зарезервировать».

Новым решением стала методология преобразования культурных ценностных объектов в субъекты действия. Первым шагом на этом пути является отказ от мировоззренческо-методологических презумпций господствующих на Западе бихевиоризма и номинализма. В самом деле, культура в принципе не может существовать в бихевиористско-номиналистической картине мира, где общее выступает всего лишь как механическая сумма отдельных единиц.

Ценности и идеалы изначально коллективны и приподняты над сферой индивидуального интереса и «разумного эгоизма». Поэтому вместо картины «открытого общества», в котором индивиды-атомы беспрепятственно перемещаются от одной группы к другой, меняют свою идентичность, словно одежду, культурологическая теория настаивает на жизненной необходимости устойчивой идентичности, на благотворности оппозиции «мы – они», без которой жизнь погружается в энтропию.

Открытые культурной антропологией законы и принципы относятся как раз к тем, которые подвергаются запрету господствующей идеологией современного Запада – либерализмом. В этом заключается драматиче-

ский парадокс современной западной культуры: она предлагает человечеству такой набор норм и стратегий, который губителен для человечества как вида. В частности, культурная антропология утверждает законное право каждой национальной культуры на следующие процедуры:

– групповая категоризация (классификация социальной действительности по законам философского «реализма» – признание примата общего над отдельным);

– групповая оппозиция (теплое «мы» и холодное «они»);

– групповой фаворитизм (в отношении своей группы);

– групповой дефаворитизм (в отношении чужой группы)¹.

Все эти процедуры, которые оказались под запретом со стороны идеологии «открытого общества», раскрываются нам как антропологически необходимые, т. е. такие, без которых жизнь не в состоянии отстоять свои права, устоять перед натиском танатоса. Не случайно, что идеологи «открытого общества» более или менее скрыто пользуются приемами «двойного стандарта»: по отношению к собственному обществу они отстаивают право на идентичность, но в отношении других народов объявляют его предосудительным и устаревшим.

Наряду с законами сохранения идентичности культурная антропология открыла и другие законы, поддерживающие хрупкую жизнь перед натиском энтропии. В первую очередь речь идет о выстраивании такой картины мира, в какой данной группе (этносу, стране, цивилизации) отводится незаменимая роль. Та или иная общность не может выжить, если кто-то способен убедить ее, что она отжила свое, стала помехой миру, не вписывается в его структуры. Как известно, сегодня именно это активно внушают России и российскому народу некоторые представители радикального Модерна.

Но, как оказывается, народ способен перенести любые испытания и лишения, любой натиск враждебной ему материи при условии, если ему присуща устойчивая идентичность и вера в свое призвание в мире. И напротив, даже в условиях относительного материального благополучия народ деградирует и погибает, если поражен его центральный культурный нерв – сознание своей идентичности и призвания (исторической незаменимости).

Как пишет С. Лурье, «повышенное чувство опасности, высокая мера конфликтности по отношению к миру – все это не деструктивно для этнической культуры... процветание этноса зависит не от меры конфликт-

---

¹ Агеев В. С. Межгрупповое взаимодействие. Социально-психологические проблемы. М., 1990.

ности, а от того, сколь хорошо функционируют психологические защитные механизмы этноса, сколь они развиты, адекватны, гибки»¹.

В числе главных механизмов – выстраивание такой картины окружающего мира, в которой данный этнос выступает в качестве незаменимого в ценностном и практическом отношениях субъекта. Этническая культура – это способ сохранения идентичности и одновременно способ выстраивания системы, в какой эта идентичность получает ценностную легитимацию и возможность действия. Культура как защитный механизм этноса выстраивает специфический баланс, предохраняющий этнос от деморализации: «если внешняя угроза возрастает, то, соответственно, либо увеличивается представление о собственном могуществе, либо дополнительная психологическая нагрузка падает на «образ защитника» в любой его форме»².

Оценивая в социокультурном плане современное отношение Запада и не-Запада, трудно отрешиться от впечатления, что некоторые идеологи Модерна, вооруженные новейшим культурологическим знанием, намеренно давят на уязвимые нервные точки незападных культур, и в первую очередь той культуры, мобилизующих потенциалов которой они особенно опасаются. Судя по всему, в этом качестве для них сегодня выступает русская культура. Модерн и здесь ведет себя как энтропийная сила: во имя достижения своих, в общем-то, «малых», геополитических целей он готов разрушать великое и незаменимое – культурные средства самозащиты жизни на Земле.

Пора уже понять культуру не социоцентрично, а космоцентрично – как планетарный антиэнтропийный фактор и незаменимое средство самозащиты такой формы жизни, какую представляет человечество как вид. Вопреки всем утопиям Модерна, сохраняется правда великого библейского приговора: *Со скорбью будешь питаться от нее (земли – А. П.) во все дни жизни твоей... в поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю*³.

Сегодня, подводя некоторые итоги планетарной эпопеи Модерна, надо оценить их не только в свете экологии, но и в свете антропологии. Напрашивается мысль, что Модерн способствует насаждению таких морально-психологических качеств у человека, которые делают проблематичным его длительное планетарное существование. В частности, та потребительская личность, которую формирует современная манипу-

¹ Лурье С. Указ. соч. С. 51.

² Там же. С. 60.

³ Быт. 17 – 19.

лятивная система Модерна, вряд ли способна на длительное историческое существование. Этой личности недостает мотиваций, необходимых и для того, чтобы выносить неизбежные тяготы жизни, и для того, чтобы нести бремя ответственности перед другими. Возникает своего рода «девитализация» и «десоциализация» человека.

Здесь самое время вернуться к формулам, иллюстрирующим экоцид и этноцид Модерна. Формула $M - Ж - M'$, иллюстрирующая своего рода союз Модерна с мертвой материей (M), приращиваемой за счет жизни ($Ж$), отличается от обычных выкладок экологического алармизма тем, что преодолевает привычную дихотомию «человек-природа». В этой формуле человек выступает как часть теснимой и разрушаемой природы, отступающей перед мертвой материей довитального Космоса и поствитальной техники.

Живая природа не способна сегодня сама себя защитить – ее восстановительных механизмов давно уже недостаточно для этого. Следовательно, человечеству нужна новая картина мира, в которой человеку возвращается связь с матерью-землей, сопричастность ее гео-биоценозам. Парадоксальным образом подтверждается жизненность той картины мира, которую сформировала восточно-христианская культура, предложившая синтез Неба и Земли, витального и сакрального, теллургического и теократического начал.

В этой картине мира Земля имеет особый статус: это не кладовая сырья и энергоносителей, и не «мастерская», а колыбель жизни, из которой человека грозят сегодня выбросить, заманивая благами технического прогресса. Индустриализация и урбанизация как порождение Модерна – суть формы наступления на жизнь. Следовательно, человечеству предстоит выработать альтернативные формы постиндустриализма и постурбанизма. Необходимо, чтобы наши социальные практики соответствовали другой, противоположной формуле:

$Ж - П - Ж'$, в которой практики ($П$) становятся средством самовозрастания, самоутверждения жизни.

Для того, чтобы таким образом повернуть «колесо истории», т. е. противопоставить энтропийным практикам Модерна жизнеспособную альтернативу, необходимо наделить человека новой функцией – носителя жизни (не в значении одной только детородной способности). Сегодня создается впечатление, что человечество ведет с планетой Земля игру «с нулевой суммой»: прирост населения означает возрастание антропогенной нагрузки на планету – вплоть до разрушительных перегрузок.

Основываясь на этом, западные эксперты предупреждают об опасностях перенаселения, при этом связывая основную угрозу с демографиче-

ским бумом «недоразвитого Юга». Однако здесь необходимо раскрыть софизм западных демографических алармистов: когда они оценивают опасности, вытекающие из роста населения третьего мира, они проецируют на него технологические стандарты самого Запада. Необходимо уточнить, о демографическом буме какого антропологического типа идет речь: того, кто во всеоружии современной техники довершает «завоевание природы», или того, кому соответствующие практики до сих пор остаются чуждыми или, по меньшей мере, недоступными.

Если доказано, что средний американец потребляет в несколько сот раз больше невозполнимых ресурсов планеты, чем средний житель третьего мира, то к кому следует отнести предупреждение экспертов о перенаселенности?

Настала пора четко определить роли и ответственность стран – экологических доноров, и стран-перципиентов, потребляющих больше экоресурсов, чем их национальная территория способна воспроизводить. Экономикоцентристское мышление господ мира сего обращает внимание только на экономических доноров и перципиентов, игнорируя другое, отнюдь не менее важное измерение – экологическое.

Третий мир, в систему которого сегодня стремительно вовлекается и Россия, стал не только объектом экономической эксплуатации и вывоза капитала (в обмен на ввоз суррогатов потребления и суррогатов массовой культуры). Он стал объектом интенсивнейшей экологической эксплуатации, которая пока что не переводится на язык экономических цифр и не учитывается теорией обмена.

Объектом этой двойной эксплуатации стала Россия. По данным экспертов, «потоки антропогенной серы, поступающие на Русскую равнину из Западной Европы, в 10 раз превосходят обратные потоки воздушных загрязнений... Благодаря своим лесам, переувлажненным землям и болотам, крупнейшему массиву практически неосвоенных, «диких» земель (60% территории) Россия выступает компенсатором части глобальных загрязнений»¹.

В рамках западной либеральной традиции выдвинуто множество концепций, убедительно доказывающих, что эффективность использования ресурсов предопределяется тем, находятся ли они в руках собственника или являются «ничейными». На этом основании доказывается затратный характер государственной экономики, проигрывающей частнособственническому предпринимательству по всем показателям: рентабельности, капиталоотдаче, энерго- и материалоемкости.

---

¹ Национальные интересы и проблемы безопасности России. Доклад по итогам исследования Центра глобальных проблем Горбачев-Фонда. М., 1997. С. 68, 69.

В конечном счете все это предопределило крах «мировой системы социализма». Но последовательное применение названного критерия несомненно указывает на аналогичные различия двух моделей мира: модели, при которой все природные ресурсы стран являются их нераздельной собственностью, и модели, при которой те или иные геополитические гегемоны могут пользоваться чужими природными ресурсами, не защищенными ни надежным суверенитетом страны-собственника, ни справедливым международным контролем.

В этом контексте самым губительным является двойной стандарт «закрыто-открытой» мировой системы. В той мере, в какой природные ресурсы третьего мира остаются открытыми для грабежа, равно как и для вывоза токсичных отходов и технологий, мы сталкиваемся с воспроизведением столь осуждаемой либералами модели «безхозного богатства». Современная практика мирового природопользования убеждает в наличии несомненной корреляции между геополитическим статусом той или иной страны и степенью защищенности ее ресурсов от международного экологического хищничества.

Природа не может сама себя защитить от надругательств и разрушений. Чтобы предотвратить их, необходимо, во-первых, таким образом преобразовать систему культуры, чтобы природе вернулся статус высококочтимой ценности, как это и было в культурах теллургического типа, а во-вторых, преобразовать геополитическую структуру мира таким образом, чтобы в нем не оставалось безсубъектных, «безхозных» регионов, не защищенных от международного экологического хищничества.

Следует различать с этих позиций первичную модернизацию, проходившую в свое время в странах Запада, вторичную модернизацию стран бывшего «второго мира» и, наконец, нынешнюю третичную модернизацию, которой подвергся «третий мир». Первая модернизация отличалась тем, что была целиком эндогенным процессом: и ее идеология, и воодушевленные этой идеологией элиты, и социально-мобилизационные технологии – все это было выработано на месте в качестве собственного продукта западной культуры.

И как показал сравнительный исторический опыт, такая модернизация оказалась самой эффективной не только по своим материальным результатам, но и по показателям, относящимся к духовному самочувствию соответствующих народов. Первичная модернизация в целом может быть оценена как проводимая «своими и для себя», а потому и наименее разрушительная и затратная.

Вторичная модернизация в этом отношении уже существенно отличается. Наиболее показательным примером здесь выступает больше-

вистская индустриализация. Она была проведена под эгидой чужого, импортированного учения, настолько инородного национальной культурной традиции, что во имя торжества учения пришлось эту традицию безжалостно выкорчевывать. Возник, может быть, невиданный до той поры феномен «внутренних эмигрантов» у власти. Большевизм, сформированный в подполье и отмеченный всеми морально-психологически изъятиями подполья – культурным отщепенством и политической подозрительностью, жадной реванша и мести, – внезапно стал правящей силой и провозгласил свою неограниченную диктатуру, «опирающуюся не на закон, а прямо и непосредственно на насилие» (В. Ленин).

Не видя родины в лице собственной земли, большевики нашли «родину» в лице чужого учения. С тех пор верность учению и построению по его чертежам режиму неизменно ставилась выше патриотизма в собственном смысле слова. Совсем не случайно символом и основанием большевистской модернизации стал ГУЛАГ – машина по выбраковке человеческого материала и его преобразованию в мертвую материю индустриализма. Безценные свидетельства этого этно- и геноцида дает «Архипелаг ГУЛАГ» А. Солженицына. Эта эпопея до сих пор еще не оценена по достоинству и не осмыслена на языке философской теории. ГУЛАГ – эпопея не только социальная, описывающая трагедию человеческих преступлений и заблуждений. Это эпопея космическая, описывающая реванш мертвой материи над жизнью.

В результате великого эксперимента большевистской модернизации Россия не только лишилась более 70 млн зверски замученных людей. Был подорван ее демографический механизм, прямо затребованный огромным евразийским пространством. В результате «национализации» женщин, превращенных в работниц и бесплатно отданных молоху индустриализации, рождаемость в России упала в несколько раз и вместо прогнозируемых демографами 600 – 650 млн к концу века СССР едва достиг 280 млн, а нынешняя Российская Федерация – только 140 млн человек.

Не менее важно и то, что жесткие технологии тоталитарного режима снизили пассионарность жизни, в результате многолетней отрицательной селекции, атмосферы террора и всеобщей подавленности. Исчез феномен народной смеховой культуры – этот праздник жизни, явленный нам в ярких народных характерах и искрометном фольклоре – неиссякаемом источнике национальной культуры. Тоталитаризм должен быть понят в его надсоциальном измерении – как механизм укрощения жизни на планете, как воплощенный танатос.

И вот сегодня, после исчезновения СССР и возглавляемого им «второго мира», в права вступает новый планетарный проект третичной

модернизации. Он формируется в таких идейных, социокультурных и геополитических условиях, которые в целом надо оценить как еще более неблагоприятные для счастливого исхода модернизации, чем те, что сложились к началу ее второй волны. Третичная модернизация, касающаяся «третьего мира», совпала с процессами, которые олицетворяют вырождение Модерна в идеологию нового расизма.

Если вторичную модернизацию осуществляли люди, связывающие с ней формационный прорыв стран социализма, а после того как он не состоялся – эпопею «единого индустриального общества» вообще, то миссионерами третичной модернизации выступают люди, давно уже отлучившие «третий мир» от «нормального» человечества и рассматривающие его как мировое гетто. Отныне то, что сохраняет фальшивое название «модернизация», на самом деле означает передачу права на использование местных ресурсов тем, кто «лучше умеет ими пользоваться» – развитым странам-гегемонам. Именно этому служит концепция «открытого общества» и единого глобального мира, в котором «неуместны» национальные суверенитеты, заменяемые глобальной ответственностью мировой сверхдержавы.

Третичная модернизация означает планетарное перераспределение ролей, итогом которого станет, по всей видимости, такая поляризация людей, какой история еще не знала. Ибо одно дело – существование человечества в изолированных нишах, когда мировые континенты жили собственной самобытной жизнью, другое дело – когда одни выступают лишь объектом планетарной стратегии других, получивших монопольное право на распоряжение жизнью и ресурсами планеты.

Сегодня страны-гегемоны в планетарном масштабе реализуют концепцию западного либертариизма, первоначально предназначенную для внутреннего пользования. Речь идет о таких социально-экономических и политических процедурах, в результате которых собственность должна уйти из рук тех, кто распоряжается ею менее эффективно, в руки тех, кто способен обеспечить максимальную рентабельность и отдачу. Именно эту цель преследовали программы денационализации и реприватизации промышленности, осуществляемые на гребне неоконсервативной волны на Западе.

Теперь эту концепцию пытаются применить в планетарном масштабе. Иными словами, вместо того чтобы строить национальную промышленность в странах, априорно неэффективных по планетарным экономическим стандартам, предполагается подключить их богатые ресурсами территории к транснациональным воспроизводственным циклам, организуемым наиболее развитыми странами.

Запад интерпретирует итоги холодной войны как начало передачи планетарных ресурсов из рук стран аутсайдеров, не умеющих толково и экономично распорядиться собственным природным и культурным наследием, в руки тех, кто продемонстрировал «решающие преимущества» своей расы, культуры и менталитета. Ясно, что этому процессу нового планетарного перераспределения должна сопутствовать беспрецедентная пропагандистская компания, направленная, с одной стороны, на то, чтобы создать пугающий омерзительный образ мировых изгоев, недостойных того, чтобы сохранять суверенное право на своей территории, а с другой – на то, чтобы предельно деморализовать этих самых изгоев, лишив их чувства собственного достоинства и исторической перспективы.

Технология деморализации должна предвзвешивать использование технологий прямого насилия и подавления – в противном случае миссия гегемонов рискует стать слишком затратной. Западный Модерн некогда начал свою планетарную эпопею под знаком расизма – достаточно вспомнить опустошенные континенты и неслыханные жестокости колонизаторского «администрирования». Судя по всему, теперь он и заканчивает ее под этим же постыдным знаком. Но времена существенно изменились. Трудно представить себе, чтобы в наше время большинство человечества безропотно согласилось на отведенную ему роль мировых изгоев – досадного и бессмысленного придатка к тем богатым ресурсами территориям, которые страны-гегемоны уже сейчас готовы были бы полностью прибрать к рукам, если бы им не мешал этот балласт – население.

Демографическая экспертиза гегемонов неустанно твердит о перенаселенности и о необходимости принятия самых решительных мер против рождаемости стран «третьего мира». Культурофобная экспертиза твердит о безнадежном национальном менталитете, который невозможно исправить, пока «это обреченное поколение» из стран догоняющего развития окончательно не уйдет со сцены (как ему поскорее помочь в этом?).

Словом, человечеству брошен действительно серьезный вызов, затрагивающий его планетарную перспективу. Если в обозримом будущем большинству стран «третьего мира» (сегодня пополняемому люмпенизируемым населением бывшего «второго мира») не удастся выстроить свою новую идентичность в качестве самостоятельного субъекта истории, то глобальная катастрофа неминуема. Еще вчера мы оценивали ее как едва ли не стихийную, связанную с непреднамеренными эффектами технологического загрязнения среды, а также эффектами демографической перенаселенности, гонки вооружений и пр.

Сегодня она все явственнее выступает перед нами в ином качестве, как начатая победителями в холодной войне четвертая мировая война

за передел мира и право беспрепятственно распоряжаться планетой по своему усмотрению. Нас не должен обманывать тот факт, что эта война пока что ведется постклассическими, нетрадиционными средствами, исключаящими прямое физическое насилие. Суть не в формах пущенного в ход оружия, суть в том, каковы цели войны и масштабы задуманного захвата.

Классические войны были связаны с технологиями поражения человеческого тела, новейшие постклассические – с технологиями поражения человеческой души, теряющей нравственную и культурную опоры, словно Антей, оторванный от родной Земли.

Но симптоматичен тот факт, что задуманный глобальный порядок имеет персонального воплотителя в лице единственной сверхдержавы. Эта персонификация вызова, брошенного большинству человечества, по законам идентификации-оппозиции, облегчает и персонификацию стороны, получившей вызов. Большая драматургия наступающего периода мировой истории связана с тем, что глобализация гегемонистских сил, выступающих как организованный мировой субъект, обязывает и оппонентов этого замысла принять форму глобально организованного субъекта.

Пока существовал социалистический «второй мир», консолидация незападного большинства планеты затруднялась и социокультурными барьерами, и гегемонистскими притязаниями «второго мира», и законной настороженностью «третьего мира» в отношении своего непоследовательного союзника. Но провидение, которому угодно было неожиданно для всех толкнуть демократическую Россию, совсем было уже собравшуюся в первый мир, именно в третий мир, тем самым подготовило и новый расклад мировых сил, и новую перспективу человечества.

До сих пор мы говорили о том, как бывший «второй мир» и традиционный, третий, объединяет Земля – жертва преобразовательных и миро-строительных замыслов первого мира – зачинщика планетарных модернизаций. Теперь нам предстоит выявить нечто еще более важное, прямо относящееся к проблемам консолидации не-Запада как единого планетарного субъекта. Речь идет о том, каким образом его разрозненные и намеренно противопоставляемые части может объединить Небо – новая нравственно-религиозная реформация.

ПЛАНЕТАРНАЯ РЕФОРМАЦИЯ И ВИЗАНТИЙСКИЙ РЕНЕССАНС

Ожидающий нас исторический поворот, вероятно, воспроизведет в каких-то чертах поворот рубежа античной и христианской эр. Многие, очень многие свидетельствуют о том, что лаистский, гедонистическо-

рационалистический, «господский» дух позднего Модерна, давно уже не признающий никаких нравственно-религиозных резонансов, уходит. Это – дух «первого мира», задумавшего до конца колонизовать планету, целиком предоставив ее в распоряжение потребительской цивилизации.

Если под понятием светской культуры иметь в виду отсутствие подспудного давления чувств духовного несовершенства, греховности, неподлинности этого мира, которому предстоит преобразование через покаяние и очищение, то современное потребительское общество является наиболее светским из всех возможных. Новейшую авантюру Модерна, выраженную современным либерализмом, следует оценить как очередную попытку создания морали господ. Не случайно главной мишенью либерализма стало социальное государство, подвергнувшееся ожесточенным нападкам не только с экономических позиций – как воплощение всего, что нерентабельно, но и с последовательно антихристианских позиций: «нищие духом не имеют алиби и не заслуживают снисхождения» – рынок знает, что с ними делать.

Словом, речь идет уже не о простом унижении духовной «надстройки», какое произвел К. Маркс, подчинивший ее экономическому «базису». Речь идет прямо-таки об уничтожении надстройки и воцарении одномерного, целиком экономикоцентричного общества. Уничтожая духовную и социально-политическую надстройку, авторы проекта завершающей модернизации намереваются создать мир, в котором способны выживать одни только сильные, избавленные от всякого давления христианского «моралите» (Ф. Ницше) и всего того в жизни и культуре, что восходит к нему как к первоисточнику.

Такая интенция откровенно заявлена в материалах VI Немецкого экономического конгресса (11 – 12 марта 1997 г., Кельн): «В то время, когда традиционные социальные организации – церкви, партии, ассоциации, профсоюзы – подвергаются... эрозии в том, что касается их организации и значения в жизни общества, организации глобального бизнеса пользуются растущей независимостью, они подвижны, обладают свободой поиска новых форм деятельности».

Чикагскую школу либертариизма, всесторонне обосновавшую необходимость освобождения рынка как социал-дарвинистского механизма отбора наиболее приспособленных от каких-бы то ни было ограничений, можно рассматривать как «высшую и последнюю стадию» мирового процесса секуляризации. Консолидация глобального «третьего мира» в качестве активного субъекта истории не может не выступать как альтернатива этому процессу социально-духовного разоружения человечества перед языческими стихиями естественного отбора.

Человечеству сегодня предстоит вспомнить, что оно появилось отнюдь не в результате механизмов естественного отбора – такие механизмы ведут, напротив, к уменьшению человеческого присутствия в мире, к реваншу низших материй. Говоря о роли Запада в этом реванше, можно высказать предположение о том, что с годами что-то сломалось в его социокультурном механизме поддержания баланса двух разных начал: языческого, идущего от римской античности, и христианского, идущего с Палестины, с Востока. Западная культура не выдержала творческого напряжения, связанного с драматургией этих начал, и отпустила на волю буйство нового язычества.

Реанимированный языческий тип, у нас явленный в образе «новых русских», стремительно размножается в современном мире, подтачивая основания цивилизации. Очень важно понять, что мировое варварство, об опасности которого столь часто твердят адепты глобальной модернизации, имеет своим первоисточником не традиционализм, а секуляризированный Модерн, не мировую периферию, а западный центр. Импульс, данный христианством, неуклонно вел к последовательной социальной реабилитации слабых: бедных и незащищенных слоев общества, женщин, детей, стариков.

В то же время это был импульс и к последовательному возвышению человека, к преодолению «экономической» культуры и морали более высокой – постэкономической. Порожденное этими импульсами социальное государство имело две стороны: одну, связанную с функцией милосердия и защиты социально незащищенных; вторую, связанную с развитием постматериальных начал культуры, науки и образования. Сейчас и ту, и другую стороны опрокидывает реабилитированный новейшими либералами чистый рынок, избавленный от всех социокультурных сдержек и противовесов.

Если такой рынок и в самом деле получит беспрепятственную возможность поглощать всю «надстройку», то это положит начало стремительному откату человечества в варварство. Это будет не только нравственный откат к неприкрытому хищничеству, но и интеллектуальный откат – к господству примитива, не видящего смысла в высших измерениях человеческого бытия и потому безжалостно их перечеркивающего. Мы уже сегодня наблюдаем разгул этих тенденций: деморализация и деинтеллектуализация идут рука об руку и отесняют всю нравственную и культурную надстройку цивилизации «за ненадобностью».

С этих позиций надо заново осмыслить, чем может и должен стать «бунт» «третьего мира» против гегемонистских вызовов первого. Третий мир лишь тогда отстаивает свои законные права и достоинство, если он

выступит не в языческой форме новейшего варварства, взбунтовавшегося против цивилизации, а напротив, возьмет на себя роль защитника поруганных цивилизационных начал. Третьему миру предстоит выступить в роли третьего Рима – держателя и защитника духа против натиска взбунтовавшейся материи, отпущенной Западом на свободу и реабилитированной им.

Западной господской «веселой науке» (Ф. Ницше) – как с пользой для себя и не испытывая комплексов управлять миром – третий мир должен противопоставить науку возрожденной духовности: как укротить до зубов вооруженного зверя потребительской похоти, готового выпоtroшить планету.

Не менее важной задачей третьего мира является альтернативный глобализм или экуменизм. Современная западная цивилизация утверждает глубоко профанированный в нравственном и культурном отношениях «экуменизм мирового рынка». Носителем этого профанического экуменизма, начисто забывшего свои державные истоки, является в первую очередь финансовый капитал. Финансовый рынок, как свидетельствует современная экономическая теория, является наиболее глобализированным, ускользающим от национального контроля и любых форм традиционной морально-правовой цензуры.

Доверить поистине глобальные, затрагивающие судьбы планеты решения этим новым «экуменистам», которые не только собственно духовную, но и материальную производительную деятельность считают чем-то глубоко архаичным и недостойным внимания, – значит загнать себя в ловушку. Если бы третий мир, в противовес западному глобализму, просто поднял знамя национализма и изоляционизма, он выступил бы в форме архаическо-ретроградного движения, даже независимо от характера его нравственных мотиваций. Человечеству, вкусившему духа универсализма не только в его абстрактно-ценностном выражении, но и на уровне бытовых социальных практик, уже не суждено вернуться к изоляционизму – никого из сильных волей и духом это бы уже не устроило.

Наконец, необходимо учесть еще одно важное обстоятельство. Безусловно признавая конфликт между просвещением и моралью – конфликт, доведенный до предела либерально-утилитарной догматикой позднего Модерна, мы тем не менее не можем связывать свои надежды с таким способом разрешения этого конфликта, который предлагают современные фундаменталисты, призывающие отвергнуть культуру во имя морали. Защищать нищих духом, отняв у них плоды просвещения и оставив одну только религиозную мораль, – это значило бы, ско-

рее всего, заточить их в какое-то новое гетто или катакомбную церковь, одновременно отдав дела практические на откуп тому же Западу.

Альтернатива «третьего мира» отстаивает права жизни и прерогативы морали не путем отступления в языческий натурализм или катакомбный фундаментализм, не инволюцией в духе доэкономического и дотехнического общества, а путем придания уже общепризнанному понятию постиндустриализма высокого духовно-реформационного смысла.

Речь поистине идет об антиномиях эпохи, открывающихся на рубеже тысячелетий. С одной стороны, новая реабилитация нищих духом, всех потерпевших поражение «в экономическом соревновании» и внутреннем, и международном, с другой – сохранение экономических достижений эпохи Модерна, ныне воплощаемых носителями рыночного социалдарвинизма.

С одной стороны, восстание против глобализма, на стороне которого вся созданная Западом информационно-коммуникационная и экономическая инфраструктура – от ТНК до мировой электронной деревни, с другой – неприятие национализма и изоляционизма, ностальгического почвенничества, происки путей насыщения глобалистской идеи новым духовным содержанием.

С одной стороны, неприятие Просвещения, выродившегося в языческий культ силы и успеха, в безпринципный гедонизм, с другой – поиски новой гармонии между Просвещением и моралью.

Ясно, что эти антиномии не под силу разрешить такому типу сознания, которое уповает на свою природную цельность и неискренность, на то, что оно изначально находилось в стороне от источников мирового соблазна. Такие упования, воодушевляющие многих идеологов антизападного национализма и фундаментализма, вряд ли окажутся состоятельными. Позиция критики западного Модерна извне, со стороны якобы неискушенной первородной цельности и нераздвоенности отмечена двумя слабостями: во-первых, незнание греха не есть добродетель, а есть, в лучшем случае, невинность, которой еще предстоит пройти через горнило опыта; во-вторых, нравственная невинность, купленная ценой интеллектуальной недоразвитости, есть тип «благородного варварства», тогда как современному человечеству необходима благородная цивилизованность.

Поэтому в новой духовной эпопее третьего мира нам предстоит выделить такие цивилизационные традиции, которые в силу тех или иных причин оказались либо прямо вовлеченными в западный модернизационный опыт (хотя бы и на правах аутсайдеров), либо сочетающимися в архетипических пластах своей культуры традиции Запада и не-Запада. На сегодня таких народов два – это русские и евреи. Раздвоение исторической судьбы

и самого принципа жизнестроения, проявившееся в истории еврейского народа в форме столкновения принципа коллективной неделимой судьбы и принципа диаспоры, сегодня коснулось и русского народа. Он тоже пребывает сейчас в великом рассеянии, затронувшем не только миллионы русских, оставшихся в странах ближнего зарубежья на правах гонимого меньшинства, но и жителей самой РФ, выталкиваемых из привычной колеи новой великой смутой, посеянной третичной модернизацией.

И давняя еврейская, и новая русская диаспоры исповедуют принцип номинализма – индивидуального самоустройства на свой страх и риск, безотносительно к историческим судьбам оставленного национального целого. Но исход новой драмы Востока и Запада в значительной степени предопределится тем, как разрешится конфликт двух указанных принципов, тривиальным было бы не только чисто восточное решение – пресечь отпадение диаспоры от основного национального стержня, вернуться к неделимому национальному бытию, но и западное – уподобить все национальные коллективы судьбам диаспоры, растворить неподвижное единство в подвижной и неприкаянной множественности, якобы монополюбно воплощающей истинный дух современности.

Настоящее решение, по-видимому, состоит в том, чтобы диаспора, обогащенная всем опытом, всеми технологиями и искусствами западной цивилизации, вернула свой сыновний долг покинутому Востоку, заново устремилась к нему. Как пишет С. Лурье, «для нормального хода спонтанного самоконструирования этноса необходимо, чтобы носители личного сознания не стали в своем обществе аутсайдерами... чтобы они по своей воле согласились пережить трагическую смутную эпоху со своим народом»¹.

Речь идет, таким образом, о принципиально иных решениях, нежели те, какие принимают носители потребительского типа сознания. Если последние реагируют на смуту тем, что покидают опасное пространство национального и цивилизационного кризиса, то духовные пассионарии нового типа, напротив, устремляются назад, из сладкого вавилонского пленения Западом в охваченную кризисом почву. Сегодня зона кризиса охватывает большинство человечества – стремительно расширившийся за счет бывшего второго мира многомиллиардный «Третий мир».

Можно ли в этих условиях признать, что безответственное эмигрантское сознание, пронизанное гедонизмом и устремленное туда, «где лучше», в самом деле воплощает искомую формулу прогресса или формулу модернизации?

---

¹ Лурье С. Указ. соч. С. 74.

Мигранты безответственно сбрасывают груз кризисного пространства вместо того, чтобы взять ответственность за его судьбы. Но и ностальгические, догматические почвенники не могут спасти положение. Дело в том, что от тлетворного духа времени не спасают оазисы и анклав традиционализма и натурализма – даже если они и в самом деле сохранились в мире. Закон примата духа над материей подтверждается не только в опыте благой, нравственно-возвышенной духовности, но и в опыте разлагающей, демонической духовности, идущей от «князя мира сего».

Словом, тлетворному духу предстоит противопоставить созидательный дух, разложившейся, декадентской цивилизованности – заново облагороженную, постпотребительскую, глобализму гегемонистского типа – гуманистически преобразованный гуманизм. Эту миссию альтернативности по крайней мере на первых порах, вероятно, предстоит взять на себя той части «диаспоры прогресса», которая сознательно решится принять «восточное решение» под влиянием высоких мотивов солидарности к новому большинству нищих духом.

Если в опыте диаспоры эти пассионарии духовности насыщали свой ум обретениями западной цивилизованности и выступали в первую очередь как интеллектуалы, то в опыте исхода или возвращения им предстоит мобилизовать другую сторону духовности – нравственную, завещанную христианством. Нам предстоит всерьез задуматься над тем, какой тип озарения или духовного потрясения способен так преобразовать мотивацию диаспоры, чтобы она решилась изменить вектор: западную ориентацию сменить на восточную, восторг перед «первым миром» – на аскетическое служение «третьему».

Речь, по-видимому, может идти о весьма содержательной аналогии с другой, тоже рубежной и миллениаристской эпохой – первохристианской. Там ведь тоже вплотную столкнулись космополитичный эллинизм, представленный «странниками» античного просвещения, отчасти стоиками, отчасти эпикурейцами, и христианский универсализм, вдохновленный миссией спасения; глобализм римской сверхдержавы, воплощающий силу, и глобализм альтернативный, воплощающий надежды и солидарность слабых.

Как же случилось тогда, что наиболее мотивированные, воодушевленные и воодушевляющие других покинули сторону, воплощающую силу (к тому же выступающую в ореоле высокого Просвещения), и слились с другой – воплощающей вселенский неуспех?

И может ли это чудо повториться сегодня, когда снова столкнулись эти две парадигмы исторической судьбы – прагматического успеха и самоотверженного неуспеха, просвещенного снобизма и последовательной

солидарности с нищими духом, холодного рационализма и страстной мессианской мистики?

Положительный ответ зависит не только от духовных событий, происходящих в «третьем мире» после того, как в него выталкивается бывший «второй». Эллинистический, т. е. просвещенческий потенциал «третьего мира» как носителя вселенской альтернативы в существенной степени зависит и от того, сколько новообращенных окажутся в самом «первом мире» и какой статус они получают там. Провиденциальное значение перехода «второго мира» в «третий», после того как обнаружилась невозможность действительной универсализации западного опыта, натолкнувшейся на экологические и иные пределы, состоит в том, что именно благодаря такому переходу открывается возможность превращения «третьего мира» из объекта в субъект мировой истории, из силы, находящейся вне цивилизации, – в силу, обогащенную самыми рафинированными духовными практиками.

Но хитрость мирового разума в данном случае требует не только этого. Для благополучного разрешения трагических противоречий рубежной эпохи требуется также, чтобы и сам первый мир в лице духовно чутких и творческих своих представителей пожелал того же, что желает и «третий мир»: чтобы Запад отвратился от того, от чего отвращается Восток. Надо, чтобы Запад, сегодня в лице своих властных элит отвергший и дух, и историю в пользу материи и Современности, снова поверил в дух, и поверил в историю – в то, что Современность не самодостаточна, а чревата тем, что выше и праведнее ее.

Гегемонистский Запад готов жертвовать историей во имя своего первородства: лучше пусть она вовсе прекратится, чем перенесет свой центр на Восток. Как заставить Запад в лице лучших его представителей снова возлюбить историю и риск исторического творчества?

В контексте чисто интеллектуальной истории вопрос звучит так: как заставить интеллектуалов снова поставить Добро выше холодной аналитической Истины, несмотря на то, что Истина ведет к успеху и господству, тогда как верность Добру обещает новые, и может быть, нешуточные страдания и самоограничения?

Является ли это в принципе возможным в светской культуре или такой шаг открывается только в перспективе новой десекуляризации духа, его нового обращения к вере?

Словом, перед прогнозирующим разумом, стремящимся прозреть будущее человечества в его грядущей восточной или третьемировой фазе, стоят три взаимосвязанных задачи:

– во-первых, постичь, в какой форме и на каких правах в эту фазу будет входить традиционный «третий мир», наиболее удаленный от практик западного Модерна;

– во-вторых, определить, в какой форме произойдет включение бывшего «второго мира» в «третий» и какова при этом будет судьба тех его приобретений, которые связаны с опытом вторичной модернизации;

– в-третьих, наметить те формы, в которых осуществится внутреннее духовное преобразование самого первого мира, прецедент которого намечался в поисках альтернативного стиля жизни и постматериальных, пост-экономических ценностей западных «шестидесятников».

И снова, как и на рубеже дохристианской и христианской эр, острейшим образом встает вопрос о судьбах интеллектуального и технологического наследия западной цивилизации, которое человечество не может отбросить, несмотря на все экологические и нравственные тупики, изъяны и даже преступления Модерна. В целом, эти вопросы можно свести в один: на каком пути и какой ценой человечеству предстоит вернуть единую историческую перспективу, похищенную сепаратизмом идеологов «золотого миллиарда» и догматиками Модерна, объявившими вестернизированную Современность окончательным и неперерешаемым итогом всемирной истории?

Ответ на него сегодня существенно затруднен тем, что все более легкие варианты решения захватил и извратил в эпоху, предшествующую нынешней вселенской смуте, марксизм. Он так «наследил» в духовном храме человечества, так скомпрометировал посткапиталистические и постзападные альтернативы, что новые обращения к ним требуют особого творческого воображения и немалого интеллектуального мужества. Кризис марксистской формационной утопии, обещающей исторический прорыв всего человечества на основе его предварительного классового раскола на силы зла и добра, привел в наше время не к новой альтернативной версии общечеловеческого спасения, а к пессимистическо-раскольническому «реализму» – спасению избранного меньшинства («золотого миллиарда»).

Надо сказать, что этот зигзаг исторического сознания архетипически предвосхищен в восточно-христианской традиции. Как известно, в христианстве наличествуют две интенции: оптимистическая, связанная с уверенностью, что искупление грехов человечества уже состоялось актом распятия Христа, и пессимистическая, более уповающая на Второе пришествие и грядущий Божий суд.

Первая интенция ближе новозаветной доминанте универсализма, ибо своим вочеловечиванием Сын Божий уже спас всех нас, вторая – ветхо-

заветной доминанте отбора и избранничества, ибо не всех ожидает Воскресение, а только лучших. Сегодня, после краха марксистского формационного универсализма, оказалось неизбежным усиление иудаистской темы отбора и избранничества, получившей превращенную форму избраннической участи «первого мира». Подобное уже было – когда первохристианский оптимизм сменился пессимистическим реализмом после того, как ожидаемое Второе пришествие затянулось.

Сегодня мир уже в новых, секулярных формах заново переживает эту смену фаз восточно-христианского цикла, в которых универсализм и избранничество сочетаются в разных пропорциях в зависимости от духа времени и пережитого исторического опыта. Важно понять, что едва наступившая фаза «избранничества» не может затянуться – человечество не выдержит долгого раскола на счастливых избранников и обреченное «третьемировское» большинство. Тем более, что нынешний опыт избранничества по-настоящему не легитимирован духовно: разве «золотой миллиард» удостоен своей участи за то, что отличается особой праведностью или особыми заслугами перед человечеством?

Преимущество экономической развитости – совсем не то, что преимущество святости. Экономическими преимуществами можно соблазнить духовно слабых, но нельзя привлечь на свою сторону духовно сильных, праведных. А если это так, если парадокс новоизбранных состоит в том, что сегодня с ними не лучшие в духовно-нравственном отношении, а скорее худшие, особо восприимчивые к чисто потребительским восторгам, то трудно рассчитывать, что избранный «первый мир» надолго сохранит роль лидера и путеводаителя человечества.

Не меньшее значение имеет тот факт, что новоизбранное меньшинство человечества не только страдает равнодушием к менее удачливому большинству, но и безответственным невниманием к свидетельствам приближающейся экологической катастрофы. Это меньшинство погружено в экологическую авантюру Модерна, покупая свое потребительское благополучие ценой подрыва долговременных условий планетарного существования человечества как вида. Кризис исторического сознания, проявившийся в концепциях «конца истории», выдает грех потребительского нетерпения – успеха хотят немедленно и любой ценой, что в свою очередь ведет к еще более тяжкому греху самоизбранничества (ибо даров скорого успеха не хватит на всех).

Так задним числом обнаруживается неразрывная связь подлинного, терпеливого историзма с религиозной моралью, с нравственным самообладанием: для истории себя готовят те, кто способен ждать и достойно выносить лишения, не выпрямляя своего пути к успеху ценой неправед-

ных компромиссов или преступлений (социальных и экологических). Западный Модерн мог держать оборону перед духовным давлением Востока до тех пор, пока оказывался способным противостоять предельному нравственному измельчанию секуляризированного индивида – стяжателя успеха.

Но с тех пор, как Запад сознался в том, что никаких духовных противоядий у него нет и что безответственный в социальном, нравственном и экологическом отношениях «экономический человек» – это его последнее и окончательное решение, духовная капитуляция Запада перед Востоком стала неизбежной. Вопрос теперь только во времени.

Логику восточного духовного наступления уже можно в некоторых чертах предугадать исходя из нынешней проблемной ситуации. А она сводится к тому, что забежавшему вперед авангарду по большому счету придется платить: во-первых, цену, связанную с осквернением природы, во-вторых, цену, связанную с необходимостью преодоления изгойского статуса большинства, не попавшего в «первый мир». Эти грядущие платы совершенно несовместимы с моралью успеха и к ним, надо сказать прямо, морально не готов современный потребительский человек.

Следовательно, ему предстоит измениться и изменения эти будут не менее значительны, чем те, что некогда сопутствовали переходу от античности к христианству. Повышение статуса гонимой природы до почитаемого Космоса и восстановление человеческого достоинства изгойского большинства «третьего мира», несомненно, потребуют резкого снижения потребительских ожиданий. Перед Западом в этой перспективе открываются две стратегии.

Первая, целиком соответствующая устоявшимся доминантам Модерна, предполагает возведение все более жестких и непроницаемых барьеров между процветающим и изгойским мирами и использование все более крутых «профилактических» мер, связанных с моральным и военно-политическим разоружением последнего в сочетании с собственной предельной вооруженностью перед лицом «варваров».

Вторая связана с духовной реформацией – преобразованием потребительской морали в качественно иную мораль, более пригодную для диалога с Космосом и с другими цивилизациями. Однако подлинная перспектива – и для Запада и для остального мира – открывается лишь в том случае, если назревшая перестройка на Западе будет носить не внешне принудительный, конъюнктурный характер, а обретет форму имманентного духовного решения.

Духовная реформация на Западе должна каким-то образом вписаться в перспективу, по поводу которой уже имеется консенсус – в перспек-

тиву нового, постиндустриального качества жизни. Если тестировать эту перспективу не техно- и экономикоцентристскими критериями, а антропоцентристскими (что соответствует традициям европейского гуманизма), то окажется, что постиндустриальное общество, в отличие от индустриального, предполагает смену количественной парадигмы уровня жизни парадигмой качества жизни.

Модерн не сумел примирить эти парадигмы: рост количественных показателей уровня жизни оплачен ухудшением целого ряда показателей качества жизни. Ухудшается качество природной среды, а вместе с этим и перспективы человеческого долголетия, и общее психосоматическое самочувствие современного индивида, и эстетика пейзажа, влияющая на наш *L'elan vital* (жизненный порыв). Ухудшается и качество социальной среды, о чем свидетельствуют показатели моральной статистики и рост лиц с отклоняющимся поведением.

Сегодня к этому добавилась деградация социального государства, капитулировавшего перед натиском экономической среды и свернувшего свои социальные программы. Несомненно ухудшилось и качество духовной (культурной) среды, что связано с засильем вульгарной массовой культуры, коммерциализацией искусства и средств массовой информации, тяжелым искажением и упрощением общего образа мира. Все это, несомненно, отражается на перспективах постиндустриального общества, если понимать под ним не постчеловеческий мир техники, готовящий человеку удел отстраненного от решений жвачного животного, а среду, в которой только и может раскрыться призвание человека как творческого и нравственного существа – образа и подобия Божиего.

Поэтому Западу предстоит в ближайшем будущем заново самоопределяться в важнейших жизнеустроительных вопросах. По меркам потребительской цивилизации, ориентированной на количественные показатели уровня жизни, все современные глобальные проблемы – от экологических до межцивилизационных, касающихся взаимоотношений «первого мира» с «третьим», – выглядят как игра с «нулевой суммой». Чем больше уступок проявит потребительская цивилизация в вопросах, относящихся к общим проблемам планетарного выживания, тем меньше шансов на дальнейший рост уровня жизни и на социально-политическое умиротворение алчного потребителя, «молчание» которого куплено именно ценой планетарного риска. Если же Запад сумеет выстроить свою новую идентичность, новую систему постматериальных приоритетов, то тогда вышеназванные проблемы и связанные с ними издержки отнюдь не покажутся ему вынужденными, «накладными расходами» – они тогда войдут

в собственный цивилизационный горизонт Запада как внутренний, а не внешний вызов.

Обратимся теперь к России. Чтобы определить ее грядущие духовные горизонты, надо понять логику современных, уже вполне наметившихся тенденций. Когда российское сознание, ныне замутненное новой идеологической инъекцией со стороны Запада, вполне прояснится, ему неизбежно откроется неразрывная внутренняя связь тоталитаризма с Модерном. На эту связь на Западе успели указать многие – и «новые философы», и некоторые теоретики постмодернизма, и теоретики эко-социализма (А. Горц, И. Ильич и др.).

Но, разумеется, наиболее убедительным и близким является свидетельство А. И. Солженицына. Его «Архипелаг ГУЛАГ» – это трагический эпос, отражающий борьбу Святой Руси с Машинной – воплощением танатоса. Большевицкая индустриализация – это конвейер по переработке живого в неживое, взятый в чистом виде, без всяких сдержек и противовесов, устраненных тоталитарным режимом. Эта связь Модерна с ГУЛАГом, как уже отмечалось выше, является тщательно охраняемой «государственной тайной» и самого Запада, и насаждаемых им повсюду компрадорских режимов.

Но тайны выплывают наружу. И чем больше разрушительного усердия проявляют номенклатурные вестернизаторы в России, тем меньше шансов сохранить эту тайну. Осознание связи ГУЛАГа с Модерном ведет Россию от заемных учений к своей собственной великой письменной традиции – к греко-православному Логосу.

К этому же ведет и другая тенденция.

По мере того как активизируется ислам и входящие в его ареал бывшие союзные республики выстраивают свою мусульманскую идентичность, Россия не может в ответ на это демонстрировать культурно-цивилизационную пустоту своего пространства, оставлять его безобразным, а значит, и духовно незащищенным. Чем активнее Запад пытается организовать единый антироссийский фронт с рядом мусульманских режимов и спровоцировать агрессивный пантюркизм, тем принудительнее становится для России обращение к собственной цивилизационной традиции, завещанной Византией.

Может быть, сегодня у нас еще сохранились такие западники, которые, не желая разделять ответственности с нынешним компрадорским режимом, сохраняют надежду на то, что с Запада придет еще одно спасительное учение, более гуманное, чем скомпрометировавший себя либертаризм. Этим западникам надо посоветовать оставить свои надежды. Действительно великие гуманистические

идеи не рождаются в атмосфере победоносной эйфории и самоуверенного гегемонизма.

Не кичливые победители, а потерпевшие, вдохновленные защитой чести и достоинства, защитой поруганных ценностей, – вот кто рождает великие альтернативные идеи. Духовная атмосфера современного Запада исключает подобную инициативу. Наверное никогда еще, со времен Петра I, наши западники не попадали в столь ложное положение. В первый раз у них нет ни патриотического алиби, ни гуманистических аргументов, ни исторических упований. Ибо новейший, постклассический либерализм «закрыл» все эти темы разом – от солидарности с угнетенными до надежд на качественно новое историческое будущее.

В первый раз у российской интеллектуальной элиты, достойной этого названия, оказался начисто закрыт путь правоверного ученичества у Запада – источника готовых решений. Может быть, эта ситуация вконец обескураживает тех, кто на иную роль, нежели роль пассивных адептов, не способен в принципе. Но творчески ориентированную, патриотическую элиту она обескуражить не может. Ей пора взять на себя ответственность за духовную ситуацию на Родине, за пробуждение спасительной духовной альтернативы.

Но великие альтернативы не рождаются на пустом месте, методом волюнтаристских импровизаций. Великие альтернативы рождаются в лоне великой традиции. У России есть такая: это восточное христианство, византизм, Православие.

Главное в этой традиции: идея Воскресения – обретения спасения не в опыте успеха, а на крестном пути великих страданий и обретенного в ходе их великого просветления. А. Солженицын, великий гражданин России, все же не стал идейным отцом народа, защитником и пророком, ибо, будучи как и практически все его поколение отлученным от греко-православной традиции, не сумел узреть связи между поруганием и воздаянием, не заполнил структуру великого христианско-эсхатологического мифа звеном, относящимся к Обетованию и Воскресению. Он описал хищение и поругание Руси машиной Модерна и создал одну из величайших в истории мировой литературы трагедий. Но трагедия не стала катарсисом, ибо не содержала идею великого исхода, обретения и воздаяния, не примирила национальную судьбу с современной мировой историей. Эта задача сегодня стоит перед национальным гением России.

Трагические срывы XX века в России как раз и связаны с тем, что даже в ходе религиозно-философского ренессанса начала века, во всеоружии еще не разрушенного духовного наследия, ее национальный гений все же не сумел дать убедительный творческий синтез националь-

ной судьбы и мировой истории, а вне такого синтеза Россия не может жить и не может выжить, ибо призвание ее – вселенское. Не были разрешены эти роковые вопросы и деятелями нашей эмиграции, даже первой волны, действительно патриотической и творческой, не говоря уже о представителях второй и третьей волны, в сознании которых тотализм и Россия стали постепенно сливаться.

Но упрекать и сожалеть об утраченных возможностях – это легкий путь обиды и уныния – парадоксальный гедонизм падших, ибо в падении есть свое облегчение, связанное с передачей ноши ответственности тем, кто теперь наверху. Трезвый анализ показывает, что России некому передоверить ответственность не только за свою национальную судьбу, но и за духовные перспективы современного мира в целом. Мир теперь лежит во зле, он отдан в руки такому победителю, который в духовном и культурном отношении выглядит куда мельче, чем прежние создатели великих мировых империй.

За этим победителем не стоит великая культурная традиция, он не воплощает ни творческую хитрость «мирового разума», ни великую мировую идею – разве только великую алчность и высокомерие невежды. Поэтому все те, кто сегодня умывают руки, решившись довериться ходу событий, не имеют настоящего алиби: процесс в самом деле «пошел», но если его не остановить, то заведет он только в пропасть. Тем, кто все же решается не «умыть руки», а приложить их, предстоит ответить на трудный вопрос.

Он касается все обостряющегося противоречия между великим духовным призванием России и последовательным снижением ее интеллектуального потенциала, опустошенного в результате двух гигантских чисток, сначала большевистской, связанной с ГУЛАГом, затем «либеральной», связанной с уничтожением дорогостоящей культурной надстройки и технологиями тотального морального опрощения и растления. Вопрос этот относится к онтологии культуры, к шансам духа облагородить и усмирить взбунтовавшуюся материю техники и материю дурных инстинктов.

Если эти шансы мы связываем только с *ratio*, с логикой и наследием Просвещения, то напрашиваются самые пессимистические выводы. Во-первых, потому, что современный Модерн вообще тяготеет высоким Просвещением, капитулируя перед «первичными потребностями», а во-вторых, потому, что само Просвещение оказалось не в состоянии заменить религию как великую нормотворческую и мотивирующую силу. В этом отношении парадокс России связан с тем, что она, с одной стороны, пострадала от Просвещения, оказавшегося особо беспощад-

ным и к ее природе, и к ее традиционной культуре, отданным молоху модернизации, а с другой стороны – уже дважды за столетие пострадало от чисток само российское Просвещение.

Но если мы будем связывать шансы России, как и шансы мировой истории, с одним только Просвещением, с интеллектуальными революциями, мы ничего не поймем в эпопее христианства, которое спасло и очистило мир, хотя по многим критериям находилось в конфликте с античным Просвещением и больше адресовалось не просвещенным, а нищим духом. Мы профанируем наше понимание онтологии культуры, если не поймем ее великой антиномии, связанной с конфликтами рационального и морального. Если бы культура была только рациональной и выстраивала перспективу человечества на пути углубляющейся, всеохватывающей рационализации, она не давала бы никаких шансов тем, кто по сложившимся правилам игры потерпел неудачу – всем изгоям и отверженным рационального порядка.

Но, как свидетельствует духовная история человечества, судьбы культуры отнюдь не всегда просматриваются в логике Просвещения и рационализации. Нередко случается так, что просвещенные и рационально ориентированные прагматики предают дело культуры, причем не только тогда, когда все слишком рафинированное представляется им отягощающим и мешающим спрямить дорогу к успеху. Гольый рационализм опасен прежде всего своей презумпцией, касающейся совпадения истинного и удобного. Рационализм исповедует веру в потокающую истину – ту самую, которая в точности соответствует нашему стремлению устроиться в мире как можно удобнее. Рационализм давно уже исказил онтологический статус окружающего мира, превратив его из вещи-в-себе в вещь-для-нас, т. е. служащую удовлетворению наших потребностей.

Но человеческие потребности – не такая простая вещь, чтобы можно было заниматься их историческими и онтологическими экстраполяциями. Во-первых, между объективно полезным и субъективно желаемым нет полного совпадения, иногда они расходятся в стороны и довольно далеко. Во-вторых, между полезным в краткосрочной и полезным в долгосрочной перспективе также могут возникать весьма драматические несоответствия. Эти антиномии человеческой судьбы и культуры давно бы завели нас в окончательный тупик, если бы в резерве у человека не находился еще один таинственный и чудный инструмент культуры – моральный разум.

Совершенно чудодейственным парадоксом морали является то, что в условиях возникающего противоречия между краткосрочной и долгосрочной рациональностью именно моральный критерий оказывается

безошибочным. Моральные решения в долгосрочной перспективе, как правило, оказываются наиболее верными. Но именно потому, что современный гедонистический человек разучился ждать, и тем более передоверять право на успех будущим поколениям – ведь он как законченный индивидуалист требует все получить при жизни, – именно потому он оказался наименее восприимчивым к суждениям морального типа.

Для того, чтобы вернуть моральным критериям должный статус в современной культуре, предстоит возродить в новых формах и с новой убедительностью религиозную картину мира, оправдывающую наши воздержания и от претензий на немедленный успех, и от надежд на прямую связь между поступком и вознаграждением (что предполагается рационалистическими предположениями об эффективности). Поэтому можно сделать вывод: духовная реформация грядущего будет связана с возрождением этикоцентричных традиций мировой культуры. Среди этих традиций свое законное место занимает и наша, восточно-христианская, православная.

Духовная атмосфера грядущего XXI в. скорее всего будет определяться напряженным творческим диалогом великих этикоцентричных традиций: православной, мусульманской, индо-буддистской, конфуцианской. Этикоцентристской доминантой отличалось и европейское Средневековье, культурное влияние которого долгое время предохраняло западный Модерн от убийственных нигилистических крайностей. Но сегодня эти крайности, кажется, возобладали на Западе.

Чтобы оказаться полноценным участником грядущего диалога, Западу предстоит понять, что главные проблемы постиндустриального развития вовсе не те, что связаны с поисками новых технологий и новых энергоносителей. Главные проблемы этого развития – этические, к уяснению которых наше сознание готовят и новые виды этики – экологическая, биоэтика, этика межкультурного диалога, этика ненасилия и др. Все они представляют собой альтернативу завоевательно-преобразовательным установкам фаустовской культуры.

Но самостоятельно преодолеть и преобразовать эти установки современный Запад явно не в состоянии. Ему предстоит пройти новую выучку у Востока. Именно там будет найден новый синтез этикоцентричных традиций и заветов, отразивших духовно-просветленный опыт многих тысячелетий человеческой истории, сегодня подготовившей действительно эпохальный поворот. Характер XXI в. определится тем, насколько удастся человечеству выработать гармоничный синтез указанных этико-центричных традиций и в какие практические жизнеустроительные формы он в конечном счете выльется.

ПОДАРОК ОТ ЕПИСКОПА

В конце 80-х, в начале 90-х годов, когда стала возрождаться вера, люди потянулись в храмы и начали утолять духовный голод, насыщаясь церковной литературой. По мере сглаживания нашей дремучести в вопросах религии, происходило немало курьезных и смешных историй.

Монахиню Епистимию могли в документах записать Эпитимьей, некоторые считали, что архангелы, это такое таинственное племя необычных людей, заселявших север, якобы в их честь и назван город Архангельск.

Нечто похожее случилось в одном из сибирских поселков, в который в то время впервые приехал епископ.

Когда-то в этом поселке был храм, но в советское время его закрыли и долго использовали как зернохранилище. Владыка принял решение восстановить церковь и возродить приход, благо храм не был разрушен, лишь нуждался в капитальном ремонте.

Весть о прибытии епископа по поселку разлетелась быстро. Жители разволновались, особенно пожилые люди, которые еще не забыли, что такое воскресная служба и Литургия. Были и те, кто с детства запомнил сельского батюшку. Неизбалованная такими новостями деревня буквально встрепенулась.

Старушки заметно взбодрились, надели новые платочки и потянулись к храму. Пожилые – с вдохновением и радостью, молодежь – с любопытством. Разлетелись забытые слова: сам владыка дает благословение!

В результате религиозной неосведомленности некоторыми молодыми слова «дает благословение» были в суматохе спешно переиначены на свое мирское понимание. Что такое «благословение» знали немногие, но что это дают, а стало быть, раздают, было воспринято как нечто в виде бесплатной гуманитарной помощи.

Дошло известие и до плотника Федора. Будучи отцом троих детей, он жил, что называется, едва сводя концы с концами. Это время было особенно голодным и дефицитным.

Любознательный и шустрый Федор, услышав такое и спешно раз узнав, где оно происходит, кинулся к церкви. Кто такой епископ, он понимал с трудом, решив, что это богатый жертвователь, уравнивая владыку с бизнесменом.

Увидев епископа и нескольких священников, он оробел. К владыке подходили по несколько раз бабульки, их лица сияли, они целовали его руку, все это на фоне волнения и внезапного трепета настолько переплелось в голове в общем-то неробкого Федора, что его речь стала путаной и косноязычной. Плотник врос в землю и ни туда ни сюда. Бабульки пытались вдохновить Федора, подталкивая его к епископу со словами:

– Иди, глупый, пока дает...

Федор через силу выяснял:

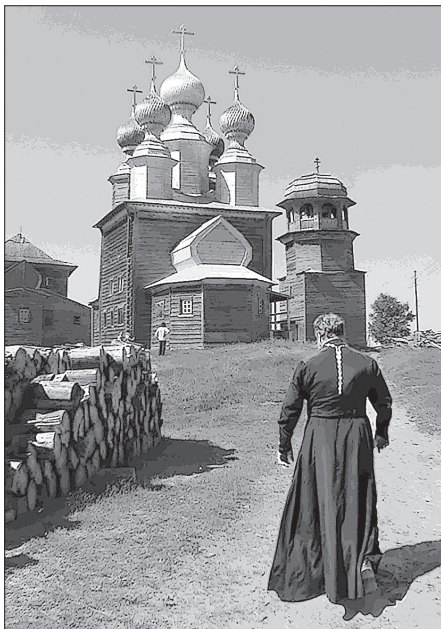
– А че дает-то? Да как зовут этого... ну его?

– Да я епископ его, иди, а то уедет, и останешься ни с чем...

Федор воспрянул, подошел и встал, не видя, чего дают...

Епископ, довольно молодой, с юмором человек, увидев подошедшего Федора, сразу оценил ситуацию. Он не торопил его, давая ему возможность прийти в себя и что-то сказать...

Федор, теребя фуражку, выпалил:

– Э-э, товарищ епископ, вы, говорят, чего-то даете... У меня детей трое... Голос Федора внезапно подсел, задрожал.

– Мне бы, ну че Вы даете... этими продуктами хоть что ли...

И Федор заплакал. Навзрыд. Те, кто было улыбались, а то и подхотывали, замолчали. Молчал и Владыка. Потом он приблизился к бедному плотнику, чуть приобнял его, что-то шепнул на ухо и просто тихо окрестил голову. Подозвал сопровождающего священника, негромко дал ему поручение.

Епископ взял Федора под руку, отвел его в сторону. Плотник постепенно пришел в себя. Владыка какое-то время еще поговорил с людьми, затем попрощался со всеми и, подойдя к Федору, негромко сказал:

– Теперь ты знаешь, что такое Божье благословение. Это когда с любовью и пониманием.

Владыка уехал. Ушел домой и Федор. С благословением и гостинцами.

Через месяц плотник Федор работал при сельской церкви, начав с укрепления крыльца, чтобы удобно было входить старушкам и трем его деткам с супругой.

Он успокоился и окреп духом, потому что оказался при деле, да и при зарплате, а главное, уже при своем храме.

СЛУЧАЙ В ХОТЬКОВО

Э то случилось в пятидесятых... Стоял конец августа. Несмотря на летний месяц было как-то уже по-осеннему холодно. Низко стелющийся густой туман у реки при едва обозначившихся сумерках... Все говорило о том надвигающемся времени, когда наметилось настоящее «очей очарованье».

Путевая обходчица Мария завершала свой ежедневный плановый осмотр участка железнодорожного пути, который был закреплен за ней с самого начала вступления на эту должность. Все ее движения, профессиональный взгляд за многие годы были отработаны до автоматизма. Такая работа, с виду казавшаяся неинтересной и нудной, была, на самом деле, спасительной для тех, кто оказывался на железной дороге то ли в должности машиниста, то ли будучи пассажиром. Люди в вагонах ехали, о чем-то говорили, пели, кушали, а то и просто спали под монотонный стук колес, а Мария делала все, чтобы люди и кушали с аппетитом, и пели с удовольствием и крепко спали. В поезде вообще хорошо спится.

Обходчица шла неспешно, внимательно рассматривая стыки рельсов, постукивая по ним и прислушиваясь к каждому звуку. Ничего подозрительного, как впрочем, и всегда. Это ее успокаивало. Непокойно на душе было только за дочь. Уехала в город после «восьмилетки» по на-

правлению на завод. Как у нее сложится теперь? Обещали койко-место в заводском общежитии с неплохой зарплатой. Ладно бы так... Да лишь бы люди вокруг хорошие попались, а то мало ли что?

Дошла до конца участка. Вот вроде и все... Теперь домой с материнскими мыслями и усталостью обходчицы.

И вдруг! Впереди метрах в ста увидела яркое свечение. Оно было настолько непривычным, что Мария испугалась, напряглась и замерла. Оцепенело смотрела, боясь идти вперед и, как ни странно, не могла от испуга бежать назад.

Прошло несколько мгновений, как на фоне необычного света проявился образ, похожий на юношу. Странно, но именно это Марию не испугало. Она не мигая, очень внимательно смотрела на видение. По всем очертаниям это был действительно юноша. Он словно парил над землей, но своим появлением не настораживал, не пугал, а более того, мягко и настойчиво звал к себе, словно просил: «Иди сюда, иди быстро!» – и показывал рукой на рельсы.

И Мария пошла. Даже не пошла, а побежала к светившемуся юноше. До него оставалось всего несколько метров, как вдруг он исчез. Но место, где он стоял, по-прежнему светилось. Подбежавшая Мария увидела, что к рельсе накрепко примотан ребенок, закутанный в покрывало. Дальше женщина действовала как в полусне. Она пыталась лихорадочно отвязать ребенка, но волнение было настолько велико, что она никак не могла найти накрепко затянутый узел.

И вдруг, – вдруг ей опять по-настоящему стало страшно. Она увидела, и уже не так далеко, надвигающийся поезд. Мария, стоя на коленях на шпале, пыталась то тянуть ребенка к себе, то маячила машинисту и кричала осипшим голосом: «Стой!!!»

Внезапно, будто опомнившись и придя в себя от увиденного, словно Кто-то остудил ее, она быстро и ловко сорвала с себя один из двух платков, а именно белый (другой был черный) и кинулась навстречу паровозу. Мария бежала, размахивая белым платком, и очень громко кричала машинисту одни и те же слова: «Стой! Стой!»

Потом был страшный скрежет железа, искры из-под колес резко тормозящего поезда, крик машиниста, бежавшего уже навстречу путеобходчице и крепкие мужские слова.

Стоявшие лицом к лицу два человека в состоянии запредельного нервного напряжения уже не кричали... Они просто яростно махали руками, пытаясь сказать жестами то, на что не хватало слов.

А несколько минут спустя, они, уже чуть остывшие и обмякшие, смотрели на того, из-за кого это все произошло.

Мужчина опустился на колени, развязал все узлы, потом бережно взял ребенка на руки (оказалось, что это девочка), и вместе с Марией они медленно пошли к паровозу.

У поезда Мария машинально оглянулась на место обретения ребенка и вновь увидела на мгновение то неземное свечение и ангельский образ. Образ Ангела-Хранителя малышки.

Хотьково – городок в Московской области.

Николаев Виктор Николаевич родился в 1958 г. в Восточном Казахстане. В 1981 г. окончил Курганское высшее военно-политическое авиационное училище. С 1981 по 1987 г. служил в Закавказском военном округе. 1987 – 88 гг. – Афганистан. 1988 – 89 гг. – выполнял задачи по нештатным ситуациям в Сумгаите, Степанакерте, Карабахе, Спитаке, Тбилиси. 1990 – 93 гг. – учеба в Военно-политической академии. Майор запаса, награжден орденом Красной Звезды.

Член Союза писателей России. Автор книг «Живой в помощи (Записки афганца)», «Из рода в род», «БезОтцовщина», «Время подумать о главном (Шамординские истории)». В 2006 г. выпущен диск с литературной композицией по книгам автора.

Лауреат премии Союза писателей России «Честь имею» 2000 г., лауреат премии «Прохоровское поле» 2002 г., лауреат Большой литературной премии России 2002 г. В 2010 г. книга «БезОтцовщина» отмечена дипломом СФИ «Золотой Витязь». Лауреат Патриаршей литературной премии имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия за 2012 г.

ВЕЛИКИЕ МАТЕРИ ВЕЛИКИХ СВЯТЫХ

Удивительная икона. Матери трех великих святителей, всегда таившиеся в тени своих сыновей, поистине как *сокровенный сердца человек в нетленной красоте кроткого и молчаливого духа* (1 Петр. 3, 4), стоят здесь на первом плане. Не своей волей встали они впереди. Так поставила их Церковь, чтя память тех, из чьего святого гнезда воспарили три орла, вознесшие церковную службу в такой красоте и великолепии, что послы князя Владимира потрясенно говорили: «Не знаем, на небе мы были или на земле».

Святые Емилия, Анфуса, Нонна, как три свечи, горевшие пред Богом, поныне являются для нас образцом материнской любви. Благодаря их молитвам и великому материнскому подвигу их сыновья стали Вселенскими учителями Церкви.

Десять детей дал Господь святой Емилиии († 1 января), пять из них причислены к лику святых: свт. Василий Великий, прп. Макарина, свт. Григорий, епископ Нисский, свт. Петр, епископ Севастийский и праведная диаконисса Феозва.

Святая Анфуса († 28 января), мать святителя Иоанна Златоуста, оставшись вдовой, цветущие годы молодости посвятила воспитанию и образованию сына. Плодом его трудов стали чин Литургии и множество богословских сочинений, писем, проповедей, а жизнь его увенчана подвигом мученичества.

Праведная Нонна († 18 августа), мать святителя Григория Нисского, воспитала учителя Церкви, богослова, создавшего учение о Лицах Святой Троицы с исчерпывающей полнотой и ясностью.

Святые Емилия, Анфуса, Нонна, молитесь Бога о нас!

Прп. Емилия, мать свт. Василия Великого; прп. Анфуса, мать свт. Иоанна Златоуста; св. прав. Нонна, мать свт. Григория Богослова

«Духовный Собеседник» в 2020 году

Материалы, посвященные 75-летию победы в Великой Отечественной войне.

Жизнеописания отечественных подвижников благочестия, праведников, боголюбцев, исповедников российских из архива митрополита Мануила (Лемешевского).

Поучения святых отцов о стяжании Духа Святого.

Беседа главного редактора «ДС» с Любовью Васильевной Шумилкиной, заведующей художественным отделением школы искусств № 6 г. Донецка, руководителем группы воспитанников, посетивших Самару с выставкой «Война глазами детей Донбасса».

Статьи доктора юридических наук, автора работ по византологии и церковному праву А. М. Величко «О любви».

Статья филолога-языковеда, известного православного писателя Василия Ирзабекова «Несколько слов в защиту любви».

Статья доктора философских наук, профессора, монахини Александры (Захарченко) «Кто ты, человек?» Размышления об антропологических основах в педагогике.

1-я стр. обложки: Оптинский старец схиархимандрит Илий (Ноздрин). Фото Екатерины Жевак.

2-я стр. обложки: Прп. Емилия, мать свт. Василия Великого; прп. Анфуса, мать свт. Иоанна Златоуста; св. прав. Нонна, мать свт. Григория Богослова.

3-я стр. обложки: Фоторепортаж Екатерины Жевак о пребывании старца Илия (Ноздрина) в Самаре. 2020 год.

Издание зарегистрировано Министерством Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ №77-7592 от 19.03.2001 г.

Учредитель Самарская Епархия Русской Православной Церкви.

№2(106). Отпечатано в типографии ООО «Экополис», адрес 443034, г. Самара, ул. Енисейская, д. 43.

Подписано в печать 28.02.2020 г.

Тираж 1500 экз. Выходит один раз в два месяца. Возрастное ограничение: 12+.

**ПРИГЛАШАЕМ
ОФОРМИТЬ ПОДПИСКУ**
на журнал «Духовный Собеседник»
(144 стр.; 1 раз в 2 месяца)
на 1-ое полугодие 2020 года.

**Духовный
Собеседник**

- В любом почтовом отделении России – наши подписные индексы:
  - 39582 – в объединенном каталоге «Пресса России» (зеленом)
  - П3160 – в электронном каталоге «Подписные издания. Официальный каталог Почта России»
  - 3160 – в официальном каталоге Почты России «Подписные издания».
  - 39582 – в каталоге РУП «Белпочта» (Беларусь).

Напрямую (через банк или иным способом) перечислив денежные средства (из расчёта **320 рублей** за один экземпляр журнала с учетом доставки до адресата - только на территории России) **в редакцию по следующим реквизитам:**

Получатель: ООО «ИТЦ «Софит»

ИНН 6316126890 / КПП 631601001

р/с 40702810003000022347 в Приволжском филиале ПАО «Промсвязьбанк» г. Самара

БИК 042202803 к/с 30101810700000000803

Назначение платежа: Подписка на журнал «Духовный Собеседник» на 1-ое полугодие 2020 года.

на ___ номеров.

КОНТАКТЫ РЕДАКЦИИ:

эл.почта: albina063@mail.ru

почтовый адрес: 443110, г. Самара, ул. Радонежская, 2.

телефоны: +7(846)334-12-72, 336-84-41.

Наложённым платежом, обсудив и оформив заказ по указанным телефонам.

**Духовный
Собеседник**